

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 2 (123) / 2023

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Лушинская (*главный редактор*),
Л. А. Тарасевич (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

- Дмитриева Н. В.* Взаимодействие вербальных и невербальных аспектов
в англоязычной видеорекламе (на материале
рекламных видеороликов фирмы Найк в 80-х гг.) 7
- Дубасова А. В.* О роли семантических факторов
в исчезновении первичных латышских глаголов 15

Романское и германское языкознание

- Дедович О. Г.* Артефактные метафорические модели
лингводидактического дискурса
(на материале немецкого и русского языков) 24
- Рубанова Е. В.* Ранние сленгизмы в английском языке..... 33
- Сытько А. В.* Отрицательные деонтические высказывания:
семантика и прагматика
(на материале немецкого и русского языков) 40

Исследования славянских языков

- Шарейко А. А.* Славянский цветовой код (черный и зеленый цвета):
ассоциативная составляющая 50

Востоковедение

- Москалёва А. Ю.* Инкорпоративные комплексы китайских предикативов
с постоянным ёгеном в роли актуализатора..... 58

<i>Филимонова М. С.</i> Рекурсивный анализ китайских фоноидеограмм (на примере иероглифа 教).....	67
<i>Цзюй Цюнь.</i> Семантика и культурная коннотация русских и китайских фразеологизмов с цветообозначением <i>черный</i>	76

Литературоведение

<i>Кісліцына Г. М.</i> Маніфест як літаратурны жанр: тэмы і варыяцыі	85
<i>Латцёнак І. Б.</i> Адметнасць перакладной купаліяны ў ракурсе Міжнародных Купалаўскіх чытанняў.....	94
<i>Якушава А. М.</i> Пра асаблівасці семантыка-граматычнай спалучальнасці слоў у мастацкім тэксце (на прыкладзе твораў І. Шамякіна)	100

CONTENTS

General and Typological Linguistics

- Dmitryieva N.* Interaction of Verbal and Non-Verbal Aspects
in English-Language Commercials
(Based on Nike Commercials in the 80s) 7
- Dubasava A.* On The Role of Semantic Factors
in the Disappearance of Primary Latvian Verbs 15

Romance and Germanic Linguistics

- Dedovich O.* Artifact Metaphorical Models of the Linguodidactic Discourse
(Based of the German and Russian languages)..... 24
- Rubanava Y.* Early Slangisms in English..... 33
- Sytko A.* Negative Deontic Statements: Semantics and Pragmatics
(on the Material of the German and Russian Languages) 40

Slavonic Languages

- Shareiko H.* Slavic Color Code (Black and Green Colors):
Associative Component..... 50

Oriental Studies

- Moskaliyova A.* Incorporative Complexes of Chinese Predicatives
with a Constant Yogen in a Role of an Actualizator 58
- Filimonova M.* The Recursive Analysis of the Phonetic Component
of the Chinese Character (on the Example of the Chinese Character 教).... 67

<i>Ju Qun</i> . Semantics and Cultural Connotation of Russian and Chinese Phraseologists with Color Designation <i>Black</i>	76
--	----

Literary Studies

<i>Kislitsyna A</i> . Manifesto as a Literary Genre: Themes and Variations	85
<i>Laptsionak I</i> . The Peculiarity of the Translated Kupaliana in the Perspective of the International Kupalian Readings	94
<i>Yakushava A</i> . On the Issues of Semantical-Grammatical Co-Occurrence of Words in a Literary Text (on the Example of I. Shamyakin' Works)	100

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.111'42

Дмитриева Наталья Викторовна
магистрант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natalia Dmitryeva
Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
natnickdmr@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВИДЕОРЕКЛАМЕ

(на материале рекламных видеороликов фирмы Найк в 80-х гг.)

INTERACTION OF VERBAL AND NON-VERBAL ASPECTS IN ENGLISH-LANGUAGE COMMERCIALS (Based on Nike Commercials in the 80s)

В данной статье рассматриваются способы взаимодействия вербальных и невербальных средств в рекламном дискурсе. Исследование проведено на материале десяти рекламных видеороликов фирмы Найк в период 80-х гг. прошлого века – начала становления новых форм рекламы данной фирмы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *рекламный дискурс; креолизированный текст; социальный аспект; вербальный аспект; невербальный аспект.*

This article examines the ways of interaction between verbal and non-verbal means in advertising discourse. The study was conducted on the material of ten Nike commercials in the 80s of the last century – the beginning of the formation of new forms of advertizing for this company.

К e y w o r d s: *advertising discourse; creolized text; social aspect; verbal aspect; non-verbal aspect.*

Реклама как один из институциональных типов дискурса давно стала релевантным фактором конкурентной борьбы в условиях развития гражданского общества, в котором создаются определенные рамки для функционирования рыночных отношений при наличии высокой конкуренции. Каждый продавец стремится к максимальному удовлетворению потребностей покупателя. Вовлеченными в рекламный процесс оказываются рекламодатель, исполнитель, СМИ, потребитель, наряду с государством, которое издает специальные нормативно-правовые акты, детерминирующие рекламную деятельность в стране [1, с. 129].

Основной целью рекламы является завоевание целевой аудитории, оказание влияния на потенциального покупателя для убеждения его в приобретении товара либо услуги. Ключевой специфической чертой данного типа институциональной коммуникации, как указывает Н. Н. Оломская, говоря об аксиологии современного рекламного дискурса, является акцентирование в тексте одной или нескольких характерных положительных черт предлагаемого товара или услуги [2, с. 96]. Данный тезис дополняет И. В. Крылов, подчеркивая, что социально-экономические изменения последних десятилетий XX в. привели к утрате традиционных для общества представлений, переоценке ценностей, появлению ориентации на «общество потребления», где «огромное значение придается комфорту и гедонистической интерпретации потребления» [3, с. 218].

В связи с развитием технологий и связанными с ними значительными изменениями в средствах коммуникации рекламные сообщения разделяют на три основных вида: визуальные (печать), аудиальные (радио) и аудиовизуальные (реклама в кино, видеореклама, телевизионная реклама и проч.). Последний из них представляется нам наиболее интересным. Во-первых, вербальные и визуально-аудиальные компоненты рекламного сообщения, будучи тесно связанными на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне, формируют, по общему признанию ученых, максимально креолизированный тип сообщения [4, с. 81], который обладает колоссальным воздействующим потенциалом, но, при этом, воспринимается с меньшим напряжением, чем вербальный текст. Во-вторых, являя собой сложное, как указывает М. И. Седова, – текстово-дискурсивное образование, включающее в себя текст, речь, коммуникативный акт, а также невербальный компонент [5, с. 64], рекламный видеоролик – типичный способ актуализации аудиовизуальной рекламы.

Данное исследование проведено на материале десяти рекламных видеороликов фирмы Найк в период 80-х гг. прошлого века – начала становления новых форм рекламы данной фирмы и ставит своей целью определить специфику взаимодействия вербальных и невербальных средств в рекламном дискурсе. Найк – одна из самых известных компаний в области спортивных товаров, для продвижения которых используются эффективные рекламные инструменты.

В своей совокупности анализируемый материал представляет различные сюжеты, в которых так или иначе фигурируют: а) логотип Найк; б) основной продукт того времени – кроссовки Найк; в) центральный слоган, несущий основной посыл видеоролика. Независимо от конкретного ролика и времени его разработки данные три компонента являются обязательными частями всех 10 роликов. Они присутствуют, например, в первом видеоролике, “*Nike Evolution. Trophy*”, в котором авторы уделяют большое внимание ассоциации спортивной обуви Найк непосредственно с успехом, победой и высокими достижениями. С этой целью ими используется: демонстрация кроссовок на

фоне кубка, что дает четкую ассоциацию с победой и наградой (рисунок 1) [8]; разрыв финишной ленточки бегуном (рисунок 2) [8]; появление в кадре золотой богини Ники, с ней связано и само название компании (рисунок 3) [8]; греческая ваза с бегунами как отсылка к самой истории Олимпийских игр и их родине Греции (рисунок 4) [8].

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Таким образом, по замыслу разработчиков рекламного видеоролика, у зрителей должна возникнуть устойчивая связь между логотипом и кроссовками Найк и, что особенно важно, положительное отношение к продукту фирмы.

Относительно роли компонентов видеоролика можно утверждать, что видео несёт в себе основную смысловую и эмоциональную нагрузку, а вербальный текст сопровождает и часто дополняет видеоряд. Специфика рекламируемого объекта диктует выбор лексических средств: все используемые в текстах прилагательные и наречия предназначены для выражения успеха, превосходства, новизны. В тексте ролика “*Nike Evolution. Trophy*” авторами активно используются прилагательные в сравнительной степени: *better, faster, safer, more critical*, в превосходной степени: *fastest, most sophisticated* и др. Такие формы прилагательных, а также общеоценочные прилагательные

great и *good* в совокупности с соответствующим видеорядом обусловлены намерениями адресанта убедить в преимуществах рекламируемого товара и повлиять на поведение покупателя.

Текст пронизан существительными, типичными для спортивного дискурса: *sport, dynamics, athletes, world record, miler, long-distance, run, running, marathon*, и для научного дискурса: *innovations, knowledge, research labs, idea*. Сочетание лексики двух этих дискурсов акцентирует внимание на связи спорта и науки. Логотип Найк появляется в кадре видео “*Nike Evolution. Trophy*” 24 раза. Таким образом уже в первом ролике мы видим настойчивое привязывание товара к логотипу Найк и создание в сознании адресата нового знака с положительной коннотацией, а во всех последующих видео этот образ-знак подтверждается и закрепляется.

Для оформления финальной эхо-фразы ролика “*Nike Evolution. Trophy*” используется антонимическая пара: *When you finally reach the end of the line you realize it’s only the beginning* ‘Когда вы, наконец, дойдете до конца, вы поймете, что это только начало’ и дополняется выразительным последним кадром – это детские ноги в кроссовках Найк. Взаимодействие текста и динамичного изображения в некоторых случаях образует одно визуальное, структурное и смысловое целое. Так, в финальной части видео “*Nike Evolution. Trophy*”, в то время как диктор произносит слова: *there’s only one problem with having a great idea it just leads to more ideas ...* ‘есть только одна проблема с отличной идеей, она просто приводит к большему количеству идей’, появляется образ ноги, обутой в кроссовок Найк, впоследствии сменяясь множеством образов других ног в кроссовках Найк. Таким способом отождествляется кроссовок Найк и *great idea* (рисунок 5) [8].

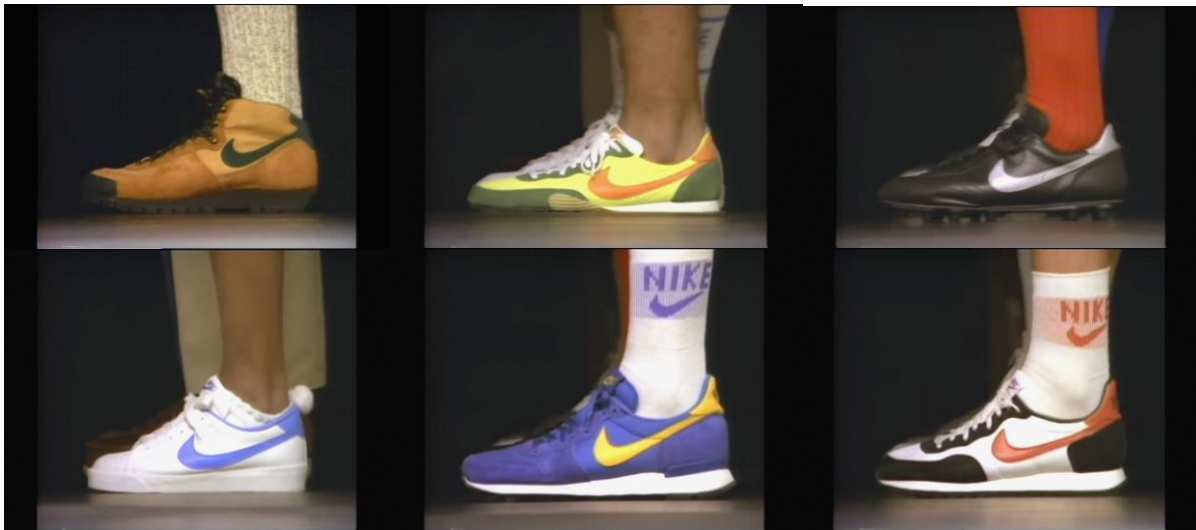

Рис. 5.

Наглядно связь видеоряда и словесного контекста наблюдается и в видео-ролике “*Air Jordan 1*”, в котором в замедленной съемке демонстрируется разбег и прыжок баскетболиста перед броском мяча в кольцо. Все действия

спортсмена сопровождает звук взлетающего самолета, что создает четкую ассоциацию с полетом. В момент, когда спортсмен подпрыгивает, звучит фраза: *Who says, Man was not meant to fly?* ‘Кто сказал, что человеку не суждено летать’. Прием наложения звука работающего двигателя самолета на движения баскетболиста создает визуальную метафору: этот спортсмен может летать, как самолет, он сила и мощь, он и есть самолет (рисунок 6) [9]. Посыл данной фразы очевиден – приобретайте кроссовки Найк и с ними новые способности человека и новое качество жизни. Авторы не просто использовали выдающийся талант спортсмена, но и обыграли слово *air* ‘воздух’, входящее в состав названия модели кроссовок *Air Jordan*.

Все компоненты видеоролика образуют одно визуальное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное целенаправленное воздействие на адресата. Знаменитый прыжок Майкла Джордана перед броском мяча в кольцо, когда он, устремляясь вверх, на мгновение зависает в воздухе, станет образом для создания логотипа для именной коллекции кроссовок (рисунок 7).

Рис. 6.

Рис. 7.

В ролике “*Air Jordan*” разработчики для наглядной демонстрации того факта, что кроссовки Майкла Джордана запрещены НБА из-за недопустимого цвета, используют прием черных квадратов, которые закрывают нежелательный контент (рисунок 8) [10]. В то время, как диктор строго произносит: *On September 15th Nike created a revolutionary new basketball shoes, on October 18th the NBA threw them out...* ‘15 сентября Найк создала революционно новые баскетбольные кроссовки, 18 октября НБА выбросила их прочь...’, квадраты со звуком падающих железных тяжелых предметов закрывают поочередно кроссовки на ногах Майкла Джордана. Такой звук ассоциируется с кандалами, что дает возможность авторам невербально продемонстрировать тяжесть некоторых правил в профессиональном спорте. Взаимодействие невербально (видео и звук) и вербально выраженного протеста привлекает внимание и создает элемент сопричастности у покупателя. Используя наречие *fortunately* в конце ролика во фразе... *fortunately*

the NBA can't stop you wearing them ‘к счастью, НБА не может запретить тебе их носить’, авторы стремятся пригласить потенциальных покупателей приобретать продукт Найк и тем самым принять участие в этом протесте.

Рис. 8.

Рис. 9.

В видеороликах данного периода авторы умело используют иронию, популярную музыку, элементы фантастики и мультипликации, чтобы сделать видео интересными и запоминающимися, тем самым стимулируя интерес к товару у потенциальных покупателей. Принципиально по-новому звучит слоган в ролике “*Nike Air Max*”, в котором идея видеоряда (парить в воздухе) сопряжена со словом *air*, входящем в название модели кроссовок, и является ключевым для данного сюжета.

Вся идея видео заключается в том, что в этих кроссовках будет парить даже скелет, поскольку главными героями ролика являются скелеты, которые вышли на пробежку. В ролике много зловещих звуков: крик летучей мыши, скрип ржавой калитки, скрежет могильного камня, стоны скелета, звук падающих костей. Благодаря воздействию сразу на несколько каналов восприятия получателя рекламы и разнообразию привлекаемых образов у информации появляется больше шансов закрепиться в сознании адресата.

Авторы поместили название модели кроссовок на надгробном камне с надписью на французском языке *Air Et Paix A Vos Os* ‘воздух и покой вашим костям’, обыграв слово *воздух* (рисунки 8) [11], и подтвердили видео слоганом “*Nike Air keep your bones alive longer*” ‘*Nike Air* продлевает жизнь вашим костям’, используя иронию и олицетворение. Письменный текст сам по себе осложнен паралингвистическими средствами: серая надпись на камне противопоставляется золотому *Nike Air*.

В ролике *Bo Knows* весь текст – это анафора, каждый новый отрезок состоит из начальной части предыдущего: *Bo Knows baseball,... football,... basketball,...* и только финальная эхо-фраза усиливается на контрасте противопоставления: *Bo, you don't know Diddley!* Это видео построено на демонстрации образов известных спортсменов, которые признают мастерство Бо Джексона и в их видах спорта. Бо Джексон демонстрирует

свои умения в кроссовках Найк, и внимание на этой детали акцентируется несколько раз. Динамичность – вот главная идея всего ролика, что находит подтверждение в соответствующем построении текста, который звучит ритмично и легко запоминается. Аналогичная стратегия организации текста выбрана и в ролике *Nike Kids Shoes Claymation*; только здесь используется эпитафия: *running shoes, aerobic ..., tennis ...*.

На фонетическом уровне текстообразующей основой данных видео выступают разновидности звукового повтора. Обладая свойствами периодичности и динамичности, повтор вносит структурирующий элемент в текст, придает ритм всему сообщению и создает настроение наравне с быстро сменяющимися друг друга образами на экране. Информация, поступающая через разные каналы, образует так или иначе целостный образ в сознании адресата.

Следует подчеркнуть, что в восьмидесятые годы для Найк важнейшим, но факультативным компонентом видеороликов являются образы знаменитых спортсменов и музыкантов. Это добавляет достоверности и поощряет интерес к продуктам компании, а также позволяет эффективно закрепить образ продукта в сознании адресата; многие модели кроссовок Найк создавались специально для известных спортсменов и впоследствии получали созвучные с именами звезд названия: *Джорданы* в случае с Майклом Джорданом и *The Nike Mac Attack* с Макинроем.

Интересно также, что в рекламных текстах этого периода простое настоящее время используется 44 раза, простое прошедшее 12 раз, настоящее продолженное 3 раза, настоящее совершенное время 1 раз, будущее 1 раз, т.е. акцент делается на настоящем периоде времени. Глаголы играют важную роль в структуре рекламного текста. Обозначая действие, глагол обладает скрытой в нем динамикой, движением и имеет большую побудительную силу. Использование глагольной формы в качестве ключевых слов для выражения смысла (*Just Do It! Wake up! Think!*) значительно увеличивает запоминание, а для большей эффективности применяются, как указывалось ранее, глаголы преимущественно в настоящем времени.

Подводя итоги исследования рекламных видеороликов фирмы Найк в период восьмидесятых годов прошлого века, можно заключить, что вербальные и невербальные аспекты исследуемых рекламных текстов весьма разнообразны и находятся в тесном взаимодействии, в совокупности представляя собой единое смысловое целое. Они формируют семантические единства, которое завершаются вербализованным слоганом, где видео несёт в себе основную смысловую и эмоциональную нагрузку, а вербальный текст сопровождает и дополняет видеоряд. Креолизованные тексты, совмещающие в себе средства разных аспектов (вербальных и невербальных), обладают большой воздействующей силой, позволяют сделать рекламу более выразительной и информационно насыщенной, усилить воздействующий эффект. Отчеты финансовой деятельности фирмы Найк подтверждают, что видео-

реклама в данный период оказалась весьма эффективной и способствовала значительному увеличению прибыли от продаж. В 1989 г. продажи Найк в США составили 1,25 млрд долларов США, что превосходит прибыли других компаний: Рибок – 1,21 млрд долларов США, Адидас 650 млн долларов США [6] [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апрышкина, И. В.* Рекламный текст в СМИ : Сенсорно-прагматическое измерение / И. В. Апрышкина // Реклама: Технологии воздействия. – Ставрополь, 2010. – С. 129–161.
2. *Оломская, Н. Н.* Лингвостилистические характеристики рекламного дискурса / Н. Н. Оломская // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 2. – С. 94–96.
3. *Крылов, И. В.* Теория и практика рекламы / И. В. Крылов. – М. : Центр, 2006. – 670 с.
4. *Анисимова, Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
5. *Седова, М. И.* Рекламный видеоролик / М. И. Седова // Наука и школа. – 2014. – № 2. – С. 64–67.
6. Heidi Steinberg at Salomon Brothes, The New York Times, July 11, 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.nytimes.com/1989/07/11/business/nike-is-bounding-past-reebok.html>. – Дата доступа : 12.03.2023.
7. L.A. Times Archives, AUG. 24.1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1990-08-24-fi-1385-story.html>. – Дата доступа : 12.03.2023.
8. Nike Evolution.Trophy.(1982) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://youtu.be/uq-6zXHlklM>. – Дата доступа : 12.02.2023.
9. Air Jordan 1 (1985) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://youtu.be/mhHG1KJ8mcw>. – Дата доступа : 12.02.2023.
10. Air Jordan (1985) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://youtu.be/f5QbV-wnhtY>. – Дата доступа : 13.02.2023.
11. Air Max (1987) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://youtu.be/QgsJPSjiTJQ>. – Дата доступа : 15.02.2023.

Поступила в редакцию 13.04.2023

Дубасова Анжелика Витальевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры интенсивного обучения
иностранным языкам № 2
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anzhalika Dubasava

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Department № 2
of Intensive Foreign Language Learning
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anzhalikad@gmail.com

О РОЛИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ИСЧЕЗНОВЕНИИ ПЕРВИЧНЫХ ЛАТЫШСКИХ ГЛАГОЛОВ

ON THE ROLE OF SEMANTIC FACTORS IN THE DISAPPEARANCE OF PRIMARY LATVIAN VERBS

В работе изучается вопрос влияния семантических факторов на исчезновение первичных латышских глаголов. Качественный и количественный анализ показал, что семантика и семантические отношения между первичными глаголами лишь в незначительной мере влияли на их судьбу. В качестве более важных причин исчезновения глаголов упоминаются устранение фонетических дублетов и вытеснение первичных глаголов их дериватами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *первичные глаголы; семантика; семантические отношения; история языка; латышский язык.*

The paper examines the influence of semantic factors on the disappearance of primary Latvian verbs. Qualitative and quantitative analysis showed that semantics and semantic relations between primary verbs had only a minor influence on their fate. As more important reasons for the disappearance of verbs, elimination of phonetic doublets and substitution of primary verbs by their derivatives are mentioned.

Key words: *primary verbs; semantics; semantic relations; history of language; Latvian language.*

Глаголы современного латышского языка традиционно делятся на первичные и вторичные (суффиксальные) [1, lpp. 332]. Первичные глаголы, очевидно, являются самыми древними в системе латышского языка. Суффиксальные глаголы считаются более поздними образованиями – дериватами первичных глаголов.

В нашем предыдущем исследовании [2] мы изучали вопрос о взаимоотношениях первичных глаголов и их дериватов и о влиянии этих взаимоотношений на выживаемость первичных глаголов. В частности, было показано, что первичные глаголы, сохраняющие исходную (особенно – каузативную) словообразовательную связь со своими дериватами, чаще остаются в языке.

Помимо выявленного словообразовательного фактора, несомненно, были и другие причины исчезновения первичных глаголов. Так, «Этимологический словарь латышского языка» К. Карулиса [3] в ряде случаев

указывает на конкуренцию омонимов, приводившую к вытеснению одних глаголов другими: глагол **dēt* ‘говорить, сказать’ был вытеснен глаголом *dēt* ‘ставить, класть’; глагол **salt* ‘становиться сладким’ – глаголом *salt* ‘становиться холодным’ и др.

Настоящее исследование продолжает наши предыдущие изыскания и фокусируется на поиске каких-либо семантических причин исчезновения первичных глаголов.

В рабочую базу данных исследования вошли 273 первичных глагола из «Этимологического словаря латышского языка», их значения (согласно словарю) и текущий статус (сохранился, исчез). Статус глаголов проверялся с помощью тезауруса латышского языка [4], а также корпуса латышского языка [5]. Получилось 106 исчезнувших и 167 сохранившихся глаголов (39 % и 61 %, соответственно).

Примеры глаголов из базы данных:

Первичный глагол	Значение глагола	Статус глагола
<i>*bilt</i>	говорить	исчез
<i>*gant</i>	бить	исчез
<i>kaut</i>	бить	сохранился
<i>vērst</i>	поворачивать	сохранился

Можно заметить, что встречаются первичные глаголы с различным статусом, но с одинаковым значением. Это глаголы со значением ‘бить’, ‘лить’, ‘клевать’, ‘вязать, связывать’, ‘ломать’, ‘щипать’ и др.:

Первичный глагол	Значение глагола	Статус глагола
<i>liet</i>	лить	сохранился
<i>*zvest</i>		исчез
<i>knābt</i>	клевать	сохранился
<i>lest</i>		исчез
<i>siet</i>	вязать, связывать	сохранился
<i>verzt</i>		исчез
<i>viebt</i>	кривить	сохранился
<i>šķobt</i>		исчез
<i>lauzt</i>	ломать	сохранился
<i>*lemt</i>		исчез

Однако синонимичные глаголы могут иметь и одинаковый статус:

Первичный глагол	Значение глагола	Статус глагола
dīgt	прорастать	сохранился
knist		
dzīt	гнать	сохранился
trenkt		
*skrāpt	царапать	исчез
skrambt		
*tirt	дрожать	исчез
trimt		

Данные примеры позволили предположить, что наличие семантических (в частности, синонимических) связей и статус глагола могут быть связаны. Для проверки этого предположения глаголы были разделены на две группы: а) глаголы без синонимов (в рамках базы данных) и б) глаголы с синонимами (в одном или в нескольких своих значениях). Далее нами была составлена следующая таблица сопряженности (Таблица 1):

Т а б л и ц а 1

«Статус глагола» и «наличие синонимов»

		Статус глагола		Итого
		исчез	сохранился	
Синонимы	отсутствуют	41	83	124
	имеются	65	84	149
Итого		106	167	273

Статистический анализ опроверг нулевую гипотезу об отсутствии связи между принадлежностью глагола к одной из выделенных групп (с синонимами и без синонимов) и его статусом: χ -квадрат Пирсона (односторонний) = 3,177, $df = 1$, $p < 0,05$. Таким образом, сделанное предположение подтвердилось.

Из графика (рис. 1) можно заметить, что внутри первичных глаголов, не имевших синонимов, процент сохранившихся глаголов существенно выше процента исчезнувших. В то же время внутри глаголов, имевших синонимы, разница между количеством сохранившихся и исчезнувших глаголов не столь значительна. Среди исчезнувших глаголов преобладают глаголы с синонимами, в то время как сохранившиеся глаголы одинаково распределены по двум указанным группам.

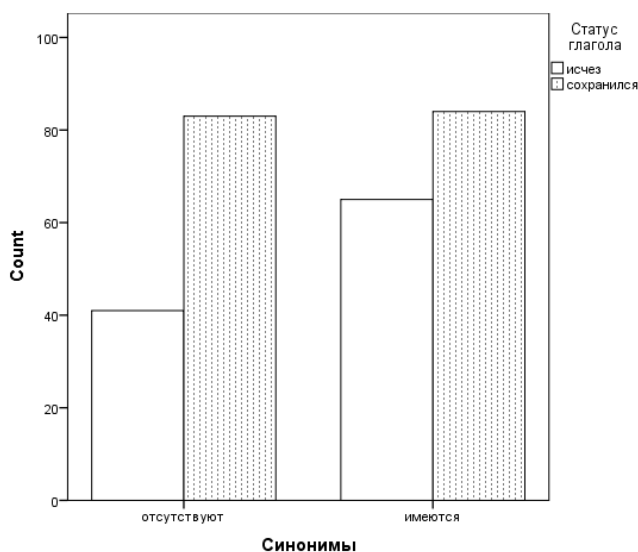

Рис. 1. «Статус глагола» и «наличие синонимов»

Полученный результат можно проинтерпретировать следующим образом. Наличие синонимических связей между первичными глаголами не оказывало значимого влияния на их дальнейшую судьбу, однако отсутствие таких связей сыграло важную роль – оно стимулировало сохранность первичного глагола, поскольку его исчезновение было бы существенно для лексической системы языка.

Разумеется, даже те лексемы, синонимы для которых не зафиксированы, могли выходить из употребления. Кроме того, как показано выше, из употребления могли выйти оба синонимичных глагола. Поэтому семантические связи можно рассматривать лишь как один из факторов, влиявших на сохранность или исчезновение глагола.

Дальнейший качественный анализ базы данных был направлен на поиск семантических групп, внутри которых можно было бы обнаружить тенденцию к сохранности либо к исчезновению глаголов.

Прежде всего мы разделили исследуемые глаголы на две большие семантические группы: глаголы состояния и глаголы действия. Такое разделение основано не только на качественном анализе данных, но и на важном для грамматической системы латышского языка противопоставлении переходных и непереходных глаголов [6, lpp. 507–510].

Приведем примеры глаголов состояния: *migt* ‘засыпать’, *slāpt* ‘испытывать жажду; задыхаться’, *lūzt* ‘ломаться’ (сохранились); **saust* ‘вариться’, **virpt* ‘вращаться’, **pust* ‘дуть’ (исчезли).

К глаголам действия можно отнести следующие: *best* ‘копать’, *berzt* ‘тереть’, *knābt* ‘клевать’ (сохранились); *knost* ‘ковырять’, **kūt* ‘бить, рубить’, **strost* ‘бранить, пороть’ (исчезли).

Количественные данные представлены в таблице 2 и на рис. 2.

«Статус глагола» и «глаголы действия и глаголы состояния»

		Статус глагола		Итого
		исчез	сохранился	
Семантическая группа	действия	47 (39 %)	75 (61 %)	122
	состояния	59 (39 %)	92 (61 %)	151
Итого		106 (39 %)	167 (61 %)	273

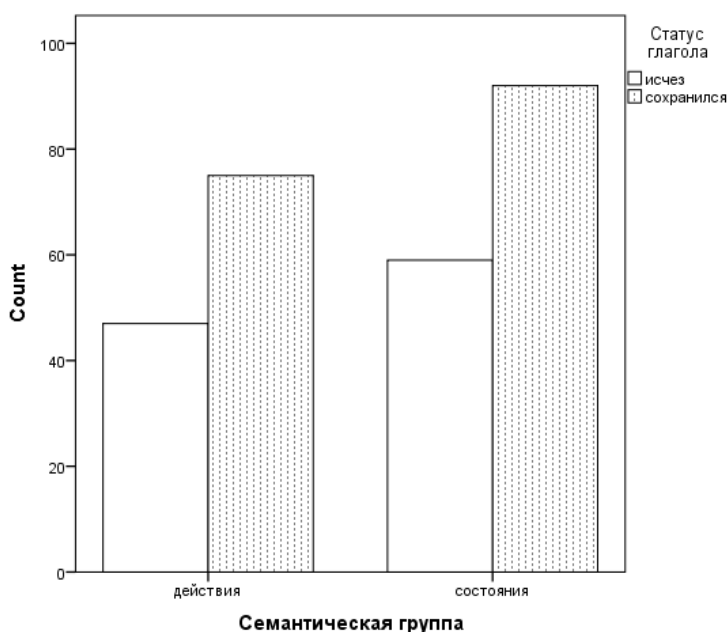

Рис. 2. «Статус глагола» и «глаголы действия и глаголы состояния»

Из полученных данных видно, что процентное соотношение исчезнувших и сохранившихся глаголов, как на всей выборке, так и внутри выделенных групп является одинаковым (39 % и 61 %, соответственно). Следовательно, принадлежность к одной из указанных семантических групп не влияет на статус глагола.

На следующем этапе качественного анализа мы разделили глаголы состояния на две подгруппы: а) собственно состояние и б) переход в другое состояние. Примеры глаголов перехода в другое состояние: *most* ‘пробуждаться’, *pūt* ‘гнить’, *dīgt* ‘прорасти’ (сохранились); **zūt* ‘погибать’, **salt* ‘становиться сладким’, **temt* ‘стемнеть’ (исчезли).

Количественные данные представлены в Таблице 3 и проиллюстрированы графиком (рис. 3).

«Статус глагола» и «подгруппы глаголов состояния»

		Статус глагола		Итого
		исчез	сохранился	
Глаголы состояния	переход	18 (30 %)	43 (70 %)	61
	состояние	41 (45 %)	49 (55 %)	90
Итого		59	92	151

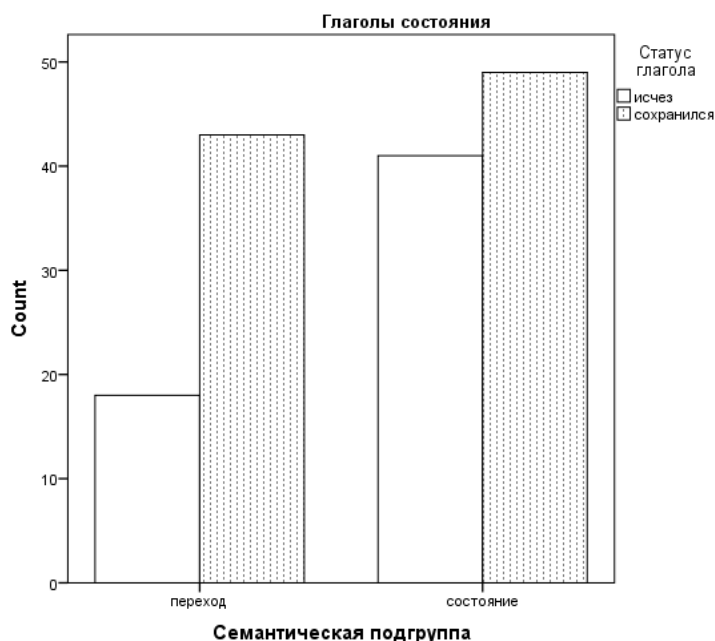

Рис. 3. «Статус глагола» и «подгруппы глаголов состояния»

Полученные данные и график показывают, что глаголы со значением перехода в другое состояние чаще сохранялись в языке, нежели исчезали, и этот результат является статистически значимым: χ^2 -квадрат Пирсона = 3,933, $df = 1$, $p < 0,05$. Глаголы собственно состояния исчезали и сохранялись примерно равномерно. Среди исчезнувших преобладают глаголы собственно состояния, в то время как сохранившиеся глаголы примерно одинаково распределены по двум семантическим подгруппам.

Дальнейший качественный анализ не выявил в базе данных иных семантических подгрупп.

Следующая часть анализа была направлена на изучение конкретных значений первичных глаголов. Исследовался вопрос о том, насколько актуальными являются значения исчезнувших первичных глаголов.

Среди исчезнувших глаголов действия зафиксированы следующие значения: разводить огонь; хватать; бить; будить; рубить; бранить, пороть; вращать, поворачивать; выгибать; вырезать, грызть; вязать, связывать; гнать, прогнать; грызть, царапать; делать (из досок пол, мост), покрывать (досками, балками); жать, тискать; клевать; ковырять; колоть, рвать; кривить; кружить, ворочать; лить; ломать; лущить; плести, завязывать в узел; полоскать; прятать; пугать; резать; рыть; тереть; толкнуть; трясти; царапать.

Сохранившиеся глаголы действия имеют значения: бить; брать, хватать; бросить; присматривать за детьми, животными; вести, везти; взрезать; вязать, связывать; гнать; грызть; двигать, тянуть (боком, назад); доить; жечь, палить; застрять; катить, валять; клевать; колоть; копать; коптить; красть (что-то мало стоящее); кривить; лить; ломать; мазать, пачкать; махать; молотить; мочить, замачивать; обманывать; плести; поднимать; преследовать, окружать; принуждать, мучить; разбрызгивать, разбрасывать; разводить огонь; рвать; резать; сверлить, буравить; сгибать; скрести; стрелять; сунуть что-то острое, тонкое куда-то, в т.ч. в щель; схватить; сыпать; тереть; толкать; топтать; тянуть, тащить; ударить ногой; черпать.

Исчезнувшие глаголы состояния имели значения: почитать, воспринимать, слышать; быть в силах; вариться; вращаться; гнуться, быстро сгибаться; говорить; громко мяукать, плакать; лаять; дрожать; дуть; жужжать; зудеть; избаловаться; капать; медленно идти; отвисать, свисать (про уши); петь; погибать, пропадать; сидеть; простираться; просыпаться; распространяться, стать известным; сбиться с толку, растеряться; светить; терять интерес; спешить; становиться мокрым; становиться мягким, таять; становиться пустым (о растениях); становиться сладким; стать густым; стать коротким; стать низким; стемнеть; трескаться, раскалываться; тяжело дышать; чихнуть; чувствовать, замечать; шуметь, ссориться.

Сохранившиеся глаголы состояния имеют значения: болтать; ехидничать; бояться; быть; вмещаться; выть; вянуть; гнить; грустить; гудеть; дремать; задыхаться, испортиться (о продуктах; о запахе); зеленеть, процветать; зреть; изнашиваться; иметь обыкновение; испытывать жажду; каркать; киснуть; клокотать; клониться, гнуться; коченеть, цепенеть; мерзнуть; ненавидеть; нестись (о курице); неуклюже идти, брести; нюхать; осыпаться, рушиться; ощущать; париться, тушиться; погружаться, тонуть; ползти; порхать; пробуждаться; пропадать; пухнуть, отекасть; пылать, гореть; раскаляться; распадаться, разлетаться, разбрызгиваться, рассыпаться; растеряться, смутиться; расти; рвать (о рвоте); родиться; рычать; сверкать, светить; слезать (о верхнем слое); смеяться; согреваться; сохнуть; стать; таять, исчезать; тяжело дышать; уменьшаться; умирать; урчать, бурчать; хмелеть; чувствовать, замечать, видеть.

С учетом вышесказанного можно отметить следующее.

а) Исчезнувшие глаголы, как правило, имеют по-прежнему актуальные, не устаревшие значения; в современном латышском языке существуют слова их передающие. Это касается даже не самых обычных значений типа **kurt* 'становиться пустым (о растениях)' – ср. современное *kurtēt* 'то же'.

Крайне редко можно говорить о значениях, утративших актуальность в современном языке. Так, у глагола **lust* в значении ‘отвисать, свисать (про уши)’ преемников нет, хотя следы этого значения обнаруживаются в существительном *lutausis* ‘человек с отвисающими, оттопыренными ушами’. При этом второе, переносное, значение реконструируемого глагола **lust* ‘быть избалованным’ в модифицированном виде продолжает существовать – ср. *lutināt* ‘баловать’.

б) Крайне редко встречаются очень узкие значения типа *grīst* ‘делать (из досок пол, мост), покрывать (досками, балками)’. С одной стороны, данный глагол отсутствует в литературном латышском языке и не зафиксирован в корпусе латышского языка, с другой – до сих пор существуют диалектные слова *grīst* ‘покрывать досками’ и *grīdīt, grīdot* ‘укладывать пол’.

Стоит отметить, что узкие значения встречаются и среди тех первичных глаголов, которые сохранились в языке, ср. *čiept* ‘красть что-то мало стоящее’, *vemt* ‘рвать (о рвоте)’, *lupt* ‘слезать (о коже, краске)’, *šķērst* ‘взрезать’ и др.

в) Как уже отмечалось выше, некоторые значения в группах исчезнувших и сохранившихся глаголов повторяются (бить, лить, ломать, тяжело дышать, чувствовать и др.).

Таким образом, можно сделать вывод, что значения первичных глаголов играли лишь незначительную роль в их дальнейшей судьбе. И хотя семантический фактор полностью не исключается, очевидно, что словообразовательные свойства первичных глаголов были существенно важнее.

Качественный анализ базы данных, кроме того, показал, что некоторые исчезнувшие первичные глаголы продолжают свое существование в дериватах с очень сходными значениями, например, **knīpt* и *knīpēt* ‘щипать’, **miest* и *maisīt* ‘смешивать’. Такие дериваты могли вытеснять соответствующие первичные глаголы. Данный процесс, как представляется, схож с процессом устранения омонимов, о котором упоминалось выше, а также с процессом устранения фонетических вариантов одного и того же корня: так, по аналогии с указанными процессами можно говорить о вытеснении глагола **burzt* глаголом *berzt* ‘тереть’, глагола **spirt* ‘бить’ глаголом *spert* ‘пинать’, глаголов **skrāpt, *skrapt* глаголом *skrabt* ‘царапать’ и т. д.

Таким образом, основными результатами исследования являются следующие.

1. Одним из факторов, повлиявших на сохранность первичных глаголов, являлось отсутствие у них синонимических связей с другими первичными глаголами; невозможность заменить первичный глагол синонимом повышала его выживаемость.

2. Семантика первичных латышских глаголов не была основной причиной их исчезновения; лишь значение перехода в другое состояние коррелирует со статусом глагола (такие глаголы обычно сохранялись в языке);

при этом не представляется возможным ни выделить какие-либо еще семантические группы глаголов с тенденцией к исчезновению или сохранению, ни выявить группы значений, ставших неактуальными.

3. Процессы устранения омонимов и фонетических вариантов одного и того же корня, а также вытеснения глаголов их дериватами могли иметь важное значение для развития глагольной системы латышского языка: по-видимому, именно в результате этих процессов вышло из употребления большинство исчезнувших первичных глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I. daļa. Fonētika un morfoloģija / atbild. red. : Ē. Sokols. – Rīga : LPSR ZA izdevniecība, 1959. – 830 lpp.
2. Дубасова, А. В. Устойчивость словообразовательных связей как фактор сохранности первичных латышских глаголов / А. В. Дубасова. – Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2022. – № 6 (121). – С. 7–15.
3. Karulis, K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca : 2 sēj. / K. Karulis. – Rīga: Avots, 1992. – 1. sēj. A – O. 639 lpp., 2. sēj. P – Ž. 671 lpp.
4. Tēzauris [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tezauris.lv/>. – Дата доступа : 20.02.2023.
5. Līdzsvarots mūsdienu latviešu valodas tekstu korpuss [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.korpuss.lv/>. – Дата доступа : 20.02.2023.
6. Latviešu valodas gramatika / red. : J. Grigorjevs, D. Nītiņa. – Rīga : LU Latviešu valodas institūts, 2013. – 1024 lpp.

Поступила в редакцию 02.03.2023

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК [81'373.612.2:37.016]:811.112.2

Дедович Ольга Геннадьевна
аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусский государственный
педагогический университет
им. Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Olga Dedovich
PhD Student of the Department of Linguistics
and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
olya-de@yandex.ru

**АРТЕФАКТНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на материале немецкого и русского языков)**

**ARTIFACT METAPHORICAL MODELS
OF THE LINGUODIDACTIC DISCOURSE
(Based of the German and Russian languages)**

В статье рассматриваются артефактные метафорические модели, выявленные в материалах учебников и учебных пособий по немецкому языку. Определяются основные источники метафорической экспансии. Характеризуются метафоры, репрезентирующие лингводидактические понятия «лексика», «фонетика», «грамматика», «рецептивные виды речевой деятельности (чтение, аудирование)», «продуктивные виды речевой деятельности (говорение, письмо)», «приемы и техники», а также условные обозначения как структурный элемент учебника. Приводятся статистические данные по использованию метафор в отечественных и зарубежных учебных изданиях по немецкому языку, в том числе для развития функциональной грамотности учащихся.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *артефакт; модель; семантика; метафора; немецкий язык; лингводидактика; функциональная грамотность.*

The article examines the artifact metaphorical models identified in the materials of textbooks on the German language. The main sources of metaphorical expansion are determined. Metaphors representing the linguodidactic concepts of “vocabulary”, “phonetics”, “grammar”, “receptive types of speech activity (reading, listening)”, “productive types of speech activity (speaking, writing)”, “learning techniques” and “symbols” as a structural element of the textbook are characterized. Statistical data on the use of metaphors in foreign and domestic textbooks on the German language are given, including for the development of functional literacy of students.

Key words: *artifact; model; semantics; metaphor; German language; linguodidactics; functional literacy.*

Совокупность артефактов составляет одну из наиболее разветвленных лексико-тематических областей, связанных с жизнью человека и его деятельностью. Основываясь на реальном сходстве предметов, а также общности выполняемых ими функций, артефактные номинации обладают высокой способностью образовывать вторичные лексико-семантические варианты (ЛСВ) метафорического плана.

Под *артефактной метафорой* понимается тип метафоры, в которой «предметы и явления объективной действительности представлены в ассоциативной связи с миром вещей, созданных руками человека» [1, с. 155]. Метафорические единицы номинируют различные виды технических, архитектурных, бытовых артефактов (устройств, механизмов, транспортных средств, зданий, сооружений, предметов быта и обихода) [2, с. 9].

Основными структурными элементами для построения артефактных метафорических моделей выступают *область-источник*, *область-мишень* и *интегральные семы* как основания использования исходной понятийной сферы для обозначения элементов результативной сферы, что указывается в ряде фундаментальных работ по метафорологии [3; 4; 5; 6]. Вторичные артефактные номинации исследовались в аспекте базисных концептов педагогического дискурса [7], в качестве одного из показателей динамики метафоризации в англоязычном и русскоязычном методическом дискурсе [8].

В лингводидактическом освещении актуальность исследования обусловлена необходимостью упорядочивания и систематизации вербальных и визуальных предметных метафор для практического использования в процессе обучения. Метафорические номинации немецкого, русского и отечественного лингводидактического дискурса в сопоставительном освещении до сих пор не становились предметом специального изучения, что также свидетельствует об актуальности и определенной степени новизны предлагаемого исследования, цель которого – выявить особенности функционирования артефактных метафорических моделей в учебно-теоретических и учебно-практических изданиях по немецкому языку трех стран (Беларуси, России, Германии).

Немецкоязычный лингводидактический дискурс представлен 138 пособиями по обучению немецкому языку, относящимися к области DaM ‘немецкий как родной язык’, DaF ‘немецкий как иностранный’ и DaZ ‘немецкий как второй язык’. В российский лингводидактический дискурс вошли 123 российских учебника и учебных пособия по немецкому языку как первому и второму иностранному. Отечественный лингводидактический дискурс включает 69 учебных изданий для общеобразовательных школ и гимназий по немецкому как иностранному языку.

Таким образом, из широкого спектра печатных и электронных учебных изданий по немецкому языку методом сплошной выборки отобраны 58 наименований артефактов, которые вступают в процесс метафоризации. Анализ фактического материала позволил выделить следующие *источники* артефактной метафорической экспансии:

1) **предметы быта и обихода** (аквариум, банка, барометр, бельевая веревка, бокс, бочка, весы, задвижка, ключ, колесо, контейнер, корзина, коробка, крючок, кубик, лампочка, луна, ножницы, песочные часы, решетка, рогатка, сейф, скоба/скрепка, сеть, сундук/ларь, термометр, фонарик, чемодан, ящик);

2) **здания и сооружения** (башня, горка, дом, карусель, качели, маяк, мост, пирамида, склад);

3) **украшения и аксессуары** (веер, зеркало, молния-застежка, расческа, шарф, цепочка);

4) **механизмы и устройства** (автомат, машина, микроскоп, светофор, шарнир);

5) **части сооружений** (лестница, перила, ступеньки);

6) **транспортные средства** (автомобиль, поезд, самолет);

7) **инструменты** (молоток, пила, струбцина).

Всего было зафиксировано 140 случаев контекстных употреблений артефактных метафор на страницах учебников и учебных пособий (87 – в немецкоязычных, 32 – в российских, 21 – в белорусских). Процентное соотношение областей-источников в лингводидактическом дискурсе трех стран представлено на следующей диаграмме (рис. 1).

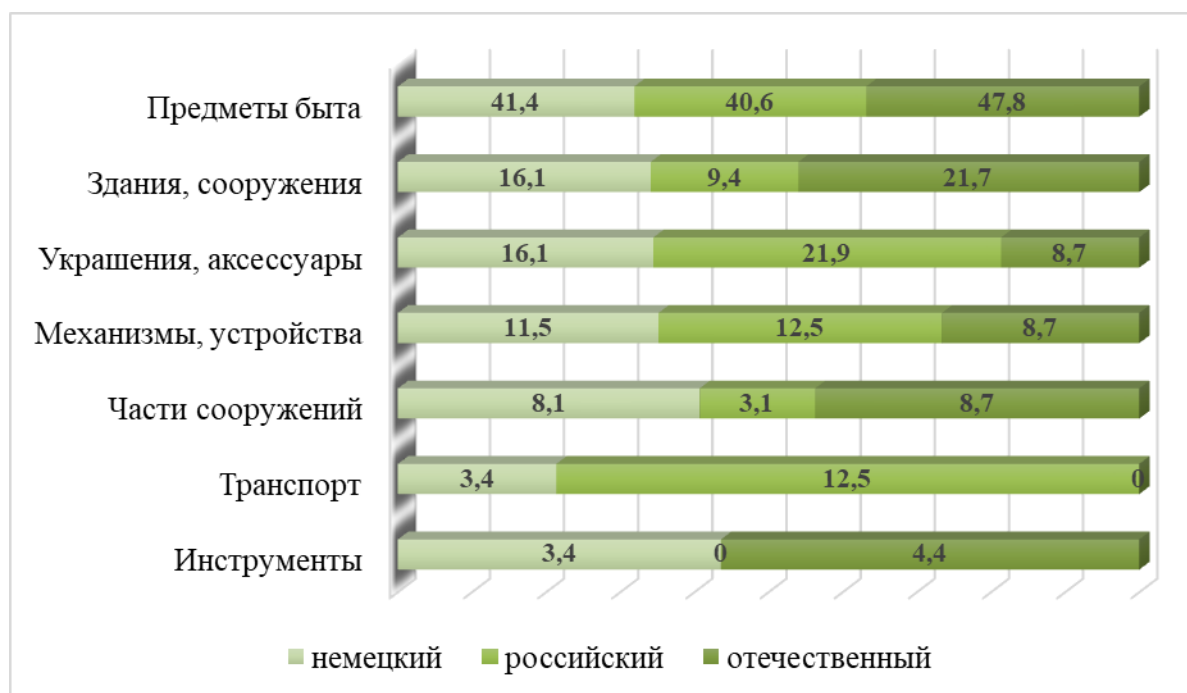

Рис. 1. Частотность сфер-источников артефактной метафорической экспансии в лингводидактическом дискурсе трех стран, %

Сопоставление контекстных употреблений артефактных метафор позволяет констатировать высокую частотность вторичных номинаций предметов быта и обихода в учебных изданиях трех стран. Такая особенность объясняется тем, что в основе метафорического переноса лежат, как правило, универсальные для любой культуры артефактные реалии. Обращает на себя внимание тот факт, что в проанализированных отечественных (белорусских) учебных изданиях по немецкому языку не зафиксированы вторичные номинации транспортных средств, а в российских отсутствуют метафорические единицы лексико-тематической группы «Инструменты».

В орбите реципиентной сферы контекстных употреблений артефактных метафор в лингводидактике находится *Wortschatz* ‘лексика’, *Grammatik* ‘грамматика’, *Phonetik* ‘фонетика’, *Lesen* ‘чтение’ (рецептивный вид речевой деятельности), *Sprechen* ‘говорение’ (продуктивный вид речевой деятельности), *Lerntechniken* ‘техника, прием, оптимизирующие изучение иностранного языка’ [9, с. 207], а также *organisatorische Symbole* ‘докл. организационные символы, условные обозначения’ как структурная часть учебника.

Распределение сфер-мишеней артефактных метафор по частотности представлено на следующей диаграмме (рис. 2).

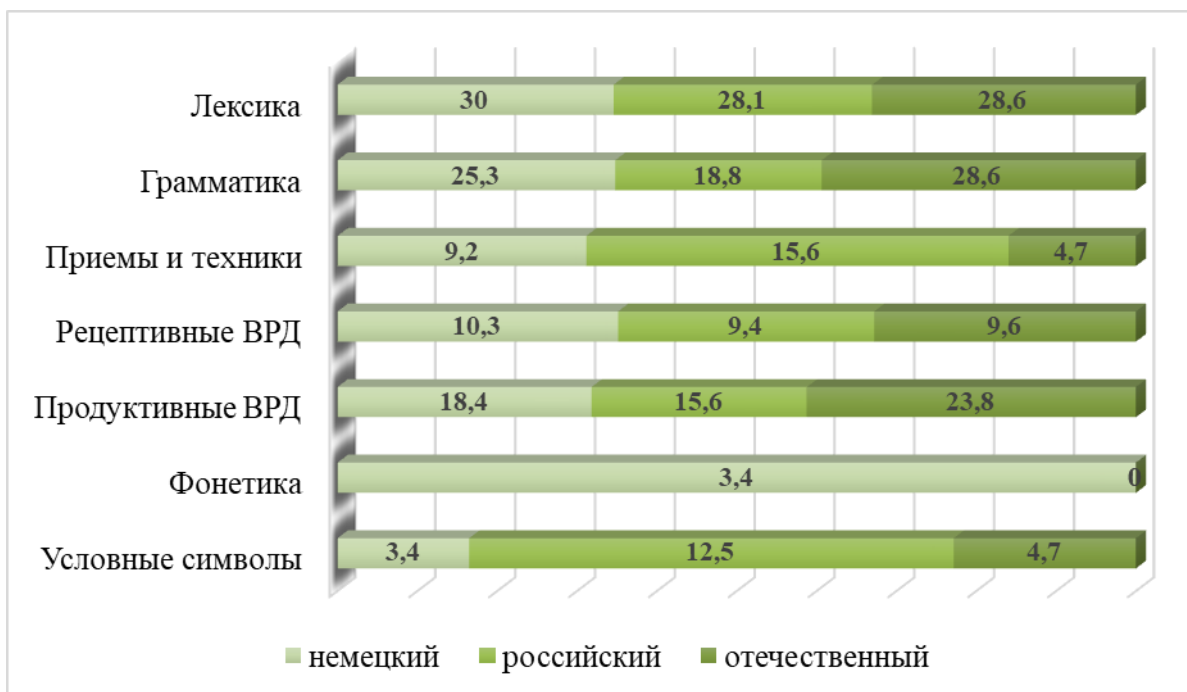

Рис. 2. Частотность артефактных метафорических контекстов в лингводидактическом дискурсе трех стран, %

Доминантные вторичные артефактные номинации **лексической целевой зоны** развиваются на основе первичных значений субстантивов *лестница* (*Wörtertreppe* ‘лестница из слов’, *Treppensätze* ‘докл. ступенчатые предложения’), *сетка* (*Buchstabengitter/Wörtergitter* ‘докл. сетка букв/слов’, *Rätselgitter* ‘докл. сетка загадок’), *цепочка* (*Wortkette/Wörterkette* ‘цепочка слов’, *Zahlenkette* ‘числовая цепочка’), *автомат/машина* (*Großschreib-Automat* ‘автомат заглавных букв’, *Wortmaschine* ‘докл. машина для производства слов’, *Wörter-Bau-Maschine* ‘докл. машина для построения слов’). Данные вторичные наименования артефактов являются общими для немецкого, российского и белорусского лингводидактического дискурса. Как и метафорический образ *ключа*, акцентирующий внимание на важном (*Schlüsselwörter* ‘ключевые слова’).

Довольно часто для образования артефактных метафор используются первичные значения слов, обозначающие 'вместилище'. В российских и белорусских учебниках типичным «хранилищем» для идей и слов является *сундук* (*Wortschatztruhe* 'сундук со словами', *Wissenstruhe* 'ларец знаний'). В немецких пособиях, помимо метафорического образа *Meine Schatztruhe* 'мой сундук с сокровищами (лучшие языковые проекты)', встречается *Lagerhalle mit Wörtern* 'склад со словами', *Wortkasten* 'словарный ящик', *Wortkorb* 'досл. словарная корзинка', *Gedankenbox* 'ящик для мыслей', *Reim-Kiste* 'ящик с рифмами', *Ideen-Container* 'контейнер идей', *Ideentonne* 'бочка идей', *Einfallsdose* 'банка идей', *Ideentresor* 'сейф с идеями'.

Специфической чертой немецкоязычного метафорикона являются полисеманты *Schal* 'шарф' (*Wörterschal* 'досл. шарф из слов'), *Schieber* 'задвижка' (*Der Orthographie-Schieber* 'орфографический ползунок'), *Turm* 'башня' (*Wörterturm* 'досл. башня из слов').

Артефактные метафоры **грамматической целевой сферы** лингводидактического дискурса также доминируют по частотности и активности употребления. От семантического признака 'соединять, объединять' рождается несколько переносных значений. Приведем некоторые примеры: *Brückenwort* 'досл. слово-мост', *Satzklammerbrücke* 'досл. мост-скоба', *Scharnierwörter* 'слова-шарниры', *Hacken* 'крючок (для соединения двух частей предложения)'.

Немецкие полисеманты *Zug* 'поезд', *Maschine* 'машина (механизм)', *Haus* 'дом', *Kiste* 'ящик' становятся «донорами» для объяснения правил образования прошедшего времени (*Verbenzüge* 'досл. поезд из глаголов'), порядка слов в предложении (*Satzkiste* 'ящик с предложениями', *Texthaus* 'досл. дом для текста', *Satzmaschine* 'досл. машина по созданию предложений'). Метафора *Verbenschleuder* 'досл. глагольная рогатка' предполагает «запуск» глаголов в алфавитном порядке.

Следует отметить, что немецким пособиям особенно свойственно представлять грамматические явления с помощью визуальных метафор, что объясняется их способностью «*trockene und abstrakte Inhalte bildhaft zu veranschaulichen und damit auch besser merkbar zu machen*» 'наглядно иллюстрировать «сухое» и абстрактное содержание учебного материала с целью лучшего запоминания' [10, S. 14]. Так, метафора *Wäscheleine* 'бельевая веревка' репрезентирует линейную структуру предложения: члены предложения отождествляются с сохнувшей на веревке одеждой белого цвета, изменяемая часть сказуемого – с цветным бельем («висит» всегда на определенном месте, поэтому маркируется цветом). По аналогии с перевешиванием предметов одежды возможна перестановка местами и членов предложения. Визуальная метафора *Waage* 'весы' отражает «неравновесность» компаративной степени сравнения (признак проявляется в большей/меньшей степени, используется сравнительный союз *als* '..., чем ...') по сравнению с положительной степенью (весы уравновешены: используется союз *wie* '... такой же, как и ...'). Визуальный образ *Schraubzwinge* 'струбцина' указывает

на место основного и вспомогательного глагола в рамочной конструкции немецкого предложения. Разнообразие второстепенных членов демонстрирует *Satzfächer* ‘досл. веер предложения’. *Hammer* ‘молоток’ служит для «вбивания/вклинивания» гласной *-e* после согласных *-b*, *-d*, *-t* при образовании имперфектных форм немецких глаголов.

Особый интерес вызывает такой грамматический феномен, как отделяемые приставки. Для его презентации в немецких учебных изданиях прибегают к артефактным метафорам *Auto* ‘автомобиль’ (кузов – отделяемая приставка, прицеп – корень слова); *Reißverschluss* ‘застежка молнии’ (если в слове приставка отделяемая, молния расстегнута, если неотделяемая – застежка закрыта); *Schere* ‘ножницы’ (широко раскрытые ножницы символизируют «отделение» приставки от корня и «перемещение» в конец предложения). В российских учебниках образ *ножниц* чаще задействован в плане выполняемых ими функций (актуализируется сема ‘делить целое на части’). В отечественном и в немецком метафориконе для передачи переносного значения используется образ *пилы*, что также предполагает «определенный тип воздействия на микро- или макроструктуру объекта с целью его обработки и создания новой формы прежнего или вообще нового объекта» [11, с. 129].

Еще одна визуальная метафора, представленная на страницах белорусских учебных изданий, – *Ampel* ‘светофор’: *красный свет* символизирует ‘учебную остановку’ (знакомство с правилом), *желтый свет* означает ‘внимание’ (тренировка и закрепление грамматического явления), *зеленый свет* – ‘задания, направленные на применение грамматического материала в новых ситуациях общения’.

В реципиентной сфере направленных на оптимизацию изучения немецкого языка **приемов и техник** находится путь приведения аргументов, к примеру, *Sanduhr-Prinzip* ‘принцип песочных часов’, способ кластеризации идей (*Wörternetz* ‘досл. сеть из слов’, *Gedankennetz* ‘досл. сетка мыслей’, *Ideenetz* ‘досл. сеть из идей’). Данные метафорически маркированные приемы направлены на развитие функциональной грамотности учащихся: умение представлять свои идеи визуально, переводить визуальный код в словесный, выстраивать цепочки аргументов и контраргументов.

В немецкие метафорические контексты активно вовлекаются наименования построек и их частей. Создание высказываний по теме ассоциируется со строением (*Meinungshaus* ‘досл. дом мнений’, *Erzählhaus* ‘досл. дом рассказа’). Метафоризации подвергаются части конструкции, выполняющие функцию продвижения и опоры: *Spannungstreppe* ‘досл. кульминационная лестница’, *Dialoggeländer* ‘досл. словарные перила диалога’.

Артефактные метафоры результативной сферы **продуктивных видов речевой деятельности** (говорение, письмо) расширяют возможности для развития функциональной грамотности учащихся в аспекте выражения оценки и личного отношения, генерирования креативных идей: *Stimmungsthermometer* ‘термометр для измерения настроения’, *Komplimentmaschine* ‘машина компли-

ментов' (русский метафорикон), *Schulfach-Barometer* 'барометр отношения к школьным предметам' (отечественный метафорикон), *Duftmaschine* 'арома-машина' (немецкий метафорикон).

Немецкие и российские учебные издания объединяет метафоризация целевой области **рецептивных видов речевой деятельности**, в частности, стратегий чтения/аудирования. С помощью визуальных образов *фонарик* и *луна* в российских учебниках представлены стратегии выборочного («высвечивать» нужную информацию) и изучающего чтения (обращать внимание на детали). Стратегию просмотрового чтения демонстрируют образ *Flugzeug* 'парящий самолет' ('скользить взглядом по тексту'), в немецком контексте – *Express-Strategie* 'стратегия экспресса'. В обоих случаях актуализируется сема 'скоростное движение'.

На этапе совершенствования техники чтения задействуются следующие артефактные метафоры: *Pyramidenwörter* 'до сл. слова-пирамиды'; *Satzrad* 'круговое предложение'; *Silbenräder* 'слоговые колеса'; *Wortkammgedicht* 'до сл. стихотворение-расческа'. Отметим совпадение значений немецкой метафоры *Wörterschaukel* 'до сл. словарные качели' и зафиксированной в российском учебнике метафоры *Spiegelsatz* 'зеркальное предложение', которые предполагают чтение предложений *rückwärts* 'в обратном порядке', *von hinten nach vorne* 'справа налево'.

Одной из характерных черт немецкоязычных учебных изданий является наличие в них **фонетических** артефактных метафор: *Rutsche* 'горка' (для иллюстрации интонационного падения тона), *Buchstaben-Laut-Maschine* 'до сл. машина по созданию звукобуквенных соответствий', *Treppensprechen* 'до сл. ступенчатое говорение'. В российском и отечественном лингводидактическом корпусе данная целевая сфера отсутствует.

Особую группу среди вторичных артефактных номинаций занимают так называемые *Unterrichtsbegleiter* 'до сл. сопровождающие обучение', которые представляют собой «sich wiederholende Signalzeichnungen und Symbole als Orientierungshilfe» 'повторяющиеся **символы** и **сигнальные (условные) обозначения**, которые помогают ориентироваться в заданиях' [12, S. 53]. Отметим, что в выборке не учитывались такие общепринятые образы, как *ручка/карандаш* (указание на то, что задание должно выполняться письменно), *наушники* (прослушивание текстов), *спасательный круг* (подсказка), *луна* (фокусирование внимания на важных/трудных местах). Очертим круг артефактных метафор, специфических для определенной страны. В немецкоязычных пособиях вторичные ЛСВ развились у субстантива *скрепка* (нацеливает на *fächerverbindende Aufgabe* 'поиск межпредметных связей') и *лампочка* (предполагает *Evaluation/Reflexionsphase* 'фазу рефлексии'). Тем самым данное представление отличается от зафиксированного в российских учебниках (*лампочка* – это совет), авторы которых предлагают рассмотреть «детали» грамматических явлений *под микроскопом* или «высветить» с помощью *маяка*.

Результаты исследования показали, что артефактные метафоры в лингводидактическом дискурсе активнее всего становятся «донорами» лексической и грамматической сферы, продуктивных видов речевой деятельности. Общим для учебных изданий трех стран является высокая частотность вторичных номинаций предметов быта и обихода, что означает расставление схожих акцентов в области преподавания немецкого языка, наличие линий пересечения в функциональном назначении артефактов: «вмещать в себя» идеи и лексические единицы (*сундук, ящик, чемодан*); объединять, «связывать» понятия (*сеть, цепочка, мост*); «разделять» грамматические явления на части (*ножницы, пила*); «открывать» смысл текста (*ключ*); «измерять» уровень эмоций, отношений (*термометр, барометр*). Особенность функционирования артефактных метафорических моделей в учебных изданиях связана с использованием невербальных «концентраторов» информации, которые призваны в наглядной и доступной форме представить и объяснить абстрактные понятия (к примеру, визуализация «каркаса» диалога в виде *перил*; хода рассуждения в виде *здания*; стратегий чтения в виде *поезда, самолета, лупы, фонарика*; путей приведения аргументов в виде *песочных часов*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбанов, И. А. Артефактная метафора в произведении Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах. Сдаётся внаём» и его переводе на русский язык / И. А. Курбанов, И. Е. Фурзиков // Гуманитарные науки. – 2019. – № 5. – С. 154–158.
2. Керимов, Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р. Д. Керимов ; Кемер. гос. у-т. – Барнаул, 2005. – 20 с.
3. Стариченок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.
4. Будаев, Э. В. Педагогическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, А. В. Цыганкова // Филологический класс. – 2017. – № 4(50). – С. 60–65.
5. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.
6. Weinrich, H. Semantik der kühnen Metapher / H. Weinrich // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. – 1963. – № 37. – S. 324–344.
7. Кабаченко, Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Г. Кабаченко ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
8. Метафора в дискурсе : учеб. пособие / Л. М. Алексеева [и др.] ; под ред. Л. М. Алексеевой ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 240 с.

9. *Агафонова, Л. И.* Развитие учебных стратегий на примере учебных пособий для обучения иностранному языку студентов электрофизического и гуманитарного факультетов / Л. И. Агафонова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2006. – № 291. – С. 206–209.
10. *Weidenmann, B.* Bilder für Lehrer: Verstehensprobleme bei didaktischen Bildern / B. Wiedenmann // Fremdsprache Deutsch. – 1991. – № 5. – S. 12–16.
11. *Старычонак, В. Д.* Семантычная прастора дзеясловаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый) : манаграфія / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2022. – 316 с.
12. *Rödel, L.* Visualisierungen und ihr Verhältnis zudidaktischen Zugängen zur Satzgrammatik – Eine theoretische und empirische Untersuchung grammatikdidaktischer Visualisierungen in Sprachbüchern des Deutschen als Erst-, Zweit- und Fremdsprache / L. Rödel. – Berlin : Pädagogische Hochschule Freiburg, 2018. – 322 S.

Поступила в редакцию 10.03.2023

Рубанова Евгения Викторовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германской
филологии Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
г. Могилев, Беларусь

Yauheniya Rubanova

Ph.D. in Philology,
Associate Professor
Mogilev State A. Kuleshov University,
Mogilev, Belarus
rubanova@msu.by

РАННИЕ СЛЕНГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**EARLY SLANGISMS IN ENGLISH**

В статье рассматривается семантика, способы создания, продолжительность использования сленгизмов, возникших в английском языке в 1000–1499 гг. В ходе анализа определены основные направления номинации в сленге указанного периода, выявлены их главные функции, определена взаимосвязь значений ранних сленгизмов со стандартом. Анализ продолжительности функционирования ранних сленгизмов позволяет опровергнуть идею мимолетности сленга.

Ключевые слова: сленг; английский сленг; сленгизм; история сленга; семантика ранних сленгизмов; способ номинации; продолжительность использования.

The article focuses on the semantics, formation, and the duration of use of slangisms coined in English in 1000–1499. In the course of the research the main naming tendencies in English slang of the specified period have been determined, the leading functions of early slang words have been identified, and the relationship between the meanings of early slangisms and standard senses have been determined. The analysis of the time periods during which early slang words continue to function in slang contradicts the idea of slang fleeting nature.

Key words: slang; English slang; slang word; history of slang; semantics of early slangisms; way of naming; duration of use.

В энциклопедии «Британника» указано, что термин «сленг» в печати появился в 18 веке и использовался в отношении языка сомнительных и преступных слоев населения Лондона. При этом обращает на себя внимание следующая фраза «Термин, однако, возможно использовался значительно раньше» (здесь и далее перевод наш) [1]. Несмотря на многочисленные исследования сленга, до сих пор остается открытым не только данный вопрос, но и иные проблемы, связанные с изучением сленга (этимология термина, разграничение понятий «сленг», «арго», «жаргон» и др.). В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос, каковы истоки языкового явления, известного в современной англистике под термином «slang».

Э. Партридж, один из ведущих лексикографов и исследователей английского сленга XX века, предполагает, что сленг появился во всех странах, как только возникла разговорная речь [2, с. 37]. О существовании сленга в Древнем Египте и Вавилонии говорил еще Хоттен (Hotten), в Древней Греции и Древнем Риме – Макей (Maskay) [2, с. 37]. По мнению

Э. Партриджа, история европейского сленга берет начало в XIII веке, когда возникает ротвельш (Rotwelsh), сленг бродяг. Глоссарий ротвельша появился приблизительно в 1490 г. Во Франции первые записи сленга существовали в середине XV века, в том числе в поэмах Фр. Вийона. В Англии первые списки были также записями воровского сленга, но появились они позднее [2, с. 41–43]. В книге «Slang: To-day and Yesterday» Э. Партридж посвящает вторую главу «A sketch towards the history of English slang» истории английского сленга, начиная с XVI века.

Среди выдающихся лексикографов и исследователей английского сленга в XXI веке к истории субстандарта обратился Дж. Грин в книге «The Vulgar Tongue: Green's History of Slang», опубликованной в 2015 г. В предисловии сам автор отмечает, что с момента издания книги Э. Партриджем в 1933 г. лексикографы не проявили серьезных усилий в отношении изучения истории сленга. Сам Дж. Грин посвятил не одно десятилетие составлению современного сленгового словаря и изучению этой языковой подсистемы. В указанной книге автор говорит о ранней фиксации английского сленга еще в «Кентерберийских рассказах» (1343–1400) Дж. Чосера и произведениях В. Ленгленда (1300–1386), приводит примеры подобных сленгизмов и указывает на их тематическую принадлежность [3, с. 24–25].

В данной работе объектом исследования являются самые ранние сленгизмы, появившиеся в английском языке до XVI века, что обуславливает актуальность исследования. Цель исследования – выявить особенности создания и функционирования ранних английских сленгизмов. Материалом исследования послужили 169 сленгизмов, извлеченных методом сплошной выборки из словаря Дж. Грина [4]. С помощью функции «Расширенный поиск» («Advanced search») были отобраны все единицы, появление которых ограничено временными рамками 1000–1499 гг. Большинство сленгизмов относятся к именам существительным (121 пример, или 71,6 %). Глагольные сленгизмы представлены 23 примерами (13,6 %). Кроме того, в выборку вошли 9 прилагательных (5,3 %), 8 междометий (4,1 %), 4 наречия (2,4 %), 4 устойчивых словосочетания (2,4 %). Таким образом, для ранних сленгизмов характерна субстантивность.

Объектом номинации большинства ранних сленгизмов является человек. Компонентный анализ фактического материала исследования позволил выделить ряд лексико-семантических групп, служащих для обозначения людей. Большинство данных сленгизмов указывают на отрицательные черты человека: глупость – *ape*, ‘уничижительное обозначение человека, подразумевающее глупость и неуклюжесть’; *buzzard* ‘(also buzzard-head) слабый, глупый человек, простофиля’; *doddypoll* – ‘глупец’; излишнюю болтливость и шумность – *blabbermouth*, ‘сплетник, болтун’, *bell-wether* ‘очень шумный человек’, *gabber* ‘болтун, нескромный разговорчивый человек; сплетник’; занудство – *bore* ‘скучный человек, зануда’, *chuff* ‘уничижительное обозначение человека, которого считают скучным, некультурным или грубым’;

эксцентричность – *daffy* ‘чудак, сумасшедший; истерия’; наглость *capron hardy* ‘наглец’; подхалимство и хитрость – *placebo* ‘подхалим; подхалимство’; *sneek drawer* ‘хитрый, лстивый человек’.

В качестве формы обращения используется *man*, а сленгизм *thing* имеет значение ‘человек’ в отношении незнакомого человека или человека, которого не считаешь важным. Для выделения социального статуса мужчины используется *jack* – ‘мужчина или мальчик, простолюдин в отличие от джентльмена’, *Sir John* – ‘деревенский пастор’.

С положительным значением зафиксированы единичные примеры: *mate* ‘друг’, *honey* (*also hon*, *honey-chops*, *honey-comb*, *honey-girl*, *hun*) – выражение нежности в обращении мужчины к женщине или наоборот, иногда к ребенку любого пола.

16 наименований представительниц женского пола указывают на отношение мужчин, создателей сленга, к объекту наименования. Сленгизмы *honey* и *turtle (dove)* имеют значение ‘любовник, возлюбленный’ и несут положительную оценку. Однако большинство сленгизмов этой группы имеют уничижительное значение: *bitch* – в отношении женщин, (а) уничижительное обозначение женщины, обычно воспринимаемое как неприятное; (б) атрибутивное использование значения, уничижительная форма обращения к женщине или представительнице женского пола, *dame* – женщина, часто с намеком распушенности или непривлекательности, *pigsnyes* – грубоватое обращение к женщине. Среди них можно выделить обозначения женщин легкого поведения, неразборчивых в связях: *cat*, *gay*, *hackney*, *kate*, *light*, *malkin*.

Антропоцентричность ранних сленгизмов отражается и в номинациях, служащих для обозначения действий и их результатов, а также состояний человека: (а) *blow* (*also blow on*, *blow upon*) – дискредитировать, опорочить, разрушить чью-то репутацию; *also blow it* – зло говорить, отсюда *blow at/on v.*, наказывать, выговаривать; (в) *crack* – хвалиться или хвастаться, отсюда *cracker* – хвастун, *cracking* – хвастовство; (с) *sling* – бросать, швырять; (d) *totty* – пьяный, *blow in a bowl* – быть заядлым пьяницей, *clad in Stafford blue* – в синяках от побоев; (е) *gab* – разговаривать, отсюда *gammoner*, *gammoning*.

Значительная часть номинаций действий служит для обозначения физиологических процессов/потребностей людей. 12 сленгизмов имеют значение ‘*to have sexual intercourse*’ и связаны с этим понятием значения: *bounce*, *clicket*, *dance*, *game*, *jape*, *ride*, *swine*, *grope*, *prick*, *hot*. Эти и другие сленгизмы (наименования частей тела) составляют большую группу наименований табу. Э. Партридж, описывая сленг 16 века, ссылается на Хоттена и говорит, что в сравнении со сленгом XX века, «древнеанглийский сленг ... был более грубым, и зависел в большей степени от откровенной вульгарности» (“old English slang ... was coarser, and depended more upon downright vulgarity”) [2, p. 44]. Соотношение названий частей тела, которые не употребляют в приличном обществе (*bum*, *hole*, *tail*, *pocket*, *purse*, *bow*, *sword*,

jewels, stones, instrument, trench), и обозначений кожи (*leather*), лица (*muzzle*) и рта (*whistle*), составляет 31:7. При этом уже для ранних сленгизмов данной группы характерна концентрация ряда синонимов вокруг центров аттракции.

Остальные группы сленгизмов включают наименования, связанные с криминальной деятельностью, правоохранительной деятельностью, обозначения предметов быта, еды, одежды, денег, животных и явлений природы, количества, мест и некоторые другие единичные наименования.

Для выражения отношения безотносительно предмета номинации используются прилагательные и наречия (*clean, right*), интенсификаторы (*lousy, mortal, proper, well, what the devil*), а для выражения эмоций уже до 1500 года в сленге функционируют *Christ!, for Christ's sake! God, Jesus!, mary!, mercy! nails!*

Как отмечают Т. М. Беляева и В. А. Хомяков, которые относят сленг к просторечию, «специфика просторечия состоит в том, что в нем в процессе номинации главенствующую роль играет психологический фактор, позволяющий говорящему в условиях речевой раскованности эмоционально самовыразиться» [5, с. 80].

Рассмотрев семантику ранних сленгизмов, обратимся к способам их создания. М. М. Маковский утверждает, что «сленг – исторически сложившаяся на базе территориальных диалектов различных регионов и других наиболее древних языковых элементов и в большей или меньшей степени общая всем носителям языка лингво-социальная норма, которая, реализуясь на уровне разговорной речи (фонетика, грамматика, лексика), генетически и функционально отлична от жаргонных и профессиональных элементов языка; семантика сленговых лексем не всегда восходит к стилистическому переосмыслению, а слова сленга не обязательно используются для создания стилистического эффекта» [6, с. 22–23].

В ходе анализа 147 сленгизмов (из полной выборки исключены идиомы, сленгизмы с неустановленной этимологией и ряд междометий) установлено, что к диалектизмам и древним языковым элементам восходят только 10 примеров (менее 7 %). Большинство ранних сленгизмов имеют связь с так называемым *Standard English*. В Таблице 1 представлены данные о соотношении способов создания ранних сленгизмов (общее количество – 137) без учета диалектных и древних языковых элементов.

Т а б л и ц а 1

Способы создания ранних сленгизмов

Способ создания	Количество сленгизмов, ед.	Количество сленгизмов, %
Семантическая деривация	95	69,3
Морфологическая деривация	18	13,1
Заимствование	17	12,4
Звукоподражание и фонетическая игра	7	5,1

Как следует из Таблицы 1, большинство ранних сленгизмов (69,3 %) возникли в результате семантической деривации. Ассоциативная связь между общеизвестным значением и значением сленгизма приводит к возникновению различных метафор: *amuse* (UK Und.) – обманывать владельцев магазинов и других торговцев, чтобы обвести их вокруг пальца или ограбить; *cage* – клетка, карцер, отсюда глагол *cage* ‘посадить в клетку’; *whistle* – рот, горло.

Среди метафор встречаются зооморфизмы, которые основаны на сравнении поведения животных и людей. *Ape* – уничижительное обозначение человека, подразумевающее глупость и неуклюжесть; *baboon* – головорез, разбойник, бездельник; *buzzard* (also *buzzard-head*) – слабый глупый человек, жертва обмана, *cat* – значения основаны на связи образа кошки с женственностью, проституцией, *choking oyster* – ответ, который заставляет оппонента замолчать, *mare* – любовница, сексуально привлекательная женщина, любая женщина с сексуальным поведением.

Помимо зоометафор, имеет место переход имени собственного в имя нарицательное, когда типичное имя для представителя социального класса служит для обозначения данного социального класса или социальной группы: *jack* – мужчина или мальчик, простолудин, в отличие от джентльмена; *kate* (Scot., also *cate*, *katy*) – проститутка; *Sir John* – деревенский пастор. Типичное имя для представителя социального класса служит для обозначения данного социального класса или соцгруппы.

Морфологическая деривация значительно уступает семантической деривации в количественном соотношении, но среди ранних сленгизмов уже встречаются все самые продуктивные для современного сленга морфологические способы создания сленгизмов: аффиксация – *cackler* ‘сказочник, тот, кто говорит вне очереди’ – от глагола *cackle*; сокращение – *mary!* ‘богохульство’ – от *the Virgin Mary!*; словосложение – *blabbermouth* ‘сплетник, болтун’; конверсия – *crack* ‘ложь, хвастовство, преувеличение’ – от глагола *crack*. Среди ранних сленгизмов не зафиксированы постпозитивные образования, усечения, которые помимо указанных выше способов выделяют исследователи английского субстандарта [5, с. 77–78].

Займствования представлены словами, пришедшими из французского языка: *belle-chose* (Fr. *belle chose*, a beautiful thing; coined by Geoffrey Chaucer (c. 1345–1400)), *capron hardy* (Fr. *capron hardi*, lit. ‘bold hood’), латинского языка *cock* (Lat. *cuccus*, the male domestic fowl; thus the term has been used for any object that resembles a cock’s head), *placebo* (Lat. *placebo*, I shall please; popularized as the name commonly given to Vespers in the Office for the Dead, from the first word of the first antiphon (*Placebo Domino in regione vivorum*, Ps. cxiv. 9), итальянского языка: *mungaree* (Ital. *mangiare*, to eat), *tray* (Ital. *tre*, three).

Только в одном случае зафиксировано внутреннее заимствование – переход из морского жаргона в сленг: *mate* ‘(also *comate*) друг’. Таким образом, для ранних сленгизмов факт формирования за счет перехода единиц из специальных подъязыков в так называемый общий сленг не подтверждается.

Многие исследователи отмечают мимолетность сленгизмов, их быстрое появление и столь же быстрое исчезновение. Эта черта сленга отражается и в словарных определениях сленга, которые подчеркивают новизну сленгизмов, переживающих «быструю популярность и достаточно скорое забвение (...*experiencing quick popularity and relatively rapid decline into disuse*) [7]. Рассмотрим, верно ли подобное утверждение в отношении ранних сленгизмов.

Из 169 сленгизмов три – *arse, ballock, turd* – появились в 1000 г. В период с 1230 по 1239 г. зафиксированы еще четыре сленгизма (*cunt, piss, sling, thing*). Интересно, что по одной из версий раскрытия этимологии слова *slang* данный термин происходит от глагола *sling* [8, с. 31], что позволяет говорить о появлении обозначения *slang* ранее, чем 1800 г. В период с 1300 по 1399 и с 1400 по 1499 г. возникло примерно равное количество сленгизмов: 85 и 77 единиц соответственно.

Количественный анализ периода существования всех 169 сленгизмов указывает на то, что в среднем они «живут» не менее 500 лет (при подсчете среднего арифметического цифра составляет 507 лет). Подробные данные о сроках функционирования сленгизмов, возникших в период с 1000 по 1499 г., представлены в Таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Продолжительность функционирования ранних сленгизмов в сленге

Продолжительность функционирования	Количество сленгизмов, ед.	Количество сленгизмов, %
1 год	4	2,4
От 1 до 99 лет	4	2,4
От 100 до 199 лет	5	3
От 200 до 299 лет	8	4,7
От 300 до 399 лет	13	7,7
От 400 до 499 лет	24	14,2
От 500 до 599 лет	53	31,4
От 600 до 699 лет	49	29
От 700 до 799 лет	6	3,6
1000 лет	3	1,8

Как следует из Таблицы 2, большинство ранних сленгизмов существовали не одно столетие. Эти данные позволяют опровергнуть теорию о мимолетности и недолговечности сленгизмов, возникших в период с 1000 по 1499 г. Большинство ранних сленгизмов вошли в ядро английского языка.

В дальнейшем они послужили основой для развития новых значений, появившихся как в общем, так и специальном сленге, а также стали базой для создания различных дериватов и устойчивых сочетаний.

Таким образом, анализ частеречной принадлежности, семантики, способов создания и этимологии ранних сленгизмов, а также продолжительности их функционирования в сленге английского языка позволяет утверждать, что для сленгизмов, возникших в период с 1000 по 1499 г., характерны субстантивность и антропоцентризм. Ранние сленгизмы выполняют номинативную, оценочную, эмоционально-экспрессивную и эвфемистическую функции. Большинство ранних сленгизмов возникли в результате семантической деривации и демонстрируют метафоричность. Анализ длительности существования сленгизмов, возникших в период с 1000 по 1499 г., позволяет утверждать, что значительная часть ранних сленгизмов составила базу для дальнейшего формирования английского сленга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Maurer, D. V. Slang* / D. W. Maurer // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://www.britannica.com/topic/slang/>. – Date of access : 20.01.2023.
2. *Partridge, E. Slang To-day and Yesterday* / E. Partridge. – London : Boston and Henley. – reprinted 4th ed., – 1979. – 476 p.
3. *Green, J. The Vulgar Tongue: Green's History of Slang* / J. Green [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://books.google.by/books?id=svyKBAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false/>. – Date of access : 20.01.2023.
4. *Green, J. Green's Dictionary of Slang* / J. Green [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://greensdictofslang.com/>. – Date of access : 20.01.2023.
5. *Беляева, Т. М. Нестандартная лексика английского языка* / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 136 с.
6. *Маковский, М. М. Английские социальные диалекты : (Онтология, структура, этимология)* / М. М. Маковский. – М. : Высш. шк., 1982. – 135 с.
7. *The Encyclopedia Americana*. – International Edition. – USA, 2002. – Vol. 25. – P.15.
8. *Хомяков, В. А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия* / В. А. Хомяков. – Вологда : Мин. просвещения РСФСР, Вологод. гос. пед. ин-т, 1971. – 104 с.

Поступила в редакцию 31.01.2023

Сытько Анна Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики и грамматики
немецкого языка

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Sytko

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department for German
Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Republic of Belarus, Minsk
sytko.mglu@gmail.com

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ДЕОНТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

(на материале немецкого и русского языков)

NEGATIVE DEONTIC STATEMENTS: SEMANTICS AND PRAGMATICS (on the Material of the German and Russian Languages)

В статье рассматривается семантический и прагматический аспект деонтического высказывания с отрицанием на материале немецкого и русского языков. Описаны типы взаимодействия отрицания и влияние отрицания на модификацию аксиологической и алетической презумпции деонтического высказывания. Выявлена прагматика конструкций с деонтическим субъектом 1-го и 2-го лица с учетом взаимодействия отрицания либо с деонтическим предикатом, либо со смысловым глаголом.

Ключевые слова: *деонтическая конструкция; отрицание; смысловой глагол; деонтический предикат; аксиологическая/алетическая презумпция; прагматика.*

The article considers the semantic and pragmatic aspects of the deontic utterance with negation on the material of the German and Russian languages. It describes the types of interaction of negation and the influence of negation on the modification of the axiological and alethic presumption of a deontic statement. The study reveals the pragmatics of constructions with the deontic subject of the 1st and 2nd person, taking into account the interaction of negation either with a deontic predicate or with a semantic verb.

Key words: *deontic construction; negation; semantic verb; deontic predicate; axiological/alethic presumption; pragmatics.*

Ведущей дихотомией в философии и логике, перенесенной в лингвистическую семантику, в целом является «утверждение/отрицание». Вопрос семантического вклада оператора отрицания в высказывание интересует ученых с древних времен. Утверждение является членом бинарной оппозиции: наличие/отсутствие чего-либо. Следовательно, как только речь заходит об утверждении, сразу же появляется «тень» его противочлена – отрицание. Не является в этом аспекте исключением деонтическое высказывание, которое реализуется чаще всего утвердительным высказыванием и выражает социально обусловленное и связанное с системно-нормативными ограничениями человеческой деятельности отношение к действию.

Согласно аристотелевской теории отрицания, основанной на четырех видах оппозиций (соотношение: корреляция *болен/здоров*; противополож-

ность: *добрый/злой*; отсутствие, противопоставленное наличию; противоречие) [1, р. 6], каждой утвердительной пропозиции с определенным субъектом и предикатом соответствует отрицательная пропозиция с идентичными субъектом и предикатом [2, р. 38]. В случае утвердительного и отрицательного модального высказывания речь идет о контрадикторной оппозиции или о противоречии. Определяющим критерием оказывается синтаксический: утвердительный и отрицательный члены оппозиции формально идентичны во всем, кроме того, что в отрицательном высказывании имеет место оператор отрицания [1, р. 14]. Аспект истинности/ложности, о котором рассуждает философ, в случае деонтического высказывания является нерелевантным, поскольку деонтический предикат обуславливает снятую утвердительность. Иными словами, если отрицание возможности интерпретируется как отсутствие возможности, или невозможность (ср. *могу/не могу*), то отрицание в деонтическом высказывании не означает не-необходимость ср.: *ты должен молчать* (обязательность действия) – *ты не должен молчать* (обязательность недействия).

В современной лингвистике категорию модальности и отрицания рассматривают в тесной связи. Однако такое словосочетание как отрицательная деонтика требует рефлексии. Целью работы, таким образом, является выявление семантических и прагматических характеристик отрицательных деонтических конструкций в двух языках – русском и немецком. Эмпирическим материалом послужили контексты из корпусов национальных языков – русского (НКРЯ) и немецкого (DWDS). Под отрицательными в работе понимаются конструкции с оператором отрицания. В данной работе сопоставляется прагматика перволичных конструкций с субъектом *я*, как в целом самых употребительных, и второличных конструкций, активно используемых в диалогической коммуникации.

1. Типы взаимодействия компонентов деонтической конструкции с отрицанием

Ядерным средством выражения деонтического отношения выступает деонтическая конструкция, так называемый модально-глагольный комплекс, объединяющий обязательные структурно-семантические компоненты, а именно деонтический субъект, деонтический маркер и инфинитив смыслового глагола. В зависимости от того, какой компонент отрицается, исследователи выделяют два типа конструкций (см. [3; 4, с. 214; 5, с. 72]: 1) с отрицанием деонтического предиката, т.е. с контрарным отрицанием; 2) с отрицанием смыслового глагола, т.е. со смещением/подъемом отрицания. В немецких грамматиках говорят о двух видах отрицания в модальных высказываниях: «внутреннем», когда отрицается содержание пропозиции (действие/состояние), и «внешнем», когда отрицается содержание модального глагола [6, S. 559–560]). Внешнее (пропозициональное) отрицание свидетельствует об отсутствии положения дел, описываемого в отрицаемом высказывании. Подобное высказывание трансформируется посредством оборота «неверно,

что», за которым следует отрицаемая пропозиция: *du musst das nicht tun = falsch, dass du das tun musst*. Внутреннее отрицание входит в состав высказывания.

Отрицание деонтического предиката подразумевает наличие альтернативы: **не должен P** = *можешь делать P , можешь не делать P* , что делает высказывание слишком неопределенным, поэтому при интерпретации деонтического высказывания, как подчеркивает И. Б. Шатуновский, «одна из альтернатив должна быть отброшена, что «бросает» осуществление P на «произвол» свободной воли адресата» [3, с. 78–79]. Иными словами, оператор отрицания в деонтической конструкции ведет к активному проникновению алетического значения в семантику модального высказывания, предоставляя выбор из двух возможностей, утвердительной и отрицательной, и высказывание свидетельствует об отсутствии обязательности. При этом алетическая презумпция высказывания указывает одновременно на онтологическую возможность осуществления исполнителем действия P и на наличие свободы исполнителя в выполнении P , например:

*Я поняла, что это как раз та сторона моего лица, которую **не нужно скрывать*** (М. Варденга. «Галина Тюнина. Фрагменты белого стиха» // «Домовой», 2002.02.04) [НКРЯ]. $\approx$ можно скрывать, можно не скрывать

*Mir wurde **kein Ultimatum** gesetzt. Ich **muss** mich in dieser Woche **nicht entscheiden***. ‘Мне не ставили ультиматум. Мне не нужно решать на этой неделе’ (Der Tagesspiegel, 15.04.2004) [DWDS]. $\approx$ на этой неделе решать не обязательно.

В результате возникновения у конструкции алетических смыслов становится возможным противопоставление осуществимости действия и необязательности его выполнения в структурах с союзами *no/aber, doch, jedoch* (можно, но не нужно):

*Ich **kann** mit 30 plus, wenn ich will, Abenteuer erleben, verrückt und spontan sein, **aber ich muss nicht***. ‘Можно в 30+, если захочу, быть предприимчивой, сумасшедшей и спонтанной, но не нужно’ (Zeit, 28.11.2017, Nr. 48) [DWDS].

*Der Gerichtshof **kann** den Fall dann zur Überprüfung an die 17 Richter der Großen Kammer überweisen, er **muss** dies **aber nicht** tun*. ‘Затем Суд может передать дело на рассмотрение 17 судьям Большой палаты, но не обязан это делать’ (Die Zeit, 18.03.2014, Nr. 11) [DWDS].

Отсутствие необходимости в осуществлении принудительного действия, оценивается говорящим позитивно, т.е. аксиологической презумпцией выступает не выгодность действия P (что происходит в утвердительных деонтических высказываниях), а сама возможность не осуществлять P : *не надо P* = *хорошо, что можно не P [и можно P_1]*, поэтому данные высказывания нередко вводятся аксиологическим модусным предикатом:

*Как **хорошо**, думал я, что мне **не придется**, объясняясь с израильтянами, прикрывать наш позор обтекаемыми дипломатическими формулами* (А. Бовин. «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства» (1999)) [НКРЯ].

В случае смещения отрицания (Neg-Raising в [7]), или внутреннего отрицания, в коммуникативном фокусе находится смысловой инфинитив: *ты не должен делать P* = *ты должен не делать P*. Е. В. Падучева подчеркивает, что здесь отмечается следующая синонимия: *не должен делать P* $\approx$ *не может делать P* [8, с. 133], т.е. отрицается возможность действия, при этом обязательность сохраняется: действие не должно состояться [9, с. 76]). Алетическая презумпция здесь указывает на возможность совершения субъектом действия *P*, нарушающего норму, а аксиологическая – на выгоду не осуществлять называемое действие (*делать P* *нехорошо/плохо*, следовательно, *хорошо не делать P* $\rightarrow$ *не надо делать P*), например:

Пусть коммунисты кричат «Долой Собчака!» – ты не должен отвечать. Отмени свое решение, не вызывай ОМОН. Завтра мы все пойдем на концерт. – И он все отменил. (С. Спивакова. «Не все» (2002)) [НКРЯ].

Отрицание одного действия в деонтической конструкции предполагает альтернативу, т.е. необходимость выполнения иного действия (*ты не должен отвечать* $\approx$ *ты должен не отвечать [а промолчать]*), что наиболее ярко проявляется в противительных структурах с союзом *a/sondern*, где одна пропозиция (действие) признается неверной и ей противопоставляется иная, правильная. В результате позиция отрицательного маркера в русском языке смещается к отрицаемому смысловому глаголу (*должен не P₁*, а *P₂*):

Мальчик должен не думать о своем настроении, а справиться с ним. [О. Хухлаев. «Оставьте мужчину в покое!» // «Психология на каждый день», 2010]

Нужно не жалеть себя, а бегать, бегать быстро (А. Варламов. «Купавна» // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ].

Смещение отрицания происходит также в конструкциях с эксплицитованным, снижающим категоричность, эпистемическим модусным предикатом: *я не думаю, не считаю, что надо P*. Глаголы пропозициональной установки не бывают в коммуникативном фокусе, поскольку в центре внимания находится не само наличие мнения, а его содержание [10, с. 396], поэтому, как отмечает И. Б. Шатуновский, отрицание “переносится” от подчиняющего предиката к подчиненной пропозиции [5, с. 72]: *я не думаю, что нужно делать* = *я думаю, что не нужно делать* $\rightarrow$ *я думаю, что нужно не делать*, например:

Ich denke nicht, dass man den Trainer kritisieren muss, nur weil er jetzt mal eine halbe Saison hatte, wo es nicht so richtig lief. Das ist einfach falsch. ‘Я не думаю, что нужно критиковать тренера только за то, что у него половину сезона дела шли не так хорошо. Это просто неправильно’ (Die Zeit, 25.02.2016 (online)) [DWDS]. $\rightarrow$ *ich denke, das ist falsch, dass man den Trainer kritisieren muss* ‘я думаю, неверно, что нужно критиковать тренера’

2. Иллокутивные характеристики отрицательных деонтических высказываний

2а. Прагматика отрицательных второличных конструкций

Обращение к отрицательным деонтическим высказываниям с субъектом 2-го лица *ты/Вы* показывает, что оно не изменяет прототипическую прагматику деонтических конструкций, а именно директивность. Семантика утвердительных второличных деонтических высказываний представлена двумя типами иллокуций: прескриптивы и суггестивы (*ты должен, обязан делать Р*). В случае с отрицательными конструкциями, где отрицается смысловой глагол, прескриптивность обусловлена более высоким статусом говорящего:

– *У нас будет важный разговор, и вы не должны нам мешать. Поняли?*

– *Поняли, папочка* (И. Пивоварова. «Однажды Катя с Манечкой» (1986)) [НКРЯ].

Это не просьба, не пожелание, а приказ: ты не должен вступать ни с кем ни в какие разговоры о всей этой истории; у тебя должен быть только один ответ: «Я на эту тему не разговариваю» (Ю. Даниэль. «Письма из заключения» (1966–1970)) [НКРЯ].

Однако большинство второличных конструкций локализовано в зоне суггестивности, что обусловлено аксиологическим фундаментом деонтического высказывания в случае смещения отрицания (ценностной презумпцией «польза неосуществления Р»). Употребляя второличную конструкцию с отрицанием, говорящий хочет помешать осуществлению действия, «угрожающего» адресату:

– *Нет, что вы! Напротив, мы очень просим вас остаться... Нам кажется, после того, что произошло, вы не должны следовать за вашим мужем...* (И. Полянская. «Прохождение тени» (1996)) [НКРЯ].

Для отрицательных конструкций с субъектом 2-го лица характерна отсылка к уже осуществленному действию *Р*, т.е. модальное высказывание является реакцией на действие, которое воспринимается как неуместное или отклоняющееся от нормы. В результате деонтическая конструкция, с одной стороны, реализует суггестив, с другой стороны – обогащается негативно-оценочными смыслами, прагматикой порицания (неодобрения, разочарования, недовольства, осуждения, упрека в совершенном действии). Говорящий не прямо критикует действия адресата, а предлагает/рекомендует ему в будущем скорректировать поведение и не повторять, не выполнять «неправильное» действие *Р*:

– *Нехорошо, плохо, зла не следует помнить, его надо забывать, – с укором проговорил Александр Николаевич* (И. А. Купчинский. «Из воспоминания об Александре Николаевиче Островском» (1896–1913)) [НКРЯ].

Любопытно отметить, что использование глаголов эмоциональных состояний во второличных отрицательных конструкциях обуславливает реквестивную семантику, которая в целом нетипична для второличных

конструкций, поскольку необходимое действие согласно аксиологической презумпции деонтического высказывания выгодно не для адресанта, а для исполнителя. В случае отрицания бенефициаром является субъект речи, обращающийся с просьбой о прекращении адресатом пребывания в эмоциональном состоянии (*ты не должен сердиться* = *не сердись*), которое возникло в результате осуществления говорящим действия, оцениваемого адресатом негативно:

– *Ты не должен на меня злиться, Виктор, я ведь совсем не знаю, что и как происходило в вашей семье, поэтому могу ненароком сказать или спросить что-нибудь такое, что тебе не понравится* (А. Маринина. «Светлый лик смерти» (1996)) [НКРЯ].

Если отсылка к совершенному действию отсутствует, то при помощи вторичных отрицательных конструкций с эмотивными и ментальными глаголами говорящий осуществляет акты утешения, выражение сочувствия. В подобных структурах отрицание относится к деонтическому предикату, что предполагает дизъюнкцию альтернатив и, следовательно, необязательность действия:

– *Но тебе не надо себя ни в чем упрекать. Ты лучше и больше любого пистолета из золота! Ты был просто блистателен, просто блистателен!* (С. Носов. «Фигурные скобки» (2015)) [НКРЯ].

Benni, du bist gut so wie du bist. Du musst nicht alles auf dich beziehen. ‘Бенни, ты хорош таким, какой ты есть. Ты не должен все принимать на свой счет’ (Der Tagesspiegel, 19.01.2003) [DWDS].

При этом рекомендация не пребывать в эмоциональном состоянии, обычно уже имеющем место в момент речи, как правило, сопровождается объяснением причин, почему данное состояние оказывается с точки зрения говорящего неправильным: *ты не должен бояться* = *ты можешь не бояться, нет причин, чтобы бояться*.

Аналогичную прагматику реализуют отрицательные вторичные конструкции при отнесении темпорального плана к будущему (*не надо будет, не придется* и т.п.), что характерно для русского языка:

– *И не бойся, тебе не придется разъезжать* одной по железной дороге (А. Морозов. «Прежние слова» (1985-2001) // «Знамя», 2002)) [НКРЯ].

– *К понедельнику весь бардак тут разгребут, тебе не надо будет возиться* (Т. Устинова. Подруга особого назначения (2003)) [НКРЯ].

В диалогической речи вторичные конструкции, будучи реактивными репликами, являются контекстно-зависимыми: они «отзеркаливают» предыдущую реплику и реализуют несогласие (возражение). Это так называемые случаи «перечеркивания необходимости» (см. подробнее о «verbal crossing out» [9, с. 76]), например:

– *Да... но я останусь. – Нет, не нужно. Идите!..* (П. Д. Боборыкин. «Василий Теркин» (1892)) [НКРЯ].

– Должно быть, потому, что считаю вас серьезным человеком, **верю** вам... – **Не надо верить!** – сказал Евсей (М. Горький. «Жизнь ненужного человека» (1908)) [НКРЯ].

Второличные отрицательные конструкции с отрицаемым ментальным глаголом *знать*/*wissen* выражают коммуникативный запрет, подразумевая нежелание говорящего предоставлять информацию: *ты не должен знать* → *я не буду об этом говорить*, демонстрируя сложное семантическое переплетение деонтики и волитивности. Нежелание обусловлено аксиологической презумпцией деонтического высказывания, которая свидетельствует о выгоде незнания *p* для модального субъекта, при этом отрицание относится к ментальному глаголу: *ты не должен знать p* = *ты должен не знать p* → *тебе лучше не знать p*. Импликатурой здесь является выраженный или невыраженный запрос адресата, который предполагает, что он должен нечто узнать, то деонтическое высказывание является (квази) реагирующим (– *я должен знать p*. – *Нет, ты не должен*), например:

– Но объяснять я ничего не стану. **Ты не должен знать. Это тебя не касается** (С. Лукьяненко. «Ночной дозор» (1998) [НКРЯ].

– *Ist es das, was dir passiert ist?* – **Du musst nicht wissen, was mir widerfahren ist** ‘– Это то, что случилось с тобой? – Тебе необязательно знать, что со мной случилось’ («Navy CIS» Recoil, 2008 (Filmuntertitel)) [DWDS].

26. Прагматика отрицательных перволичных конструкций

Утвердительные перволичные конструкции с субъектом *я/ich* в зависимости от типа семантического типа смыслового глагола реализуют репрезентативные, экспрессивные, интеррогативные иллокуции (ср.: *я должен поблагодарить, извиниться, подчеркнуть; я должен гордиться; я должен идти, иначе не успею; я должен подумать; я должен знать законы; я должен знать, кто он*). В случае наличия отрицания перволичные конструкции локализуются в зоне «чистой» репрезентативности.

Отрицательные перволичные конструкции, где отрицание относится к деонтическому предикату, сообщают об определенном действии, которое находится вне зоны ответственности говорящего. Выбор той или иной альтернативы (*я не должен делать P* = *могу делать, могу не делать*) обусловлен волей говорящего, поэтому можно утверждать, что семантика конструкций осложняется волитивным компонентом. Подобное семантическое наложение (деонтики, алетики и волитивности) определяет тот факт, что в диалогической форме они реализуют прагматику несогласия и отказа, которые могут поддерживаться дополнительно иными вербальными маркерами, например:

– Получил доход 100 тысяч, отдаю в казну 15 процентов – и до свидания. **Отстаньте от меня. Я не должен вам нести никаких справок. Если вы не верите, что мой доход именно таков, если думаете, что я заработал больше, – доказывайте! Это ваша проблема. А у меня вместо проблемы – презумпция невиновности** (Б. Немцов. «Провинциал в Москве» (1999)) [НКРЯ].

– *Dann können Sie doch die Sekunde warten. – Ich muss aber nicht.* ‘– Тогда вы же можете подождать секунду. – Но я не должен’ (Berliner Zeitung, 24.04.2004) [DWDS].

Конструкция с ментальным глаголом *знать* в случае отрицания деонтического предиката также является сообщением об отсутствии обязанностей: *я не должен знать* = *это не входит в мои обязанности*, например:

– *По коридору? Не знаю. Мало ли тут ходят. Я не должен знать, кто мимо пройдет* (З. Н. Гиппиус. «Мисс Май» (1896)) [НКРЯ].

Аксиологическая презумпция, т.е. возможность не осуществлять действие (*не надо P* = *хорошо, что можно не P*) обуславливает в отрицательных конструкциях с ментальным глаголом *думать* в ЛСВ «беспокоиться» реализацию сообщения о том, что говорящий испытывает облегчение от устранения необходимости эмоционально-ментального напряжения:

– *Теперь я бросил службу, мне не надо думать о будущем, и я наконец начну жить так, как хотел жить всегда* (Г. А. Газданов. «Эвелина и ее друзья» (1968)) [НКРЯ].

В случае смещенного отрицания перволичные конструкции выражают сообщение-мнение о необходимости недействия на основании объективных причин, указываемых в контексте:

– *Кроме того, я – министр правительства Российской Федерации. Я не должен ночевать в хрущевках и жарить антрекоты. Это не по правилам* (Т. Устинова. «Большое зло и мелкие пакости» (2003)) [НКРЯ].

Ich muss aber nicht jedes Mal ins Labor, um am Rosenöl zu schnuppern, ich kenne die Düfte und weiß, welche Wirkung ich damit erziele. ‘Но мне не нужно каждый раз ходить в лабораторию, чтобы понюхать розовое масло, я знаю ароматы и какого эффекта ими можно добиться’ (Die Zeit, 14.05.2013, Nr. 20) [DWDS].

Перволичные конструкции с ментальным глаголом *знать* в случае смещения отрицания являются косвенным способом выражения нежелания говорящего знать *p*: *я не должен знать p* = *я должен не знать p*. В диалоге данные конструкции реализуют своеобразный коммуникативный отказ или запрет коммуникативного типа (*мне не нужно знать* = *не говори, потому что мне не важно, не интересно, это бесполезно для меня; не хочу знать*). И. Н. Борисова подчеркивает, что подобное тематическое «сдерживание» представляет сравнительно щадящий способ снижения активности собеседника, поскольку его личная сфера напрямую не затрагивается [11, с.179, 198, 201, 203]:

– *Мне не нужно знать, какие у вас отношения; я в дела фамильные не мешаюсь, это ваше дело* (Н. В. Гоголь. «Мертвые души» (1842)) [НКРЯ].

В перволичных конструкциях с коммуникативными глаголами (*говорить, напоминать, подчеркивать/betonen*) отрицание нейтрализует

перформативность и переводит их в зону аномальной констативности: 'я сообщаю, что то, что я произнесу, не необходимо'. Это так называемые «самофальсифицируемые высказывания, превратившиеся в речевые клише» [10, с. 456], когда говорящий утверждает, что *p* не будет сказано, но *p* произносится:

Думаю, мне не надо подчеркивать, что твоя (или твоих ребят) работа, как и все расходы по этому делу, будут немедленно оплачены (Д. Рубина. «Белая голубка Кордовы» (2008–2009)) [НКРЯ].

Ich muss nicht betonen, dass ich als Bundesminister der Verteidigung meinen Soldatinnen und Soldaten danke, die im Ausland eingesetzt sind. 'Излишне говорить, что как федеральный министр обороны я благодарю своих солдат, дислоцированных за границей' (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 15/34 vom 19.03.2003, S. 2800) [DWDS].

Таким образом, взаимодействие отрицания с обязательными компонентами деонтического высказывания (либо с деонтическим предикатом, либо со смысловым глаголом) обуславливает различную алетическую и ценностную презумпцию деонтического высказывания, что в свою очередь ведет к различиям в семантике и прагматике деонтических конструкций, которые в рассматриваемых языках демонстрирует полное сходство. Отрицательные конструкции с фокусом на деонтическом предикате являются деонтическими лишь формально: семантически в них происходит сильное смещение в область алетических смыслов.

Отрицание расширяет коммуникативные возможности деонтических конструкций с модальным субъектом 2-го лица. Их директивные прагматические характеристики зависят от таких параметров ситуации, как статус говорящего (статусно нисходящее побуждение) и побуждение к совершению либо несовершению действия. Такие факторы, как наличие алетического значения, а также определенный семантический тип смыслового глагола (ментальные и эмоциональные) приводят к реализации вторичными отрицательными конструкциями социальных актов поддержки адресата.

Для первичных конструкций отрицание выступает компонентом, сужающим прагматические возможности и локализирующим их в зоне «чистой» репрезентативности. Они сообщают либо о действии, находящемся за пределами обязанностей говорящего, либо отрицают необходимость осуществления действия в связи с несоответствием объективным основаниям.

В диалогическом общении отрицательные конструкции являются оценочными актами несогласия (возражением, отказом).

Данное исследование в определенной степени заполняет лауну в описании коммуникативных смыслов, формируемых деонтическим высказыванием.

1. *Horn, L. L.* A Natural History of Negation / L. L. Horn. – Stanford : CSLI Publications, 2001. – 637 p.
2. *Horn, L. L.* Negation and Polarity: Syntactic and Semantic Perspectives / L. L. Horn, Y. Kato. – N.Y. : Oxford University Press, 2003. – 596 p.
3. *Шатуновский, И. Б.* Аномалия и отрицание (к проблеме перенесения отрицания) / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка : Противоречивость и аномальность текста : сб. ст. / АН СССР. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1990. – С. 71–83
4. *Падучева, Е. В.* Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 304 с.
5. *Шатуновский, И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика / И. Б. Шатуновский. – Москва : Шк. «Языки русской культуры»: Кошелев, 1996. – 399 с.
6. Duden, Die Grammatik : unentbehrlich für richtiges Deutsch / hrsg. von der Dudenredaktion [Red. Bearb.: K.Kunkel-Razum ; Fr. Münzberg. Autoren: Peter Eisenberg ...] // Der Duden in 12 Bänden. Bd. 4. – 8., überarb. Aufl. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 2009. – 1343 S.
7. *Horn, L. R.* Remarks on neg-raising / L. R. Horn // Syntax and semantics. N.Y., 1978. – Vol. 9 : Pragmatics. – P. 129–220
8. *Падучева, Е. В.* Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. – 2-е изд. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2019. – 440 с.
9. *Palmer, F. R.* Modality and the English Modals / F. R. Palmer. 2nd ed. – London : Longman, 1990 – 220 p.
- 10 *Булыгина, Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
11. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. 3-е. М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 21.05.2022.

Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. [Online]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dwds.de> – Дата доступа : 12.05.2022.

Поступила в редакцию 27.03.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'23

Шарейко Анна Александровна
Соискатель, преподаватель кафедры
белорусского языка и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Shareiko
Degree-Seeking Applicant,
Lecturer of the Department
of Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ann.shareiko@mail.ru

**СЛАВЯНСКИЙ ЦВЕТОВОЙ КОД (ЧЕРНЫЙ И ЗЕЛЕНый ЦВЕТА):
АССОЦИАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ**

**SLAVIC COLOR CODE (BLACK AND GREEN COLORS):
ASSOCIATIVE COMPONENT**

В настоящей статье представлен анализ ассоциативных полей черного и зеленого цветов на русском, белорусском и польском языках по результатам свободного ассоциативного эксперимента. Он отражает сходства представлений об идеальном цвете, противопоставлении других цветов и различий в приближении носителей языков (влияние литературы, религии, традиционного быта и социально-политических факторов).

Ключевые слова: *ассоциативный эксперимент; ассоциативные словари; сравнительный анализ; черный цвет; зеленый цвет.*

This article presents an analysis of the associative fields of black and green colors in the Russian, Belarusian and Polish languages based on the results of a free associative experiment. It reflects the similarities in the ideas of native speakers about the ideal color, the opposition of other colors and differences in the approach of native speakers of languages (the influence of literature, religion, traditional life and socio-political factors).

Key words: *associative experiment; associative dictionaries; comparative analysis; black color; green color.*

Еще Э. Сепир и Б. Л. Уорф в своей гипотезе утверждали, что мир представляется различным носителям разных языков именно благодаря тому, как сам язык его описывает [1, с. 63]. Эта мысль в многообразных вариантах используется при изучении семантики. «Существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [2, с. 34].

Существование сильных вербальных привычек, общих для многих членов данного общества и выработанных постепенно с возрастом, натолкнули лингвистов на мысль заняться сравнительным исследованием

многоязычных групп. Первые выводы на основе сопоставления результатов, полученных в разноразличных группах (немецкой и американской), были сделаны Э. А. Эспером (1918). После 1952 года появилось много новых исследований в этой области, основанных на миннесотских нормах и нормах других языков: французского (Розенцвейг, 1957), немецкого (Рассел и Месек, 1959) и итальянского (Леви, Розенцвейг, 1961). Во всех исследованиях подчеркивается сопоставимость наиболее частых ассоциаций, возникающих у респондентов из разных стран [3, с.143].

Ассоциативное поле цветообозначений характеризуется национально-специфическими чертами. Особенности каждой этнической культуры воплощаются в цветовых предпочтениях, которые проявляются в языковой системе. Базовые цвета раскрываются в сознании человека через набор ассоциаций, вызванных неким общим смыслом и содержащих типовую, существенную информацию. Например, белый у славян соотносится со снегом, выступающим как идеал белого цвета.

Целью исследования было выявление общих и специфических черт в ассоциативных полях названий цветов (черного и зеленого) среди носителей русского, белорусского и польского языков, для чего был проведен свободный ассоциативный эксперимент, предполагающий, что участники на слово-стимул дают первый пришедший в голову ответ. Эксперимент происходил с использованием гугл-формы. В нем приняли участие белорусы (в их числе русскоязычные) и поляки в возрасте от 18 до 80 лет из разных сфер деятельности (студенты университетов, программисты, преподаватели, переводчики, врачи, маркетологи, экономисты, рабочие и др.). Материалом исследования послужили 626 русскоязычных ответов, 452 белорусскоязычных и 251 ответ носителей польского языка.

Ответы, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, были распределены по лексико-семантическим группам (ЛСГ) для каждого стимула-колоратива (черный, красный, белый, желтый, зеленый, синий). В данной статье мы рассмотрим только два колоратива – *черный* и *зеленый*.

Ч е р н ы й

Первая ЛСГ – «Неживая природа». У носителей русского языка были зафиксированы следующие ответы: *ночь* 28, *тьма* 8, *темнота* 5, *космос* 4, *мрак* 3, *камень* 3, *тень* 2, *земля* 2. Как отмечал А. Е. Супрун, место, защищенное от солнца, именовалось **sěнь*, восточнославянские языки дают также **těнь*, которое связывают подчас с **тътьнь*, **тъта* ‘темень, тьма’. Кроме слова **тъта*, праславянским было и слово **morkъ* ‘мрак’, которое, видимо, означало не просто темноту, но темноту плохо проницаемую, связанную с туманом, мглой [4, с. 54]. Если мы смотрим на снимки из *космоса* или визуализируем его, то перед нами будет темное небо, чем и объясняется данная реакция: «Небо темнело, пенно-белый слой облаков растворялся, обнажая глубокий чёрный космос над головой» (В. Алдышев. Возвращение).

В белорусском языке (*ноч* 36, *цёмра* 17, *вугаль* 8, *дзень* 6, *зямля* 2), как и в русском варианте, многие частотные реакции совпали, однако есть и некоторые отличия. Например, реакция *дзень* описывает тяжелый жизненный период, подтверждение чему находим в словаре: «чорны дзень (размоўнае) – перыяд нястачы, беднасці ў жыцці; цяжкая часіна» [5].

У поляков черный цвет ассоциируется с такими понятиями, как *pos* 20, *węgiel* 14, *ziemia* 5, *smoła* 4, *mrok* 2. Второй по частотности ответ *węgiel* неслучаен. В Польше находятся большие запасы угля, позволяющие жителям страны использовать его в качестве топлива и по сей день. Этим же фактором обусловлена реакция *smoła* ‘деготь’, которая является продуктом перегонки угля. Также в верованиях народа земля, понимаемая как субстанция, стихия, выступает плодородным элементом космоса, матерью, которая вызывает не только эмоциональную реакцию, а имеет запреты и приказы по отношению к себе. Она святая, вечная, плодovitая, богатая, рождает растения, дает пищу животным и людям, после смерти принимает людей в свое чрево.

Вариативностью в анализируемых языках отличается группа «Флора и фауна». В русскоязычной аудитории это *кот* 98, *ворон* 12, *кошка* 4, *ворона* 4, *лебедь* 2, *собака* 2, *наук* 2. В славянской народной традиции кошка обладает двойственной символикой и демоническими функциями. Она символически сравнивается с собакой, объединяясь с ней по одним признакам и противопоставляясь по другим, например, в ее восприятии как чистой или нечистой [6]. Ворон имеет широкий ареал обитания как в городской, так и сельской местности. Кроме этого, в славянской мифологии ему приписывают коварство и воровство, что соотносится с черным цветом.

Носители белорусского языка отреагировали следующим образом: *кот* 62, *воран* 17, *варона* 8, *бусел* 7, *крумкач* 4, *воўк* 3, *кацяня* 2, *сабака* 2. Среди наименований птиц есть *бусел*. «Птушкі – сімвал сувязі паміж касмічнымі зонамі, сімвал душы. Бусел у славянскай міфалогіі – “первопредок”, ён сімвалізуе царственную птушку, на якую ўскладзена роля выратавальніка» [7, с. 346]. Еще одной отличительной реакцией стало название лесного животного: *воўк*. «В Полесье при встрече с волком призывают к себе умерших, называют их по имени» [8, с. 124]. В польском языке на фоне аналогичных по смыслу реакций *kot* 19, *pies* 3, *labędź* 2 отметим ответ *koń* 3. Появление этой ассоциации обусловлено фразеологизмом *czarnykoń*, который, согласно словарю, имеет значение ‘человек или вещь, которая неожиданно выигрывает в соревнованиях, оказывается лучше фаворитов’ [9, с. 118].

На протяжении всего периода своего существования человечество мифологизировало природу, мир вокруг себя, что выразилось и в разнообразных формах и традициях религии. Славян всегда интересовала смерть как неизбежность, как предел жизни. В славянском мире смерть символизируется с черным, цветом скорби и печали. Люди приходят на

похороны в черной одежде, соблюдают траур 40 дней, например, повязывая на голову темный платок. Это отражено в ответах реципиентов в трех анализируемых языках, которые мы объединили в группу «Религиозные представления»: *смерть* 24, *траур* 5 в русском; *смерць* 17 в белорусском; *śmierć* 29, *żałoba* 26, 3, *diabeł* 2 в польском.

Еще с древних времен одежда служила не только для характеристики внешнего облика человека, но и его самоощущения, черт его характера и внутреннего мира. Одежда придает человеку чувство комфорта и помогает ощутить индивидуальность. Неудивительно, что одежда «находится в постоянной динамике и занимает одно из центральных мест в тезаурусе носителей языка» [10, с. 36]. При анализе полученных ответов мы выделили группу «Одежда и аксессуары», в которую вошли реакции: *одежда* 18, *стиль* 8, *плащ* 7, *пиджак* 6, *костюм* 5, *майка* 4, *кофта* 3, *лак* 3, *классика* 3, *сумка* 2, *свитер* 2. Номинации одежды, в основном, имеют универсальный характер для мужского и женского гардероба. У носителей белорусского языка черный цвет не вызвал такого широкого ассоциативного ряда: *адзенне* 6, *плашч* 6, *стыль* 4, *сукенка* 2, *майка* 2.

В представлениях носителей польского языка черный – это, в первую очередь, признак элегантности, а только потом уже названия видов одежды: *elegancja* 5, *elegancki* 1, *wyszczupła* 2, *sukienka* 2, *strój* 2, *plaszcz* 2. Внешний вид выполняет коммуникативную функцию, а сигналы, как бы посылаемые одеждой, позволяют осуществлять невербальное общение. Польский лингвист А. Куявска-Кот считает, что гардероб, адаптируясь к стилю большинства, перенимает нормы и принципы, выработанные данной культурой/социальной группой, придавая им относительную неизменность (с точки зрения представлений индивидов, составляющих некую общность) и чувство безопасности [11, s. 30].

Группа «Предметы быта» образовалась только в русскоязычных реакциях. Здесь реципиенты отразили особую значимость автомобиля, который является показателем социального статуса владельца, критерием состоятельности: *бумер* 8, *автомобиль* 4, *машина* 3, *мерседес* 3. Большую популярность приобрели автомобили марки «Мерседес» еще с 90-х годов прошлого века, когда появился жаргонизм *бумер*. Остальные ответы распределились следующим образом: *карандаш* 4, *экран* 3, *компьютер* 2.

З е л е н ы й

По этимологическому словарю А. В. Семенова, семантика зеленого восходит к общеславянскому: «Древнерусское – *зель* (*зелень*, *озимь*). Слово образовалось на базе общеславянского *zelenъ* и является родственным прилагательному *желтый*. В древнерусском языке основа слова использовалась с XI в. в значении “незрелый виноград”. В настоящее время употребляется для обозначения цвета. Родственными являются: польское *zielony* (зеленый). Словенское *zel* (растение). Производные: *зелено*, *зеленеть*, *зелень*, *зеленеющий*» [12, с. 150].

В повседневной жизни славяне чаще всего встречались с зеленым как символом жизни, энергии и плодородия. Это нашло отражение в традиционных убранствах помещений на праздники: «Накануне дня Пятидесятницы заготавливалась “троицкая зелень”: люди привозили целые возы срубленных веток и молодых деревьев, трав и цветов. Из них плели ритуальные венки; этой зеленью устилали пол в домах и церквях» [13, с.466].

Доминирующими ответами в нашем эксперименте стали реакции группы «Растительность», особенно в русском языке: *трава* 202, *лист* 33, *лес* 20, *луг* 17, *дерево* 15, *яблоко* 13, *чай* 11, *природа* 10, *огурец* 9, *салат* 6, *поле* 6, *цветок* 4, *листик* 3, *листья* 3, *листва* 2, *деревья* 2, *клевер* 2, *парк* 4. Нельзя сказать, что в белорусских ответах встретились существенные отличия, но они все же есть, например, характерный для белорусской культуры архетип дуба: *трава* 129, *луг* 49, *лес* 38, *дрэва* 20, *ліст* 9, *яблык* 8, *бор* 5, *дуб* 4, *прырода* 4, *поле* 3, *лісце* 2, *кветка* 2, *расліна* 2, *гай* 2. Вероятно, схожестью климататических и природных условий в Польше, как мы и предполагали, объясняется сходство результатов в группе: *trawa* 85, *liść* 20, *las* 11, *przyroda* 6, *natura* 6, *drzewo* 5, *kwiat* 2, *groszek* 2, *łąka* 2, *rośliny* 2, *jabłko* 2.

В ответах носителей белорусского языка зеленый цвет не ассоциируется с группой «Животный мир», чего нельзя сказать о русском и польском языках. У поляков зафиксировано слово *żaba* 2, а в русском варианте появилась реакция *слоник* 9. Это текстовая реминисценция на российский фильм «Зеленый слоник», вышедший в 1999 г. Появление же реакции *крокодил* 5 может быть объяснено не только популярностью сказки Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья», а также мультфильмом по ней. В сознании носителей любого языка существуют представления о предметах, которые воплощают идеальный образ цвета, символизируют его. *Зелёный крокодил* – одно из них. То же можно было бы сказать о некоторых высокочастотных реакциях, упоминавшихся выше: для зеленого это *трава*, *лист*, *дерево*, *чай*, *яблоко* и т.д., для черного – *ночь*, *тьма*, *мрак*, *уголь* и др. Представление о каждом цвете материализуется в конкретных предметах, имеющих ту или иную степень идеала: чем выше частота реакции, тем «идеальнее» воплощение цвета в предмете. Проанализировав данные ассоциативных словарей рассматриваемых языков [14, с. 40, 92; 15, с. 219, 722; 16, с. 56, 109], мы можем говорить об универсальном характере идеализации зеленого цвета, например, *лист* (*liść*, *ліст*), *лес* (*лес*, *las*), *трава* (*трава*, *trawa*), *огурец* (*агурок*, *ogórek*). Некоторые же реакции являются национально детерминированными: *светофор*, *змий*, *крокодил* в русском; *nadzieja*, *spokój* в польском; *дуб*, *клён*, *гай*, *бор* в белорусском. Схожую картину наблюдаем и с черным цветом, где часть реакций совпала: *белый* (*biały*, *белы*), *кот* (*кот*, *kot*), *темнота* (*цёмра*, *ciemność*), *ночь* (*ноч*, *нос*). В то же время отмечаем специфические реакции: *кофе*, *ящик*, *пес* в русском; *charakter*, *koń* в польском; *Кузьма Чорны*, *стол*, *касцюм*, *камень* в белорусском.

В группу «Пора года» мы включили реакции *лето* 8, *весна* 6, *май* 2. Такие реакции связаны с расцветом природы, появлением зелени в это время. В белорусском языке результаты схожи: *вясна* 7, *лета* 5. У поляков зафиксирована только одна номинация из этой группы – *wiosna* 11.

«Как правило, желтовато-зеленые оттенки вызывают ассоциации с вынужденным раскрытием и связываются с распусканием почек на деревьях. Среди всех полихромных цветов зеленовато-желтый обладает наиболее ясной и отчетливой областью видения» [17, с. 111]. Такая близость в спектре цветов обусловила появление в трех анализируемых языках колоратива *желтый* 10, *żółty* 2, *жоўты* 2. В русскоязычной аудитории также отмечено появление реакции *синий* 4.

Группа «Психологическое и физическое состояние» во всех исследуемых нами славянских языках имеет позитивную коннотацию. Ученые утверждают, что зеленые стекла очков оказывают уравнивающее и успокаивающее воздействие, поэтому могут быть рекомендованы при нервных срывах и переутомлениях [17, с. 121]. Психологи находят в нем «довольный собой цвет, ограниченный в духовном пространстве» [17, с. 123]. Подтверждение данным умозаключениям видим в ответах русскоязычных испытуемых: *спокойствие* 11, *жизнь* 6, *здоровье* 2. В белорусском языке также не зафиксировано пейоративных оценок: *жыццё* 6, *спакой* 3, *гармонія* 2. Для поляков, в отличие от белорусов, зеленый цвет в первую очередь выступает символом надежды: *nadzieja* 21, *spokój* 15, *spokojny* 3, *życie* 3.

Группа «Предметы окружающего мира» по итогам русскоязычного эксперимента получилась наиболее многочисленной: *светофор* 16, *свет* 19, *дом* 4, *деньги* 2, *шар* 2, *автобус* 2, *изумруд* 2, *папка* 2, *автомобиль* 2. Значительная часть ответов детерминирована дорожными правилами с предписанием осуществлять движение на зеленый сигнал светофора. У словосочетания *зеленый свет* появилось и переносное значение ‘свободный путь, возможность беспрепятственного осуществления чего-либо’ [5]. Схожую картину наблюдаем и в белорусском языке: *свет* 10, *святлафор* 2, *сяг* 2, *дом* 4. У поляков мы не обнаружили аналогичных ассоциаций, можем только отметить ответ *dolar* 2.

Проанализированные лексико-семантические группы отражают сферы жизни и особенности представлений белорусов и поляков о неживой природе, флоре и фауне, религии, одежде, предметах быта, психологическом и физическом состоянии человека, полученные с помощью ассоциативного эксперимента. Итоги анализа ассоциативных полей стимулов *черный/чорны/czarny* показали схожесть религиозных представлений о смерти, а также ЛСГ «Одежда» носителей трех анализируемых языков. Характерными только для польского языка в группе «Неживая природа» стали реакции *węgiel*, *smoła*, связанные с полезными ископаемыми на территории Польши. В белорусскоязычных ответах находим реакцию *дзень* для описания тяжелого жизненного периода. Специфика ассоциирования присутствует и в номи-

нациях представителей животного мира, где черный цвет у поляков соотносится с *koń*, а у носителей белорусского языка с *воўк* и *бусел*. Стоит отметить, что только в русском языке зафиксированы ответы из группы «Предметы быта».

Колоратив *зеленый/зялёны/zielony* отразил воплощение идеального образа зеленого цвета во всех анализируемых языках вариативностью реакций группы «Растительность». Кроме этого, универсальность ассоциирования проявилась в возникновении колоратива *желтый*. Разница представлений была найдена в группе «Животный мир», поскольку поляки дали ответ *żaba*, русскоязычные опрашиваемые – *слоник*. Еще одной особенностью стало соотнесение зеленого цвета наших западных соседей с надеждой (*nadzieja*), что отсутствует в русском и белорусском языках. Также в предметах окружающего мира отмечаем специфику ассоциирования поляков, давших ответ *dolar*.

Ассоциативные поля реципиентов (информантов) включают реакции, имеющие отношение к другим культурам, что связано с влиянием СМИ, интернета и глобализации знаний. На их появление влияют не только культурно-исторические факторы, но и психология людей, соотносящих представление о цвете с определенным предметным образом

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М., 1996. – 206 с.
2. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур / Р. Ладо // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика : переводы. – С. 34–35.
3. Kurcz, I. Psycholingwistyka / I. Kurcz. – Warszawa : PWN, 1976. – 287 s.
4. Супрун, А. Е. Жизнь древних славян по данным их языка / А. Е. Супрун ; предисл. Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2020. – 104 с.
5. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://kartaslov.ru>. – Date of access : 10.02.2023.
6. Гура, А. В. Символика кошки в славянской народной традиции [Электронный ресурс] / А. В. Гура. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-koshki-v-slavyanskoy-narodnoy-traditsii/viewer>. – Дата доступа : 24.01.2023.
7. Иванов, В. В. Птицы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. – М. : Сов. Энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 346–349.
8. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
9. Kubiak-Sokół, A. Słownik frazeologiczny / A. Kubiak-Sokół. – Warszawa : PWN, 2019. – 467 s.

10. Пташникова, О. И. Специфика пополнения модного словаря последних лет / О. И. Пташникова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2015. – Т. 5, № 1. – С. 36.
11. Kujawska-Kot, A. Ubiór i tożsamość [Electronic resource] / A. Kujawska-Kot. – Mode of access : http://repozytorium.uni.wroc.pl/Content/94081/PDF/01_02_A_Kujawska-Kot_Ubior_i_tozsamosc.pdf. – Date of access : 12.02.2023.
12. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка : Русский язык от А до Я / А. В. Семенов. – М. : ЮНБЕС, 2003. – 704 с.
13. Славянская мифология : энцикл. слов. : А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 509 с.
14. Gawarkiewicz, R. Polski słownik asocjacyjny / R. Gawarkiewicz. – Szczecin, 2008. – 291 s.
15. Русский ассоциативный словарь : ок. 7000 стимулов : в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.] ; Рос. акад. наук. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции – 784 с.
16. Цітова, А. І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы : 300 слоў / А. І. Цітова. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1981. – 144 с.
17. Серов, Н. В. Символика цвета / Н. В. Серов. – 2-е изд. – СПб. : Страта, 2019. – 195 с.

Поступила в редакцию 20.03.2023

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 811.581'367

Москалёва Алеся Юрьевна

аспирант кафедры теории
и практики китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
Минск, Беларусь

Alesya Moskaliova

PhD Student of the Department
of Chinese Theory and Practice
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alesya.moskalevaa@gmail.com

**ИНКОРПОРАТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КИТАЙСКИХ ПРЕДИКАТИВОВ
С ПОСТОЯННЫМ ЁГЕНОМ В РОЛИ АКТУАЛИЗАТОРА****INCORPORATIVE COMPLEXES OF CHINESE PREDICATIVES
WITH A CONSTANT YOGEN IN A ROLE OF AN ACTUALIZATOR**

Статья посвящена инкорпоративному комплексу предикативов с постоянным ёгеном в роли актуализатора. На материале лингвистического корпуса анализируется сочетаемость постоянных ёгенов с основными модификаторами. В результате сформулированы правила комбинаторики знаков внутри инкорпоративного комплекса и изучено влияние языковых семантических категорий на комбинаторный потенциал ёгенов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *инкорпоративный комплекс; модификатор; актуализатор; постоянный ёген; переменный ёген; языковая семантическая категория; комбинаторные возможности.*

The article is devoted to the incorporative complex of predicatives with a constant yogen in a role of an actualizator. The compatibility of constant yogens with the main modifiers is analyzed on the material of the linguistic corpus. As a result, the rules of combinatorics of signs within the incorporative complex are formulated and the influence of language semantic categories on the combinatorial potential of yogens is studied.

Key words: *incorporative complex; modifier; actualizator; constant yogen; variable yogen; language semantic category; combinatorial possibilities.*

Китайский язык принято считать «бедным» с точки зрения грамматики и причислять к изолирующим языкам, в которых «сбылась мечта свободлюбивых морфем о жизни в полной изоляции друг от друга» [1, с. 160]. Однако такой подход учитывает лишь способность независимых корневых морфем объединяться в одно целое для образования сложного слова, при этом упускается из виду их способность к инкорпорированию. Прямым доказательством случаев инкорпорации в китайском языке служит функционирование инкорпоративного комплекса предикативов. Он представляет собой синтаксическое целое, образованное в результате объединения трех процессуальных знаков – предикативов. Рассматривая данный комплекс в рамках комбинаторной семантики, под предикативами мы понимаем ёгены,

т.е. части языка, обозначающие признак индивида¹. Такой кортеж (упорядоченный набор) ёгенов типа 说起来 *shuō qǐlái* ‘заговорить’) способен включать в свой состав модальные операторы 得 *de* и 不 *bu*, выражая, соответственно, возможность и невозможность осуществления процесса.

Мнения исследователей по поводу данного уникального явления китайского языка в силу своей недостаточной изученности остаются весьма противоречивыми. В первую очередь это обусловлено вариативностью компонентов, входящих в его состав: в роли актуализатора, обозначающего основной процесс, может выступать как переменный, так и постоянный ёген. Напомним, что «постоянные ёгены обозначают множество свойств индивидов $p(i)$: *мысленный, слесарный*; переменные – функций $f(i)$: *мыслить, слесарить*» [2, с. 21]. Постоянные и переменные ёгены второй степени в комбинаторной семантике принято называть оценочными, поскольку их семантика поддается измерению: *красивый, красивее, очень красивый; сильно, сильнее, очень сильно*. Стоит также отметить, что ёген в роли актуализатора может обозначать как информационный, так и физический процесс, определяя тем самым фрагмент модели мира, который описывает весь инкорпоративный комплекс [3].

Ранее нами уже были предприняты попытки выявить тенденцию комбинаторики знаков внутри инкорпоративного комплекса с переменным ёгеном в роли актуализатора. В результате исследования удалось установить, что обладание им языковой семантической категории результативности накладывает ограничения на сочетаемость с рядом модификаторов [4]. В этой связи возникает необходимость исследовать инкорпоративные комплексы ёгенов, в которых в роли актуализатора выступает постоянный ёген. Нам предстоит выяснить, способны ли постоянные ёгены в рамках инкорпоративного комплекса сочетаться с тем же набором модификаторов (起来 *qǐlái*, 出来 *chūlái*, 下去 *xiàqù*, 下来 *xiàlái*, 上去 *shàngqù*, 进去 *jìnqù*, 进来 *jìnlái*), что и переменные ёгены. Кроме того, представляется важным описать специфику комбинаторики знаков внутри комплекса и обосновать ее через категориальный анализ. Первостепенной задачей является рассмотрение компонентов синтаксического целого с постоянным ёгеном вместо переменного в составе. Наглядно отразим структуру исследуемого синтаксического целого в виде следующей схемы:

актуализатор 0 модификатор 0		
好	+	起来
актуализатор		модификатор
<i>hǎo</i> ‘хороший’		<i>qǐlái</i>
(постоянный ёген		инкорпоративный комплекс
второй степени)		<i>hǎo qǐlái</i> ‘улучшаться’

¹ «Признак индивида – разновидность стереотипа как свойства отдельной сущности в выделенном фрагменте мира или процессе (акции), в котором эта сущность участвует». (Гордей, А. Н. Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире. – Минск, 2005. – С. 226).

Из данного анализа видно, что модель образования подобного инкорпоративного комплекса с постоянным ёгеном ничуть не отличается от аналогичной модели с переменным ёгеном, однако мы полагаем, что постоянные ёгены в роли актуализатора способны комбинироваться далеко не со всеми модификаторами. Мы допускаем мысль, что не только индекс частотности знака и обладание им некоторой языковой семантической категорией будут влиять на сочетаемость постоянного ёгена с модификаторами. Есть также вероятность, что и степень переменного ёгена накладывает определённый отпечаток на его комбинаторные возможности. Для проверки изложенных выше гипотез мы предприняли следующие шаги:

1. Составили список постоянных ёгенов путем сплошной выборки из частотного словаря китайского языка [5].

2. Далее каждый из 187 ёгенов был проанализирован на предмет сочетаемости с модификаторами посредством отбора аутентичных примеров из лингвистического корпуса Пекинского университета языка и культуры [6].

3. Все искомые комбинации (1309 штук) были разделены на три группы в зависимости от частоты их употребления: регулярные, фрагментарные и окказиональные.

В группу регулярного употребления вошли комбинации, чья численность по результатам выдачи поисковой строки лингвистического корпуса превышает 100 примеров. Постоянные ёгены из данной группы продемонстрировали способность сочетаться со всеми модификаторами, за исключением 进来 *jìnlai* и 进去 *jìnqu*. Мощность данной группы оказалась также наибольшей по сравнению с двумя остальными с точки зрения входящих в неё актуализаторов, что свидетельствует о продуктивности модели комбинирования подобных ёгенов с модификаторами.

Относительно группы фрагментарного употребления можно отметить наличие примеров сочетаемости постоянных ёгенов с основными знаками-модификаторами: 起来 *qǐlai*, 出来 *chūlai*, 下去 *xiàqu*, 下来 *xiàlai*, которые ранее уже были определены нами как знаки, позволяющие верифицировать информационность ёгенов.

Наконец, у постоянных ёгенов группы окказионального употребления отмечается наименьшая склонность входить в состав инкорпоративных комплексов: они способны соединяться с ограниченным набором модификаторов (起来 *qǐlai*, 下来 *xiàlai* и 下去 *xiàqu*).

Количественные показатели, извлеченные из корпуса, позволяют судить о том, с каким из модификаторов и насколько успешно комбинируются постоянные ёгены китайского языка. Общий вывод по всем группам употребления представлен на рисунке 1.

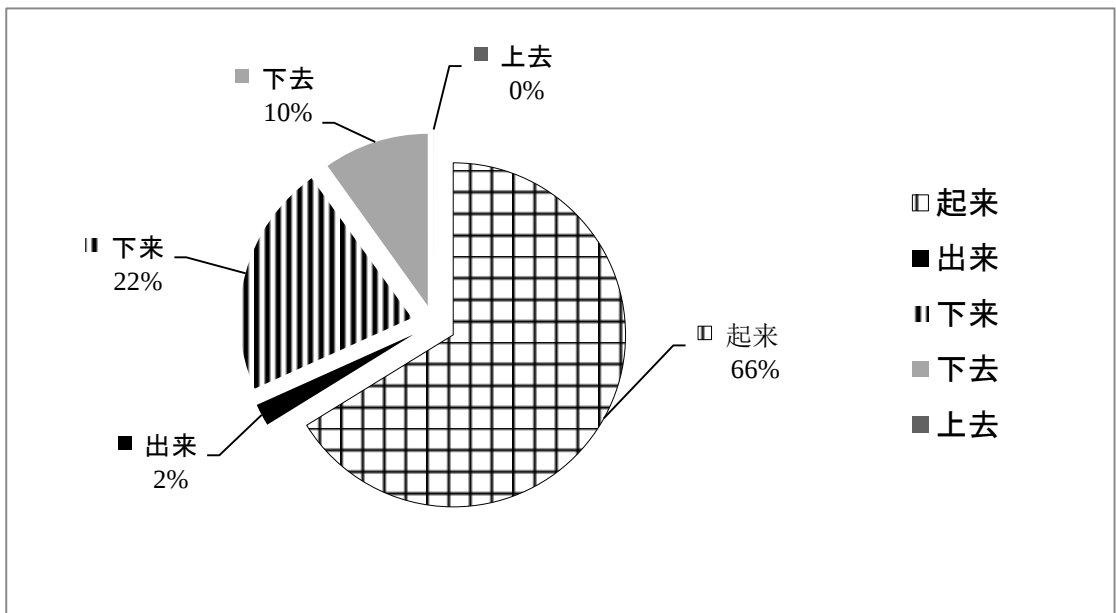

Рис. 1. Соотношение частоты употребления модификаторов с постоянными ёгенами.

Из приведенной выше диаграммы можно сделать вывод, что модификаторы ранжируются в зависимости от частоты их комбинирования в инкорпоративном комплексе с постоянным ёгеном в роли актуализатора следующим образом: **起来** *qǐlái* → **下来** *xiàlái* → **下去** *xiàqu* → **出来** *chūlái* → **上去** *shàngqu*. Отсутствие примеров сочетаемости с модификаторами **进去** *jìnqu* и **进来** *jìnlái* обусловлено их семантикой: данные знаки передают внутреннее и внешнее фасцинационное восприятие процесса. Напомним, что по Кнорозову Ю. В. фасцинацией называется повышение воздействия информации на поведение [7].

Наряду с исследованием частоты совместной встречаемости компонентов в рамках инкорпоративных комплексов предикативов, следующей задачей перед нами стоит описание значения, которое способен выражать каждый отдельно взятый модификатор.

Наибольшее количество комбинаций с постоянными ёгенами приходится на модификатор **起来** *qǐlái*. Как известно, в инкорпоративных комплексах с переменным ёгеном в роли актуализатора этот модификатор передает акцент на инициации фасцинационного восприятия информационного процесса, например: **她的声音听起来一点都不感兴趣** *Tā de shēngyīn tīng qǐlái yīdiǎn dōu bùgǎn xìngqù*. ‘Её голос звучит совершенно не заинтересованно’.

Вторым значением, присущим модификатору **起来** *qǐlái*, является начало информационного процесса или объективный переход его из скрытого состояния в открытое, например: **真应该把麻将学起来** *Zhēn yīnggāi bǎ májiàng xué qǐlái*. ‘Действительно стоит начать учиться игре в маджонг’. Что касается постоянного ёгена в сочетании с аналогичным модификатором, такой инкорпоративный комплекс также будет передавать значение начала процесса, например, **高起来** *gāo qǐlái* ‘возрастать, повышаться’, **亮起来** *liàng qǐlái*

‘светлеть, рассветать’, 积极起来 *jījí qílai* ‘активизироваться’. Стоит отметить, что 起来 *qílai* можно назвать универсальным модификатором, поскольку по результатам анализа примеров из корпуса, он способен комбинироваться практически со всеми из 187 постоянных ёгенов, которые нам удалось отобрать в частотном словаре. Исключением явились лишь 2 знака из группы окказионального употребления: 免费 *miǎnfèi* ‘бесплатный’ и 神奇 *shénqí* ‘сказочный, волшебный’. Очевидно, отсутствие подобных комбинаций продиктовано лексической несочетаемостью. Помимо этого, данные знаки являются постоянными ёгенами первой степени, т.е. не относятся к оценочным.

С модификатором 起来 *qílai* с точки зрения семантики контрастирует знак 下来 *xiàlai*, поскольку передает смысл, противоположный началу процесса. Данный модификатор является вторым по частоте встречаемости с постоянными ёгенами и ему присуще значение усиления признака или угасания процесса. Какое из двух вышеперечисленных значений имеет инкорпоративный комплекс зависит от того, какой постоянный ёген играет роль актуализатора. В соответствии с этим критерием можно разделить все найденные с данным модификатором комбинации на 2 группы.

При комбинировании с негативно окрашенными постоянными ёгенами образованные инкорпоративные комплексы обозначают интенсификацию (усиление) отрицательного признака, т.е. усугубление негативного состояния. В данную группу можно отнести следующие комбинации: 低下来 *dī xiàlai* ‘понижаться’, 黑下来 *hēi xiàlai* ‘потемнеть’, 坏下来 *huài xiàlai* ‘ухудшаться’ и т.д. Во втором случае ситуация противоположна: с модификатором 下来 *xiàlai* комбинируются постоянные ёгены с положительной окраской, в результате чего отображается значение утихания процесса, т.е. переход из негативного состояния в позитивное (смысловой оттенок по значению близкий к значениям ‘налаживаться’, ‘приходить в норму’): 冷静下来 *lěngjìng xiàlai* ‘успокоиться’, 正常下来 *zhèngcháng xiàlai* ‘нормализоваться’, 好下来 *hǎo xiàlai* ‘улучшаться’ и др.

Третьим по частоте употребления оказался модификатор 下去 *xiàqu*, который в некотором роде находит семантическую близость с модификатором 下来 *xiàlai*, поскольку обеспечивает передачу значения продолжения процесса, схожее с семантикой интенсификации признака. Например, 胖下去 *pàng xiàqu* ‘полнеть’, 小下去 *xiǎo xiàqu* ‘уменьшаться’, 简单下去 *jiǎndān xiàqu* ‘упрощаться’. Следует подчеркнуть, что в инкорпоративных комплексах ёгенов с постоянным ёгеном в роли актуализатора модификатор 下去 *xiàqu* выражает идентичное значение.

Наконец, наименее совместимым с постоянными ёгенами является модификатор 出来 *chūlai*. Он демонстрирует сочетаемость лишь с ограниченным набором ёгенов, обозначая создание, обнаружение или появление чего-либо нового, например, 冷出来 *lěng chūlai* ‘похолодать’ 亮出来 *liàng chūlai* ‘посветлеть’. В обоих случаях прослеживается возникновение нового признака взамен старого: было тепло → стало прохладно, было темно →

стало светло. Такое ограниченное употребление наверняка обусловлено доминированием знака-модификатора 起来 *qilai*, который успешно справляется с задачей передавать значение начала процесса.

Изучив все количественные показатели, полученные по результатам поиска в корпусе текстов Пекинского университета языка и культуры, нам удалось отметить ряд особенностей совместного употребления постоянных ёгенов с модификаторами. Как уже отмечалось ранее, все из анализируемых знаков способны сочетаться с модификатором 起来 *qilai*. Однако некоторые ёгены способны сочетаться только с данным знаком-модификатором, исключая все остальные: из 187-и знаков 62 обладают ограниченными комбинаторными способностями. На наш взгляд, такая специфика сочетаемости отчасти связана с тем, что эти знаки относятся к постоянным ёгенам второй, а не первой степени. Важнейшее отличие заключается в том, что постоянные ёгены второй степени, которые также называются оценочными, поддаются градации, образуя сравнительную степень и сочетаясь со словами 'очень', 'более'. В свою очередь постоянные ёгены первой степени таким свойством не обладают, что, вероятно, ограничивает их комбинаторные возможности. В число таких знаков входят, например, 伟大 *wěidà* 'великий', 不同 *bùtóng* 'разный', 庞大 *pángdà* 'гигантский', 陌生 *mòshēng* 'посторонний' и др.

Вслед за рассмотрением такого аспекта, как степень постоянного ёгена, нам необходимо проанализировать влияние индекса частотности знака на его совместную встречаемость с модификаторами. Детально изучив все три группы комбинаций, нам удалось установить, что группы регулярного, фрагментарного и окказионального употребления содержат как знаки с высоким индексом частотности, так и с низким. Здесь уместно обратить внимание на то, что даже малоупотребительные знаки, обладающие низким индексом частотности, могут комбинироваться с модификаторами, в то время как знаки с более высоким индексом частотности в ряде случаев демонстрируют меньшую склонность к комбинированию. Данный факт позволяет установить отсутствие влияния индекса частотности постоянного ёгена на его комбинаторику с модификаторами в рамках инкорпоративного комплекса.

Наконец, последней гипотезой, которая требует проверки, является обладание постоянным ёгеном некоторой языковой семантической категорией, которая оказывает влияние на его способность сочетаться с модификаторами. Ранее нам уже удалось подтвердить данное предположение в отношении переменных ёгенов: мы установили, что категория результативности приводит к сужению комбинаторных возможностей знака.

Для прояснения ситуации с постоянными ёгенами мы, как и в случае с переменными ёгенами, провели категориальный анализ данных знаков: каждый из постоянных ёгенов по всем трем группам употребления был проанализирован на предмет обладания ими характерными языковыми семантическими категориями. Стоит отметить, что несмотря на отсутствия

некоторых языковых семантических категорий среди системных характеристик постоянных ёгенов, мы будем проводить категориальный анализ по тем же категориями, что и для переменных ёгенов. Данный выбор обусловлен тем, что в результате позиционной конверсии постоянные ёгены обладают рядом приобретенных свойств и проявляются в языке подобно переменным ёгенами.

В отличие от категориального анализа переменных ёгенов, представленного в наших предшествующих исследованиях, эта процедура будет исключать рассмотрение языковой семантической категории завершенности и незавершенности, поскольку она присуща лишь переменным ёгенам. В ходе анализа были рассмотрены следующие категории: качества и количества; одноместности и многоместности; интенсивности и экстенсивности; результативности и нерезультативности [2].

В процессе рассмотрения категории качества и количества было выявлено, что большинство знаков, отобранных нами из словаря, являются качественными, например, 丰富 *fēngfù* ‘богатый’, 热情 ‘радушный’ и др. Однако, помимо этого, были обнаружены и количественные знаки, обозначающие число или признак числа или числа и геометрической фигуры. Их выявлено значительно меньше, и примерами таких постоянных ёгенов служат слова 大 *dà* ‘большой’, 小 *xiǎo* ‘маленький’, 复杂 *fùzá* ‘сложный’. Притом, судя по количественным показателям, в рамках исследуемой проблемы этот аспект не имеет значения. Как выяснилось, обладание знаком категорией качества или же количества не оказывает влияния на его способность комбинироваться с модификаторами.

Все количественные и качественные постоянные ёгены согласно общей и частной парадигме ёгенов подразделяются на одноместные и многоместные. Среди количественных ёгенов были найдены многоместные знаки, обозначающие множество признаков индивидов, например, 大 *dà* ‘великий’, 小 *xiǎo* ‘малый’. В данном контексте знак 大 *dà* ‘великий’ используется в прямом смысле, например, применительно к размеру одежды или обуви. Речь идет не о переносном значении 伟大 *wěidà* ‘великий’. Сравним: 伟大的事业 *wěidà de shìyè* ‘великое дело’ и 衣服有点儿大 *yīfú yǒudiǎnr dà* ‘одежда велика’. Все остальные знаки, представленные в каждой из групп употребления, оказались одноместными в силу того, что они обозначают один признак индивида.

То незначительное количество многоместных знаков, которое мы обнаружили, в свою очередь можно разделить на интенсивные и экстенсивные. Среди исследуемого материала нам удалось обнаружить лишь интенсивные многоместные постоянные ёгены. Опираясь на числовые данные, мы с уверенностью можем утверждать, что ни одна из этих языковых семантических категорий не играет роли в процессе комбинирования постоянных ёгенов с модификаторами.

Наконец, последняя языковая семантическая категория – категория результативности и нерезультативности. Касательно этой языковой семантической категории все оказалось однозначным: постоянные ёгены всегда результативны, вследствие чего все анализируемые нами единицы по определению результативны. В свете сказанного становится очевидным, что ни одна из языковых семантических категорий не накладывает отпечаток на способность постоянных ёгенов комбинироваться с модификаторами при образовании инкорпоративного комплекса китайских предикативов.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что исследование инкорпоративного комплекса с постоянным ёгеном в роли актуализатора на материале лингвистического корпуса позволило нам сделать ряд важных выводов. В первую очередь, рассмотрение комбинаций ёгенов с модификаторами по трем группам употребления позволяет ранжировать модификаторы в зависимости от частоты из совместной встречаемости с постоянными ёгенами. Наиболее употребительным является модификатор 起来 *qǐlai*. Вторым по частоте встречаемости с постоянными ёгенами оказался знак 下来 *xiàlai*, способный обозначать усиление признака или угасание процесса. Следующими в списке идут знаки 下去 *xiàqu* и 出来 *chūlai*, обладающие значением продолжения процесса и обнаружения нового процесса соответственно. Наконец, мы выяснили, что самым малоупотребительным в искомым комбинациях можно считать знак 上去 *shàngqu*.

Проведенное исследование способствовало формулированию однозначных правил комбинирования постоянных ёгенов с модификаторами в рамках инкорпоративного комплекса. Во-первых, знак-модификатор 起来 *qǐlai* сочетается со всеми постоянными ёгенами, находящимися в фокусе нашего исследования, что дает нам право квалифицировать данный модификатор как универсальный. Во-вторых, мы установили, что постоянные ёгены не комбинируются с модификаторами 进来 *jìnlai* и 进去 *jìnqu*, что резко отличает их от переменных ёгенов, способных с легкостью образовывать инкорпоративные комплексы в комбинации с данными модификаторами.

Анализ внутренней комбинаторики знаков внутри инкорпоративного комплекса показал, что постоянные ёгены второй степени имеют более ограниченные комбинаторные возможности в сравнении с постоянными ёгенами первой степени. Тем не менее, ни индекс частотности знака, ни обладание им определенной языковой семантической категорией не накладывает отпечаток на способность постоянных ёгенов сочетаться с модификаторами.

Таким образом, можно утверждать, что инкорпоративный комплекс с постоянным ёгеном в роли актуализатора представляет собой уникальное языковое явление, которому присущи структурные и функциональные особенности, не характерные для аналогичного комплекса с переменным ёгеном в роли актуализатора. Результаты исследования могут быть использованы во время обучения синтаксису и семантике китайского языка как первого иностранного.

1. *Плунгян, В. А.* Почему языки такие разные / В. А. Плунгян. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2010. – 274 с.
2. *Гордей, А. Н.* Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 19–24.
3. *Гордей, А. Н.* Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2) и дальнейшая минимизация семантических исчислений / А. Н. Гордей // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2014): материалы IV Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 20–22 фев. 2014 г. / редкол.: В. В. Голенков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУИР, 2014. – С. 49–64.
4. *Петрова, А. Ю.* Специфика комбинаторики информационных знаков в инкорпоративном комплексе, обозначающем информационный фрагмент модели мира / А. Ю. Петрова // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. вып. VII, в 2 ч. Ч. 1 / редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – С. 63–67.
5. *Xiao, R.* A frequency dictionary of Mandarin Chinese: core vocabulary for learners / R. Xiao, P. Rayson, T. McEnery. – Abingdon : Routledge, 2009. – 390 p.
6. 语料库 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bcc.blcu.edu.cn>. – Дата доступа : 05.03.2023.
7. *Кнорозов, Ю. В.* Избранные труды / Ю. В. Кнорозов. – СПб. : МАЭ РАН, 2018. – 594 с.

Поступила в редакцию 10.04.2023

Филимонова Марина Сергеевна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

РЕКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ФОНОИДЕОГРАММ (на примере иероглифа 教)

THE RECURSIVE ANALYSIS OF THE PHONETIC COMPONENT OF THE CHINESE CHARACTER (on the example of the Chinese Character 教)

В данной статье рассматривается структура китайского иероглифа (логограммы), которая представлена идеографом и фонетиком, а также специфика реализации идеографической функции идеографа в составе иероглифа (логограммы). Рассматривается основная функция китайского фонетика, а именно его фонографическая функция. Опираясь на исследования Я. Розвадовского и др. об универсальном характере бинарной репрезентации знака, автором осуществляется этимологический и рекурсивный анализ иероглифа (логограммы) 教, результаты которого наглядно демонстрируют наличие у китайских фонетиков ярко выраженной идеографической функции.

Ключевые слова: *китайский язык; иероглиф; логограмма; фонетик; идеограф; рекурсивный анализ.*

The article reveals the structure of the Chinese phonoideogram, its phonetic and ideographic components as well as the ways of realization of their phonographic and ideographic functions. The article deals with the main function of the phonetic component of Chinese Character – the phonographic nature of its phonetic component. Basing on the theory on binary structure of a sign, the author through the etymological and recursive analysis of the Chinese Character (logogram) 教 demonstrates the ideographic nature of its phonetic component.

Key words: *Chinese language; Chinese Character; logogram; phonetic component; ideographic component; recursive analysis.*

На современном этапе развития китайского языка среди иероглифов (логограмм) наибольший процент (около 80–90 %) [1] составляют фоноидеограммы, единицы, состоящие из *фонетика*, уточняющего звучание иероглифа, и *идеографа*, относящего иероглиф к той или иной предметной области [2; 3].

Так, например, фоноидеограмма 河 состоит из фонетика 可(kě) и идеографа 氵. Фонетик 可(kě) образует множество «звучание фонетика 可(kě)», в данное множество входят логограммы, в состав которых входит данный фонетик и они обладают общностью звучания, как, например, 可(kě), 何(hé), 河(hé). Идеограф 氵 относится ко множеству «астрономические и природные явления» и подмножеству «значение идеографа 氵», которое представлено четырьмя основными значениями (таблицы 1; 2; 3).

Подмножество «значение идеографа 氵»

Название подмножества	Примеры
астрономические и географические явления	日、月、土、山、火、申(电)、气、雨、水(氵)、风、石、光

Т а б л и ц а 2

Подмножество «значение идеографа 氵»

	Примеры
1) водные пространства	河 'река'、湖 'озеро'、海 'море'
2) действия с водой	洒 'брызгать'、游 'плавать'、洗 'мыть'
3) жидкости	泪 'слеза'、油 'масло'、汤 'суп'
4) состояния в результате воздействия воды	满 'наполненный'、洁 'чистый'、湿 'влажный'

Т а б л и ц а 3

Иероглиф 河

Иероглиф	Идеограф 氵			фонетик 可(kě)	
	множество «смысловая группа»	подмножество «значение идеографа 氵»	значение иероглифа	множество «звучание фонетика 可(kě)»	звучание иероглифа
河	«астрономические и природные явления»	1. Водные пространства (реки, озера, моря, пруды, бассейны, пузыри) 2. Действия с водой 3. Жидкости (напитки, гели, масла и др.) 4. Состояния в результате воздействия воды	река	kě, hé	hé

В китайском языке насчитывается более 900 *фонетиков*, которые в той или иной степени указывают на звучание иероглифов (логограмм), в состав которых они входят. Данная степень может варьироваться от 30 до 100 % [4]. При этом высокой строевой способностью обладает лишь определенная их часть, а достаточно внушительную группу составляют фонетики, образующие по одному иероглифу.

Так, в качестве примера фонетика, обладающего высокой строевой способностью, выступает фонетик 青(qīng). Он образует целый ряд иероглифов:

请、情、清、晴、晴、蜻、清、箐、靛、圉、靖、靖、鯨、鯨、精、靖、靖、镜、静、睛、靚、靚、灏、隰、腓 из них 青、清、蜻、靖、圉、靖 имеют чтение qīng; 情、晴、靛、鯨、晴 – чтение qíng; 请 – чтение qǐng; 箐、靚 – чтение qìng; 睛、精、隰、腓 – чтение jīng; 静、靖、靖、镜、靚、灏、清 – чтение jìng; 靖 – чтение qiāng. При этом целый ряд логограмм с данным фонетиком обладает двумя чтениями, например, 靖 (qiāng, zhēng), 晴 (yīng, qíng), 靖 (qīng, zhēng), 靖 (qīng, zhēng), 靚 (jìng, liàng).

Примером фонетика, от которого образован только один иероглиф, может послужить фонетик 匚, который образует логограмму 犯 (надо отметить, что он также образует традиционный иероглиф 汎, который, с одной стороны, является разнописью иероглифа 泛, и, с другой стороны, сам является фонетиком, имеющим чтение fán и образующим иероглиф 范

Все фоноидеограммы, в зависимости от расположения в них фонограммы (фонетика) и идеограммы (идеографа) относят к 8 типам: идеограф слева/фонетик справа; идеограф справа/фонетик слева; идеограф сверху/фонетик снизу; идеограф снизу/фонетик сверху; идеограф снаружи/фонетик внутри; идеограф внутри/фонетик снаружи; идеограф в угловой позиции; фонетик в угловой позиции [4, с. 196] (таблица 4). В китайском языке больше всего представлено фоноидеограмм со структурой «идеограф слева/фонетик справа», затем в порядке убывания следуют такие структуры, как «идеограф сверху/фонетик снизу», «идеограф снизу/фонетик сверху», «идеограф справа/фонетик слева», «фонетик в угловой позиции», «идеограф снаружи/фонетик внутри», «идеограф в угловой позиции», «идеограф внутри/фонетик снаружи» [4, с. 196].

Т а б л и ц а 4

Типы структуры фоноидеограмм

Типы структуры	Пример
идеограф слева / фонетик справа 左形右声	城
идеограф справа / фонетик слева 右形左声	功
идеограф сверху / фонетик снизу 上形下声	花
идеограф снизу / фонетик сверху 下形上声	梨
идеограф внутри / фонетик снаружи 内形外声	闷
идеограф снаружи / фонетик внутри 外形内声	围
идеограф в угловой позиции 形占一角	裁
фонетик в угловой позиции 声占一角	恐

Однако, часто возникает трудность определения позиции идеографа и фонетика в фоноидеограмме, так как бывают случаи совпадения их графических образов. Так, например, 马 выступает в качестве идеографа для фоноидеограмм 骑、骋、骏、骥、骤、驸、骡、驯、驭、驱、驻, однако в иероглифах 吗、妈、骂、码、玛、蚂 он является фонетиком. Вследствие чего важным является знание наиболее стандартных позиций идеографа и фонетика в фоноидеограмме, которыми являются для идеографа его расположение в левой части иероглифа, а для фонетика – в правой [4, с.119].

В современной лингвистике распространено мнение о наличии у большинства фонетиков единственной функции. Так, ряд лингвистов, таких, как Ю. В. Бунаков, Ван Ляои, Лю Чжичэн, В. И. Молодых, М. В. Софронов, Су Пэйчэн, Тан Лань, Дж. ДэФрансис, В. Ханна, Цзо Минань, Цю Сигуй, А. Я. Шер, А. Г. Шпринцин, Яо Сяочжу и др. считают, что функция фонетика – указывать чтение фоноидеограммы, в состав которой он входит.

При этом скорость получения звуковой информации у так называемых *образцовых* иероглифов иероглифах (в которых звучание фонетика совпадает со звучанием всего иероглифа, таких, например, как фонетик 老 (lǎo) в иероглифе 姥 (lǎo)) намного быстрее, чем у *необразцовых*. Особенно явно видна роль фонетика при чтении незнакомых или низкочастотных иероглифов. Совершенствованию навыка опознания звуковой формы иероглифа способствует накапливание в памяти большого количества иероглифов [4, с. 292].

Однородность иероглифов (качество, присущее группе иероглифов, образованных одним и тем же фонетиком и имеющих сходное звучание) также оказывает влияние на опознание их звуковой формы: опознание *однородных* иероглифов быстрее и качественнее, чем *неоднородных*. В случае восприятия иероглифов с фонетиком, имеющим несколько чтений, время обработки информации увеличивается. Примером таких иероглифов с фонетиком 冂 являются 们 (men), 问 (wèn), 间 (jiàn) [4, с.293].

Мы вслед за Е. Байлаем, М. Ф. Резаненко, К. В. Карасевой [5; 6; 7; 8; 9] придерживаемся мнения о том, что у фонетика первичной является функция формирования значения иероглифа, а функция передачи звучания иероглифа – второстепенной. По мнению Е. Байлая и М. Ф. Резаненко [6; 7; 8; 9], изначально при создании фоноидеограмм фонетические знаки назначались не произвольно, а подбирались специально по смыслу для уточнения подпредметной области значения сложного иероглифа, тем самым в фокусе была именно их семантическая функция. Фонетическая функция закреплялась за ними как результат многократного использования в качестве таких семантических уточняющих компонентов в различных иероглифах. На данный момент сложность выявления связи семантики идеографа и фонетика в составе иероглифа обусловлена, с одной стороны, искажением внешней формы некоторых иероглифических знаков и сверткой ядра их значений

в пользу периферии [5] и, с другой стороны, использования ряда фонетиков как чисто фонетических знаков для записи иноязычных заимствований с полной утратой семантического значения.

Согласно исследованиям Я. Розвадовского, В. В. Мартынова, А. Н. Гордея, К. В. Карасевой о двухкомпонентности знака, всякая лексема, в частности, иероглиф (логограмма), имеет бинарную структуру [10; 11; 5; 12; 13].

Фоноидеограмма китайского языка представляет собой классический пример двухкомпонентности, например, иероглиф 教 (jiāo, jiào), который имеет целый ряд значений: 'учить, обучать (*кого-л.*, *чему-л.*); преподавать (*кому-л.*, *что-л.*); наставлять, научать, вразумлять, просвещать; инструктировать; воспитывать'. Данная логограмма состоит из идеографа 攴 со значением «бить, ударять» и фонетика 孝 со звучанием «xiào».

Идеограф 攴 (攴) 'бить, ударять' в древности представлял собой изображение руки 又 с палкой |. В цзягувэнь, цзиньвэнь, чжуаньшу 攴 представлял изображение зажатой в руке палки или плети (рисунок 1).

Рис. 1. Эволюция идеографа 攴(攴)

В свою очередь фонетик 孝 также является двухкомпонетным знаком. 孝 состоит из двух компонентов, в котором верхняя часть 耂 обозначает «老» «старость», а нижний компонент 子 имеет значение 'ребенок, сын' (рисунок 2). Данная логограмма изначально представляла собой изображение старого пожилого человека, поддерживаемого молодым человеком, сыном. Этимологическое значение почитание (уважение) родителей; преданность (усердное служение) родителям; усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)' (рисунок 3).

Рис. 2. Структура фонетика 孝

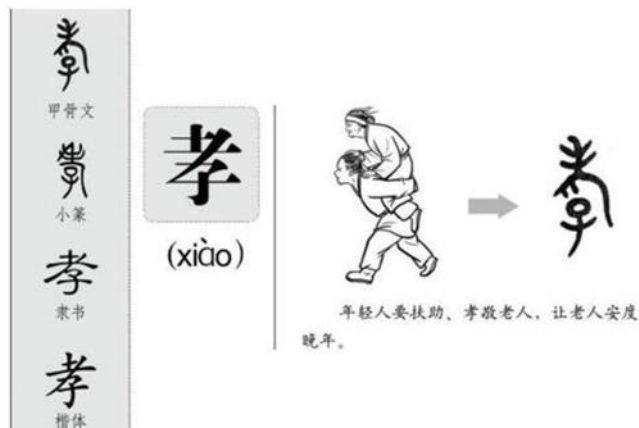

Рис. 3. Логограмма 孝

Таким образом, данный иероглиф 教 представляет многоуровневый знак [14; 15] на основе уже имеющейся двухкомпонентной структуры 孝 при присоединении иероглифа 攴 создается новая логограмма 教

Значение всего иероглифа (логограммы) представляет собой сумму значений ее отдельных компонентов:

攴(攴) ‘бить, ударять’ + 孝 ‘почитание (уважение) родителей; преданность (усердное служение) родителям; усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)’ = 教 ‘учить, обучать (кого-л., чему-л.); преподавать (кому-л., что-л.); наставлять, научать, вразумлять, просвещать; инструктировать; воспитывать’. Этимологическое значение 教 обусловлено устоями и традициями древнего китайского общества, когда XII–VI вв. до н. э. в Древнем Китае было рабовладельческое общество, в те времена рабовладелец поучал и наставлял своих рабов, осуществлял моральное воздействие на них при помощи плети.

Однако надо отметить, что многие китайские логограммы представляют собой не просто механическое соединение значений, но описывают целые ситуации окружающей действительности. Большое количество иероглифов (логограмм) представляют собой свернутые предложения, описывающие новую ситуацию старыми языковыми единицами [12, с. 130–131].

Более эффективным методом анализа семантики китайских иероглифов (логограмм) представляется рекурсивный анализ, разработанный в теории комбинаторной семантики, направленный на выявление вложенных синтаксических структур.

Согласно положениям комбинаторной семантики существует два типа рекурсии: простая (номинативная) и сложная (предикативная) [11]. При простой рекурсии охваченная ею группа языковых единиц представляет собой номинативное сочетание знаков. Предикативная рекурсия возникает тогда, когда в роли одного из членов предложения (в нашем случае компонентов иероглифа) выступает самостоятельное предложение. В китайской иероглифике могут наблюдаться оба вида рекурсии.

Вследствие того, что любой иероглиф (логограмма) имеет бинарную структуру, он подвергается рекурсии по схеме «актуализатор + модификатор», где актуализатор – определяемый знак (уже известная реалья), а модификатор – определяющий (новая характеристика к ней) [10; 11; 12; 13].

Согласно А. Н. Гордею, лексема является свернутым предложением, обуславливая изоморфизм синтаксической модели предложения и лексемы [10, с. 96]. Вследствие чего рекурсивный анализ позволяет выявить изоморфизм структуры иероглифа (логограммы) и предложения, а также через установление соответствия между компонентами логограммы и звеньями ядерной семантической цепочки определяются актуализатор и модификатор логограммы [10; 11].

Основными звеньями ядерной семантической цепочки являются *субъект* (S), *акция* (A), *объект* (O) (являются семантическими эквивалентами подлежащего, сказуемого и дополнения в предложении). При этом звенья ядерной семантической цепочки способны к мультипликации, в результате которой *субъект* дает *субъект 2* или *инструмент*; мультипликация *акции* реализуется через *акцию 2* или *модальность*; мультипликация *объекта* – *объект 2* или *медиатор* [10, с. 20–21; 2]. Помимо данных элементов в цепочке также необходимо присутствует *продукт* (P) *взаимодействия* (*акции*) *субъекта* и *объекта*, который, однако, формально может быть не выражен [10, с.96].

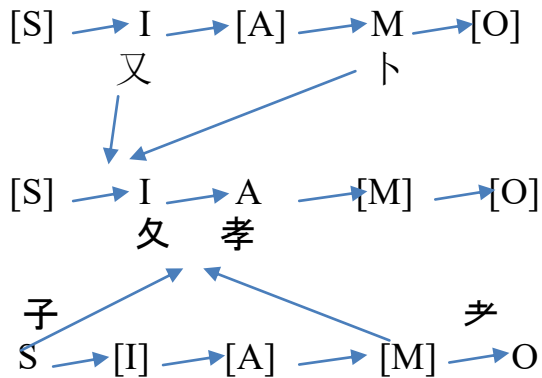
Так, логограмма 孝 описывает ситуацию, при которой молодой человек, сын (子) подпирает снизу, поддерживает физически и морально старого человека (孝 = 老). Ядро значения (этимологическое значение) здесь ‘подпирает снизу, преемствовать, обеспечивать родителей, повиноваться их воле’. Если рассмотреть эту логограмму как ядерную семантическую цепочку, то мы увидим, что субъектом (инициатором акции) является молодой человек, сын, объектом (реципиентом) – пожилой человек, акция – подпирает, поддерживать. Как можно увидеть, опущен инструмент, однако он может быть восстановлен с опорой на модель мира. Следовательно, актуализатором логограммы 孝 является знак 子 ‘сын’, а модификатором 耂 ‘старый человек’. В конечном итоге, данная логограмма стала обозначать целый концепт в китайской культуре, а именно «сыновья почтительность» – одно из центральных понятий в конфуцианской этике и философии, важный компонент традиционной восточно-азиатской ментальности. В базовом значении относилось к уважению родителей; в более широком смысле распространялось на всех предков (‘почитание (уважение) родителей; преданность (усердное служение) родителям; усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)’).

Позднее к изначальной идеограмме 孝 ‘подпирает снизу, преемствовать, обеспечивать родителей, повиноваться их воле’ был прибавлен дополнительный знак 攴 ‘бить, ударять’ и иероглиф 教 стал описывать ситуацию, при которой человек осуществляет моральное воздействие, поучает кого-то с помощью плети. Ядро значения здесь, как было уже сказано выше, ‘учить,

обучать (кого-л., чему-л.); преподавать (кому-л., что-л.); наставлять, научать, вразумлять, просвещать; инструктировать; воспитывать'. В данной ядерной семантической цепочке субъект (инициатор акции) и объект (реципиент) опущены, инструмент 'рука', медиатор 'палка или плеть'.

В иероглифе 教 孝 является актуализатором, 父 выступает в роли модификатора, при этом и актуализатор и модификатор подвергаются рекурсии: *учение, просвещение осуществляется с помощью палки/плети*. Таким образом, логограмма 教 представляет собой знак с многоуровневой предикативной рекурсией.

Рекурсивная схема анализа логограммы 教 выглядит следующим образом:

При этом ключом в данном иероглифе выступает 父, который на данный момент выполняет лексикографическую функцию и не совпадает с актуализатором, который является его опорным семантическим элементом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелова, Е. Н. Китайский язык / Е. К. Горелова, В. И. Горелов. – М., 1957. – С. 23–44.
2. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 284 с.
3. Кондрашевский, А. Ф. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике / А. Ф. Кондрашевский. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2009. – Ч. 2. – 102 с.]
4. 对外汉语教学研究 = Исследования в области методики преподавания китайского языка как иностранного / 孙德金主编。 – 北京 : 商务印书馆, 2006。 – 481 页。
5. Карасева, К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики / К. В. Карасева. – Минск : РИВШ, 2014. – 202 с.
6. Резаненко, В. Ф. К проблеме преемственности свойств внутренней формы китайских иероглифов / В. Ф. Резаненко // Актуальные вопросы китайского языкознания : мат. V всесоюз. конф., Москва, июнь 1990 г. / Ин-т языкознания ; редкол. : В. М. Солнцев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – с. 32–39.

7. *Резаненко, В. Ф.* Семантическая структура иероглифической письменности (базовые структурные элементы) : учеб. пособие / В. Ф. Резаненко. – Киев, 1985. – 131 с.
8. *Резаненко, В. Ф.* Формально-смысловые взаимосвязи элементов в современной иероглифической письменности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.22 / В.Ф. Резаненко; Киев. гос. ун-т. – М., 1990. – 35 с.
9. 叶, 柏来。解文说字 = Е. Байлай. Комментарии к китайской письменности / 叶柏来。 – 广州 : 华南理工大学出版社, 2005. – 372页。
10. *Гордей, А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – 156 с.
11. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007 (рукопись, аудиокурс).
12. *Мартынов, В. В.* Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с. С.130–131.
13. *Rozwadowski, J.* Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Warszawa : PWN, 1960. – Т. 3 : Językoznawstwo ogólne. – S. 21–95.
14. 王, 宁。汉字构形学讲座 = Ван, Нин. Изучение формы и структуры китайского иероглифа / 王宁。 – 上海 : 上海教育出版社, 2002. – 104页。
15. 王, 宁。汉字学概要 = Ван, Нин. Основные принципы грамматики китайской письменности / 王宁。 – 北京 : 北京师范大学出版社, 2001. – 189页。

Поступила в редакцию 13.04.2023

Цзюй Цюнь

аспирант кафедры стилистики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ju Qun

Postgraduate Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
1563369566@qq.com

СЕМАНТИКА И КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕМ *ЧЕРНЫЙ*

SEMANTICS AND CULTURAL CONNOTATION OF RUSSIAN AND CHINESE PHRASEOLOGISTS WITH COLOR DESIGNATION *BLACK*

В статье сопоставляются русские и китайские фразеологизмы с цветообозначением *черный*. Выявлено, что фразеологизмы с компонентом *черный* в русском и китайском языках имеют больше различий, чем сходств. В русском языке они несут в себе преимущественно отрицательную лингвокультурную коннотацию, а в китайском – положительную.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *семантика; фразеологизм; цветообозначение; китайский язык; русский язык.*

The article compares Russian and Chinese phraseological units with the color meaning black. Russian and Chinese phraseological units with the black component are found to have more differences than similarities: in Russian they have a predominantly negative linguistic and cultural connotation, while in Chinese they have a positive connotation.

К е у w o r d s : *semantics; phraseological unit; color coding; Chinese language; Russian language.*

Цветообозначения давно являются объектом научного интереса в лингвистических исследованиях семантических связей цветowych прилагательных в русском языке.

Исследования цвета в языкознании ведутся во многих направлениях:

1) лингвистика цвета: семантический и семиотический анализ (Ю. Д. Апресян, В. Г. Кульпина и др.), состав цветообозначений (А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина и др.);

2) психолингвистический аспект (Р. М. Фрумкина, В. Г. Гак, А. А. Брагина, И. В. Мокиенко и др.);

3) изучения цвета с когнитивных позиций – анализ колоративов в качестве фрагмента языковой картины мира (Н. Б. Бахилина, Е. В. Рахилина, В. Г. Кульпина, А. Вежбицкая и др.);

3) символика цвета (И. В. Дворецкий, Т. М. Васильева, Л. С. Гуриев и др.);

4) стилистические функции цветообозначений (Р. В. Алимпиева, Л. А. Качаева, А. С. Панкратова, С. М. Соловьев и др.);

5) сопоставительное изучение семантики цвета в различных лингвокультурах, включая аксиологический аспект (А. П. Василевич, Т. И. Вендина, С. Г. Тер-Минасова, Л. В. Лаенко, И. В. Макеенко, Т. Ю. Светличная, Ф. Н. Новиков и др.);

6) изучение фразеологизмов с колоративами (Н. А. Завьялова, Е. С. Шалова, С. Л. Яковлева, И. А. Абакумова, О. В. Ведута, А. М. Прохорова, А. А. Степанова, С. Р. Балуян, М. А. Болотина, Е. А. Шабашева и др.).

В русском языке фразеологизмы с цветообозначениями становились объектом интереса многих исследователей в XX и XXI вв., и сегодня лингвистика цвета, имеющая собственную теоретическую и методологическую базу, накопила определенный опыт в исследовании символики и семантики цвета и его оттенков в составе фразеологизмов.

В Китае интерес к цветообозначениям также велик, однако специальных исследований немного. В публикациях рассматриваются следующие частные вопросы:

- 1) история развития цветообозначений китайского языка (У Юйчжан);
- 2) стилистические функции колоративов (Ху Гуйфан);
- 3) место цветообозначений в китайскоязычной картине мира (Чжан Ванси);
- 4) особенности цветообозначений в языках народов Китая (Лю Янь);
- 5) сопоставительное изучение семантики цвета в различных лингвокультурах (Пу Чжихун).

В последнее время в китайской лингвистике также уделяется внимание и изучению фразеологизмов с компонентом цветообозначения: работы Чжан Хэйлинг, Ван Янь, Ян Цуйлань и Гао Сюэфэй, Сюй Циньцин, Ли Хунинь, Ху Пуаня и др.

В русском языке прилагательное *черный* широко употребительно и имеет неограниченную сочетаемость [1; 2; 3].

Лексема *черный* называет цвет предметов быта, окраску животных, цвет волос, цвет одежды и прочее. В словаре С. И. Ожегова дается следующее определение: *черный* – «цвет сажи, угля» [4, с. 803]. Согласно «Энциклопедии символов», *черный* – «символ ночи, смерти, раскаяния, греха, тишины и пустоты». Поскольку *черный* цвет поглощает все другие цвета, он также выражает отрицание и отчаяние, является противопоставлением белому цвету и несет негативную коннотацию [5, с. 537].

По цветовому тесту швейцарского психотерапевта Люшера (проективной методике исследования личности), адаптированному для русской лингвокультуры психологом Л. Н. Собчик, наиболее важные значения черного в русской лингвокультуре – ‘небытие, смерть, хаос, разрушение’. Черному цвету приписываются следующие «личностные» характеристики: непривлекательность, молчаливость, упрямство, замкнутость, эгоистичность, независимость, враждебность, нелюдимость – четко выраженное отрицательное значение с точки зрения психологии. Эти наблюдения психологов подтверждают и фразеологизмы. Приведем примеры:

черная душа – ‘о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки’ [6, с. 252];

черная зависть – ‘глубокая и злобная’ [4 с. 200];

черный глаз – ‘опасный’ [7, с. 3967].

Среди русских лексических единиц фразеологического типа с компонентом цветообозначения фразеологизмы с компонентом *черный* преобладают (из 127 рассмотренных нами фразеологизмов с компонентом цветообозначения 36, или 28 % приходятся на фразеологизмы с компонентом *черный*).

Фразеологизмы с компонентом *черный* имеют разное смысловое наполнение и реализуют различные стилистические функции.

В одних фразеологизмах *черный* представляет собой прямое наименование цвета, цвета сажи и угля:

черное золото – ‘1. Нефть. 2. Каменный уголь’ [6, с. 318];

черная буря – ‘сильный сухой ветер, поднимающий поверхностный слой иссушенной почвы (гл. образом черноземной) и несущий много пыли’ [8];

черное духовенство – ‘монашествующие священнослужители’ [4, с. 183] – обозначение социального статуса по цвету одежды: черное духовенство носит одежду черного цвета.

В других фразеологизмах русского языка цветообозначение *черный* выступает в переносных значениях и имеет, как правило, отрицательную коннотацию.

1. По преимуществу нецветового характера *черный* актуализируется в значении ‘низший’: *черная работа* – ‘как правило, грязная, тяжелая физическая работа, к которой не предъявляются особые навыки и знания’. Такую работу (черную) обычно выполняли прислуги. В дореволюционной России низшие слои населения назвались *черными* (например, фразеологизмы *черный народ* – ‘низшее сословие (крестьяне и ремесленники)’ [9]; *черная кость* – ‘человек незнатного происхождения (крестьянин, ремесленник, кустарь и т.п.)’ [6, с. 387]).

2. Фразеологизмы с колоративом *черный* часто обозначают отрицательные эмоции и актуализируются в выражениях со словами *опустошение*, *печаль* и *несчастье*. Приведем примеры:

черные мысли – ‘грустные, негативные мысли’ [9];

черная судьба – ‘горькая, несчастная судьба’ [Там же];

черный день – ‘пора нужды, бедствия’ [7, с. 648], ‘очень трудное в жизни кого-нибудь время’ [6, с. 216].

3. Изображение внутреннего мира человека, чаще – злого:

черные силы – ‘преступный, злой человек/люди’ [4, с. 803];

черная душа – ‘о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки’ [6, с. 252].

4. Обозначение корыстных, алчных побуждений и чувств. Подобное дискурсивное значение актуализируется в выражениях: *черная зависть* – ‘глубокое и злобное чувство зависти’ [4, с. 200], *черный год* – ‘время, полоса

неудач, бед' [6, с. 387], *черная неблагодарность* – 'зло, коварство вместо признательности за добро' [Там же, с. 503], *черное слово* – '1. Нецензурная брань, сквернословие. 2. Бранное выражение, содержащее упоминание черта' [Там же, с. 628].

5. В суеверных представлениях фразеологизмы с колоративом *черный* имеют значение 'колдовской, чародейский' и связаны с нечистой силой. Приведем примеры:

черная магия – 'по средневековым суеверным представлениям: волшебство, чародейство с помощью адских сил; чернокнижие' [6, с. 440)], 'чародейство, волшебство, объясняемое участием и помощью сатанинских сил' [4, с. 339], 'притягательная сила; очарование' [10, с. 283];

черная книга – 'по суеверным представлениям: книга заклинаний, с помощью которой возможно волшебство и чародейство' [6, с. 365].

6. Фразеологизмы с цветообозначением *черный* в русском языке часто употребляются в значениях 'незаконный' и 'скрытый':

с *черного хода* – 'нечестным путем: черный ход – не главный вход в дом (вход со стороны, скрытый от глаз посторонних)' [Там же, с. 252];

черная биржа – 'тайная торговля иностранной валютой, неофициальная, спекулянтская биржа' [10, с. 112];

черный рынок – 'сфера нелегальной, спекулятивной торговли дефицитными (обычно потребительскими) товарами' [11, с. 1674].

7. Обозначение несогласия. В дореволюционной России голосование осуществлялось не при помощи бюллетеней, а при помощи черных и белых шаров, которые опускались в урну. Белый шар – это голос «за», черный – голос «против». Поэтому в толковых словарях фразеологизм *черный шар* толкуется как 'против чего-либо' [7, с. 67], 'избирательный шар, означающий против избрания' [6, с. 807], 'черный баллотировочный шар, выражающий несогласие, также вообще выражение несогласия при тайном голосовании' [4, с. 893].

8. Фразеологизмы с колоративом *черный* могут обозначать и плохое отношение кого-то к кому-либо и демонстрацию подобного отношения. Например, *держат в черном теле* – 'сурово, очень строго обращаться с кем-либо' [6, с. 218].

Перечисленные значения определили отрицательную лингвокультурную коннотацию фразеологизмов с колоративом *черный* в русском языке.

Известно, что к слову *черный* общеязыковым антонимом является *белый*, и это также отражено в соответствующих фразеологизмах, к примеру:

черная зависть ('глубокая и злобная' [4, с. 200]) – *белая зависть* ('о желании обладать чем-либо, имеющимся у другого, не сопровождаемом злобой, досадой' [12, с. 32]);

черная кость ('человек незнатного происхождения (крестьянин, ремесленник, кустарь и т.п.)' [6, с. 387]) – *белая кость* ('человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России' [Там же, с. 386]).

Фразеологизмы с колоративом *черный* имеют не только отрицательные значения, но и положительную лингвокультурную коннотацию. Так, фразеологизмы с компонентом *черный* актуализируются в значении 'строгий'. Известно, что православные священнослужители делятся на два рода: белое духовенство и черное духовенство. Первым можно вступать в брак, при этом не требуется строго отстаивать религиозные предписания, а вторым, черному духовенству, нельзя, так как они дают обет безбрачия на всю жизнь и обязательно чтут и отстаивают религиозные предписания. Отсюда фразеологизмы *черное духовенство*, *черные ризы* – 'монашествующее' [10, с. 183].

В китайском языке черным 黑 ('хэй, хуэй') в переносном смысле называется что-либо мрачное, тяжелое или преступное, а также второсортное, не имеющее привилегий. Согласно китайской философии нашим миром движет жизненная энергия, которая может принимать различные формы, правильней будет сказать «5 движущих сил» или «5 стихий»: металл, дерево, вода, огонь, земля [13, с. 56]. В соответствии с данным учением считается, что черный 黑 символизирует север, поэтому в Китае его связывают с чем-то сокровенным и таинственным. Поэтому в китайской культуре черный цвет 黑 имеет не только отрицательное значение, но и положительное. Так, например, лексемы, обозначенные иероглифом 黑(хэй) в китайском языке, с одной стороны, актуализируются в значениях 'почетность' и 'суровость', а с другой – 'скупость, жадность и зло' [14, с. 1–7]. Тем самым черный цвет в китайской культуре имеет двойственную смысловую направленность.

Фразеологизмы с колоронимом *черный* в китайском языке актуализируются прежде всего в значении 'темный':

月黑风高 (букв. «черная ночь с сильным ветром») – 'об опасной обстановке или ситуации' [15];

天黑地 (букв. «черная земля») – 'беспросветный мрак' [15, с. 700].

Черный (хэй, хуэй) также ассоциируется с неизведанным миром, тьмой, вызывает у людей страх. Поэтому фразеологизмы с компонентом *черный* в китайской лингвокультуре также могут иметь отрицательное коннотативное значение. Приведем примеры.

1. Фразеологизмы с компонентом *черный* 黑 как символ зла. Данное коннотативное значение актуализируется при обозначении опустошения, печали и несчастья:

背黑锅 (букв. «нести на спине черный котел») – 'нести ответственность за чужие проступки' [15, с. 1245];

黑风孽海 (букв. «черный ветер и море с грехом») – 'угроза, несчастье' [Там же, с. 416];

黑灯瞎火 (букв. «черная лампа и темный свет») – 'черный, беспросветный', в переносном значении – 'трудности, продолжительные сложные жизненные обстоятельства' [Там же, с. 1155];

黑天摸地 (букв. «в черный день даже не видно землю») – 'неудачный день' [Там же, с. 1373].

2. Фразеологизмы с цветообозначением **黑** актуализируются в значениях: ‘злой, корыстный, алчный’, что возможно проследить на примере наиболее часто употребляемого фразеологизма **黑心肠** (букв. «черное сердце») – ‘алчная, корыстная душа’ [15, с. 728].

3. В процессе социального развития фразеологизмы с колоративом **черный 黑** символизировали такие негативные понятия и значения, как ‘нечестный’ и ‘безобразие’. Например, в древнем Китае одной из пяти пыток было клеймение лица, которое оставалось до конца человеческой жизни (**抹黑** (букв. «мазать черным») – ‘клеймение лица’ [15]). В данную группу включаем и фразеологизм **昏天黑地** (букв. «черная земля и темное небо») – ‘разложившееся общество’ [Там же].

4. Фразеологизмы с цветообозначением **черный** в китайском языке часто употребляются в значениях ‘незаконный’ и ‘закрытый’. Приведем примеры:

黑市 (букв. «черный рынок») – ‘незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля’ [15, с. 992];

黑钱 (букв. черные деньги) – ‘деньги, нажитые незаконным путем (взятка)’ [15];

黑社会 (букв. «черное общество») – ‘общество, связанное с преступлениями и криминалом, общество бандитов’ [15, с. 484];

黑话 (букв. «черная речь») – ‘язык для общения между преступниками’ [15];

黑户 (букв. «черный гражданин») – ‘проживающий без регистрации’ [15, с. 981].

5. Во время культурной революции в Китае термин **черный 黑** также символизировал восстание. В данный период времени появляется большое количество фразеологизмов с этим иероглифом. Например, **黑五类** (букв. «черная пятерка») – ‘пять «черных» слоев населения (помещики, кулаки, контрреволюционеры, преступники, правые)’ [Там же, с. 1227].

6. В китайском языке фразеологизмы с компонентом **черный** также актуализируются в значениях ‘плохое влияние’ или ‘плохой’: **混淆黑白** (букв. «выдавать черное за белое, называть черное белым») – ‘передергивать факты’ [Там же, с. 711].

7. Фразеологизмы с колоративом **черный** могут обозначать и глупого, необразованного человека (**黑漆皮灯** (букв. «черная лампа») – ‘быть неразумным’ [Там же, с. 1005], **黑言诳语** (букв. «черная ложь») – ‘говорить что попало, сплошная чепуха, вранье’ [Там же, с. 553]).

Фразеологизмы с прилагательным **черный** имеют не только отрицательные значения.

1. Фразеологизмы с колоративом **черный** могут обозначать географические объекты. Например, **白山黑水** (букв. «белые горы, черная вода») – ‘северо-восточный район Китая’ [Там же, с. 138]. Дело в том, что в древнем Китае люди определяли четыре стороны света в четырех цветах, и черный **黑** цвет является символом севера.

2. Фразеологизмы с прилагательным *черный* в китайском языке актуализируются в значениях ‘плодородный’ и ‘здравый’: 黑土地 (букв. «черная почва»). Когда китайцы говорят о черной земле, то часто подразумевают поля с густо-зеленой пшеницей, золотистой соей и белым рисом [15, с. 1160].

3. По отношению к человеку данный вид фразеологизмов обретает значение ‘смуглая кожа’, ‘блестящие черные волосы’, что характеризует здорового и красивого человека. Например, 粉白黛黑 (букв. «белая пудра и черные брови») – ‘красавица’ [Там же, с. 485].

4. Фразеологизмы с колоративом *черный* обозначают чиновников и людей знатного происхождения. Приведем пример: 朱轆皂盖 (букв. «черный автомобильный чехол») – ‘крупные чиновники и знатные люди’ [Там же, с. 1122].

5. Следующим примером положительной коннотации является фразеологизм 白纸黑字 (букв. «белая бумага, черная буква»), обозначающий ‘очевидные, ясные вещи’. В русском языке ему соответствует фразеологизм *черным по белому*.

Перечисленные значения определили положительную лингвокультурную коннотацию фразеологизмов с колоративом *черный* 黑 (хэй) в китайском языке.

Комплексный анализ семантики фразеологизмов с колоративом *черный* в русском и китайском языках мы привели в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Семантика фразеологизмов с компонентом *черный* 黑
в русском и китайском языках

Семантика	<i>черный</i>	黑
Цвет	+	
Низший	+	
Печаль, несчастье	+	
Зло, злость	+	+
Корысть, алчность	+	+
Нечистая сила	+	
Незаконный	+	+
Несогласие	+	
Плохое отношение	+	
Строгость	+	
Темный		+
Безобразия		+
Восстание		+
Глупость		+
Географические объекты		+
Плодородие		+
Красота		+
Знатное происхождение		+
Очевидные вещи		+

Фразеологизмы с компонентом *черный* как в русском, так и в китайском языках имеют ярко выраженную негативную коннотацию и обозначают 'неудачу', 'зло', 'тоску'.

Семантика и культурная коннотация русских и китайских лексических единиц фразеологического типа с цветообозначением *черный* 黑 (хэй) отражают не только особенности физического воздействия этого цвета на органы чувств человека, но и на многовековую историю русского и китайского народов, их культурные ценности и развитие философского мировоззрения, эстетических идеалов. В русском языке речевые значения фразеологизмов с цветообозначением *черный* определяются этимологией и несут в себе преимущественно отрицательную лингвокультурную коннотацию, а в китайском – положительную.

Проведенное исследование позволило установить, что коннотация фразеологизмов с колоративом *черный* и иероглифом 黑 (хэй) в русском и китайском языках имеет больше различий, чем сходств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивахницкая, А. Э. Основные прилагательные цвета в истории развития русского и английского языков / А. Э. Ивахницкая. – М., 2001. – 196 с.
2. Кожемякова, Е. А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке / Е. А. Кожемякова. – М., 2001. – 210 с.
3. Гао Хайянь. Лингвострановедческий анализ русской лексики цветообозначения: На фоне китайского языка / Го Хайянь. – СПб., 1999. – 165 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «Темп», 2006. – 944 с.
5. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М. : АСТ, 2001. – 591 с.
6. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 828 с.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Цитадель, 1998. – 4098 с.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/24/ma466719.htm?cmd=0&istext=1>. – Дата доступа: 14.01.2021.
9. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь [Электронный ресурс].
10. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Атлант, 2013. – 800 с.
11. Большой российский энциклопедический словарь. – М. : Большая рос. энцикл., 2003. – 1887 с.

12. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с.
13. 新版现代汉语词典》编委会(2009), 现代汉语词典 (Сяньдай ханьюй цыдянь «Современный китайский словарь». Редакция журнала «Новое издание современного китайского словаря»).
14. 刘钧杰. 颜色词的构成 [J]. 语言教学与研究. – 1985. – № 7. – С. 1–7. (Лю Цзюньцзе, образование цветных слов. Преподавание и исследование языка. – 1985. – № 7. – С. 1–7).
15. 成语大词典 (双色缩印版) (Большой словарь китайских фразеологизмов) / 商务印书馆国际有限公司, 2011. – 1431 с.

Поступила в редакцию 12.05.21 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0+821.161.3

Кісліцына Ганна Мікалаеўна

доктар філалагічных навук, загадчык
аддзела тэорыі і гісторыі Цэнтра
даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі
навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Anna Kislitsyna

Doctor of Philology, Head of the Department
of Theory and History of Literature
The Center for Research of Culture,
Language and Literature of the National
Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
hanna.kislitsyna@gmail.com

МАНІФЕСТ ЯК ЛІТАРАТУРНЫ ЖАНР: ТЭМЫ І ВАРЫЯЦЫІ

MANIFESTO AS A LITERARY GENRE: THEMES AND VARIATIONS

У артыкуле разглядаюцца літаратурныя маніфесты ад XIX ст. да апошняга дзесяцігоддзя XX стагоддзя. Аўтар аналізуе маніфест рамантызму А. Міцкевіча і такіх літаратурных аб'яднанняў, як “Маладняк”, “Узвышша”, “Таварыства Вольных Літаратараў”, “Бум-Бам-Літ”. З’яўленне вялікай колькасці маніфестаў у канцы XX ст. звязваецца з неабходнасцю ў нацыянальнай самаідэнтыфікацыі ў пераходны перыяд гісторыі беларускага народа, выкліканы перабудовай.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *маніфест; літаратурнае аб'яднанне; авангард; літаратурны працэс; “Романтычнасць”; “Маладняк”; “Узвышша”; “Таварыства Вольных Літаратараў”; “Бум-Бам-Літ”.*

The article examines literary manifestos from the 19th century to the last decade of the 20th century. The author analyzes the manifesto of A. Mickiewicz’s romanticism and such literary associations as “Maladnyak”, “Uzvyshsha”, “Tavarystva Volnykh Litaratarau”, “Boom-Bam-Lit”. The appearance of a large number of manifestos at the end of the 20th century is associated with the need for national self-identification in the transitional period of the history of the Belarusian people caused by perestroika.

Key words: *manifesto; literary association; avant-garde; literary process; “Romanticism”; “Maladnyak”; “Uzvyshsha”; “Tavarystva Volnykh Litaratarau” (“Society of Free Writers”); “Boom-Bam-Lit”.*

Нягледзячы на тое, што літаратуразнаўчы тэрмін *маніфест* (ад лац. *manifestum* ‘заклік, адозва’) асацыюецца з *ідэяй навізны*, паняцце выкарыстоўвалася ў Еўропе ўжо з XII ст. тэолагамі, а з XVI ст. – палітыкамі, што разумелі пад ім заяву, у якой выкладаюцца погляды на тую ці іншую з’яву або тлумачэнне дзеянняў. Для літаратуразнаўства тэрмін стаў актуальным у эпоху рамантызму ў XIX стагоддзі. Аднак далёка не ўсё, што сёння вызначаецца як маніфест, у свой час так характарызавалася.

Празаічныя і паэтычныя дэклараванні пісьменнікамі сваіх поглядаў на творчасць – з’ява распаўсюджаная, аднак сам тэрмін як абазначэнне мастацкіх праграм сустракаецца ў беларускай літаратуры даволі рэдка. У ХХ ст. найбольшая колькасць маніфестаў у айчынным прыгожым пісьменстве прыходзіцца на пачатак і канец стагоддзя. Гэта і не дзіўна, калі ўлічыць, што неабходнасць у гэтым жанры, па-першае, узнікае ў пераходных перыяды гісторыі, па-другое, звязана з барацьбой на літаратурным полі, па-трэцяе, абумоўлена з’яўленнем авангардных плыняў і напрамкаў.

Праграмныя творы пачатку ХХ ст. даследаваліся ў працах М. Мушынскага, М. Мішчанчука, В. Максімовіча, У. Гніламёдава, П. Васючэнкі, аднак ніводзін з разгледжаных імі тэкстаў не меў уласна назвы “маніфест”. Праблему мадэрнасці ў “нашаніўскай” паэтычнай класіцы разглядала Т. Вабішчэвіч [1]. Сувязь авангардысцкай творчасці паэтаў 10–20-х гадоў мінулага стагоддзя з літаратурнымі заклікамі А. Міцкевіча вызначана ў кнізе І. Багдановіч [2]. Літаратурныя напрамкі 20-х – пач. 30-х гадоў, а таксама гісторыя літаратурных аб’яднанняў даследаваліся ў дысертцыі В. Жыбуля [3]. Прааналізаваныя ў дадзеных працах праграмныя тэксты па сутнасці з’яўляліся дэкларацыямі эстэтычных поглядаў пісьменнікаў першай трэці ХХ ст., але гэтыя тэксты не вызначаліся як маніфесты ні творцамі, ні даследчыкамі, таму што альбо не былі звязаны з канкрэтным літаратурным напрамкам, ці не мелі эфекту эстэтычнай навізны.

Менш пашанцавала на даследаванні маніфестам канца ХХ ст., калі свае творчыя дэкларацыі прадставілі літаратурныя аб’яднанні “Тутэйшыя”, “Таварыства Вольных Літаратараў” і “Бум-Бам-Літ”. Першым беларускім тэкстам, які і па змесце, і па назве быў маніфестам, быў “Маніфест” літаратурнага аб’яднання “Тутэйшыя”. Пра яго пісала А. Бязлепкіна [4]. Тэкст А. Аркуша “Саломінка пострамантызму” [5] быў праграмным для літаратурнага аб’яднання “Таварыства Вольных Літаратараў”, аднак спецыяльнага даследавання, якое разглядала б яго асаблівасці, няма. Самай багатай на мастацкія дэкларацыі была творчая суполка “Бум-Бам-Літ”, члены якой прадставілі больш за дзясятак маніфестаў, што беспрэцэдэнтна для гісторыі беларускай літаратуры. Асаблівасці творчасці бумбамлітаўцаў і групавы партрэт іх пакалення стаў аб’ектам даследавання К. Бартноўскай [6], аднак іх маніфесты ў гэтай манаграфіі не згадваюцца.

Пачынальнікам жанру літаратурнага маніфеста на нашай зямлі можна лічыць Адама Міцкевіча, аднаго з найвялікшых паэтаў свету, ураджэнца Беларусі. Выдадзеная ў другой палове чэрвеня 1822 г. яго кніга “Паэзія” здолела памяняць мастацкую парадыгму таго часу і стала першым літаратурным маніфестам для нашай літаратурнай прасторы. Ва ўступнай прадмове і містычнай баладзе “Рамантычнасць” Міцкевіч выклаў праграмныя перадумовы літаратуры, якую хацеў стварыць.

Менавіта гэтыя творы сталі тым зернем, з якога вырас беларускі *літаратурны рамантызм*. Выкарыстанне *балады* ў якасці маніфеста – даволі

незвычайны выбар, бо, як вядома, гэта спецыфічны жанр, які традыцыйна ўяўляе з сябе сюжэтны верш, пабудаваны на легендарна-гістарычным, фальклорна-бытавым матэрыяле. Тым не менш, фінальныя словы “Рамантычнасці”, якія мелі палемічны характар, былі ўспрынятыя менавіта як абвясчэнне творчых прынцыпаў і самога А. Міцкевіча, і яго паплечнікаў. *Дзяўчына бачыць, кажу з дакорам, – // Людзі ёй вераць глыбока. // Адчуванне і вера мне больш гавораць, // Як шкло мудраца і вока. // Мёртвыя праўды расказваеш люду: // Свет цэлы ў пылінцы знаходзіш, здэцца. // Не знаеш жывых праўд – і не ўбачыш цуду. // Май сэрца, глядзі ў сэрца* [7, с. 70]. Зразумела, што гэты заклік “глядзець у сэрца” не азначаў, што Міцкевіч і рамантыкі цалкам адышлі ад рацыянальнага і эмпірычнага ўспрымання свету. Яны проста акцэнтавалі, што “мудрэц і вока” – не адзіны інструмент пазнання, і заклікалі дапаўняць рацыянальна-пачуццёвае пазнанне пазаземным, відушчым, адкрываючы раней невядомыя вобласці духоўнага мікра- і макракосмасу.

Як вядома, *літаратурны маніфест* – гэта жанр літаратурнай дэкларацыі, форма выкладання эстэтычнай праграмы плыні, напрамку або школы. Згаданыя тэксты А. Міцкевіча адпавядаюць гэтым крытэрыям. Нягледзячы на тое, што балада “Рамантычнасць” не падобная да праграмнага твора ў сучасным разуменні паняцця, беларускія літаратуразнаўцы адзначалі сёлета юбілей першага беларускага маніфеста, і гэта чарговы раз актуалізуе сам тэрмін і нагадвае пра неабходнасць звяртацца да гісторыі яго выкарыстання ўжо ў наш час.

Рамантызм, якому беларуская літаратура абавязана з’яўленнем першага маніфеста, па сведчанні даследчыцы гэтага літаратурнага напрамку І. Багдановіч, “доўжыўся на Беларусі амаль стагоддзе, існаваў побач з іншымі кірункамі і стылямі (сентыменталізмам, рэалізмам, пазітывізмам, мадэрнізмам), праявіўшыся ў неарамантычных формах у творчасці Янкі Купалы, захаваўшы свае стылёвыя адзнакі і ў рэвалюцыйна-рамантычнай паэтыцы 20-х гадоў” [2, с. 3]. Аднак з пачатку 20-х гадоў ХХ ст. ён выцясняецца ідэйна-эстэтычнай канцэпцыяй пралетарскай літаратуры ў формах сацыялістычнага рэалізму. І хоць за гэты час пісьменнікі і крытыкі неаднаразова выказвалі свае погляды на задачы, якія павінна вырашаць літаратура (напрыклад, у дыскусіі на старонках газеты “Наша Ніва” ў 1913 г.), гэтыя тэксты наўрад ці можна называць маніфестамі, бо яны не дадавалі літаратуры нешта прынцыпова новае, а хутчэй удасканалевалі ранейшыя, выбудаваныя рамантызмам ідэі, і не атаясамліваліся з пэўнай мастацкай плынню.

Відавочна, што першым паўнапраўным маніфестам ХХ ст. трэба лічыць “Маладняк (Замест дэкларацыі)”, які з’явіўся 20 снежня 1924 г. і адлюстроўваў грамадска-эстэтычную пазіцыю літаратурна-грамадскага аб’яднання “Маладняк” (1923–1928). Яго заснавальнікамі былі М. Чарот, А. Вольны, А. Дудар, А. Александровіч, А. Бабарэка, Я. Пушча. Звяртае на сябе ўвагу тое, што ў тэксце, аформленым як *улётка*, прадстаўлены не толькі творчыя

задачы, якія ставяць перад сабой аўтары, але і іх палітычная платформа. У параўнанні з баладай А. Міцкевіча гэта выглядае дысанансам, але цалкам у духу часу, і не без рамантызму: “«Маладняк» – гэта ўсебеларускае аб’яднанне паэтаў і пісьменнікаў, якія згуртаваліся дзеля таго, каб ідэі матэрыялізму, марксізму і ленінізму ажыццявіць у беларускай мастацкай творчасці... Асноваю нашай мастацкай формы, у якой мы ажыццяўляем нашы ідэі, з’яўляецца мастацка-праўдзівы вобраз, аб’ектыўна адпавядаючы рэальнасці. На розныя сучасныя мастацка-фармальныя напрамкі мы глядзім, як на тэхніку мастацкай творчасці. Наш асноўны прынцып: форма павінна адпавядаць зместу, выкладанне – тэме” [8]. У сваім маніфесте маладнякоўцы вядуць гаворку ад імя калектыўнага “мы”, а задачаю лічаць “з асноў сягонняшняга жыцця вылучыць асновы заўтрашняга” [Там жа].

Створанае па ініцыятыве А. Бабарэкі, З. Бядулі, К. Крапівы, У. Дубоўкі, Я. Пушчы літаратурнае аб’яднанне “Узвышша” прадставіла ў 1926 г. свой маніфест, які называўся «Камунікат беларускага літаратурна-мастацкага аб’яднання «Узвышша»» і меў праграма-палемічны характар. У ім асуджаецца спроба маладнякоўцаў дыскрэдытаваць дзейнасць новага ўтварэння праз абвінавачванні ў эстэцтве, а таксама патрабаванне дыферэнцыяцыі: палітасвета для палітасветных устаноў, літаратурныя згуртаванні – для развіцця літаратуры. Ідэйна-эстэтычная платформа аб’яднання абвешчана ў праграмай заяве (тэзісах) “Ад беларускага літаратурна-мастацкага згуртавання «Узвышша»” (Узвышша. 1927. № 1). Узвышшаўцы абгрунтавалі літаратурна-мастацкі кірунак *аквітызм* (лац. *aqua vita* ‘жывая вада’), мастацкай мэтай якога было развіццё звычаяў нацыянальнага адраджэння і творчае выкарыстанне новаўвядзенняў сусветнай мастацкай культуры. Аквітызм у пэўным сэнсе быў працягам “паэзіі красы” М. Багдановіча.

Поўную інфармацыю пра творчыя канцэпцыі ўдзельнікаў аб’яднанняў “Маладняк” і “Узвышша” і пра згаданыя вышэй маніфесты можна знайсці ў кнігах М. Мушынскага, У. Конана, І. Багдановіч. Відавочна, што з’яўленне літаратурных маніфестаў гэтых суполак звязана з грамадска-палітычнай сітуацыяй у Беларусі ў той час, пра што таксама неаднойчы пісалася літаратуразнаўцамі.

Нягледзячы на розніцу ў часе, блізкімі па сваіх мастацкіх характарыстыках сталі літаратурны працэс 1920-х – пач. 1930-х гг. і літпрацэс другой паловы 1990-х гадоў. Раптоўнае з’яўленне вялікай колькасці “праграмных” твораў і мастацкіх маніфестаў, якое з пачатку 1990-х г. становіцца адной са знакавых прыкмет літаратурнага працэсу, трэба расцэньваць як прамое сведчанне таго, што адбываецца глыбінны працэс пераідэнтыфікацыі асобы, якая апынулася ў новых варунках існавання. Прагу “быць ідэнтыфікаваным” сацыёлагі вытлумачваюць як жаданне аднавіць цэласны і ўпарадкаваны вобраз свету, няхай сабе і адрозны ад таго, што быў сфарміраваны папярэднім культурным канонам.

У 1986 г. маладыя на той час літаратары аб’ядноўваюцца ў творчую суполку “Тутэйшыя”. Напісаны С. Дубаўцом “Маніфест «Тутэйшых»” (не

друкаваўся, захоўваецца ў архіве С. Кавалёва) складаўся з чатырох частак і трыццаці пяці тэзісаў і стылістычна нагадваў “Адвечным шляхам” І. Абдзіраловіча. Тэкст быў вынікам калектыўнага роздуму над лёсам беларускай літаратуры, спробай пазбегнуць памылак папярэднікаў і выкрышталізаваць уласныя творчыя прынцыпы. Гісторыю яго стварэння, агляд частак і аналіз стылістычных асаблівасцей можна знайсці ў главе “Маніфест «Тутэйшых»” ў кнізе А. Бязлепкінай [4, с. 17–24]. Варта заўважыць, што нейкага прынцыпова новага “-ізму” маніфест не абвясціў.

Затое стварэнне новага літаратурнага напрамку абвясцілі члены літаратурнага аб’яднання “Таварыства Вольных Літаратараў”, створанага ў маі 1993 года. Напісанае А. Аркушам эстэтычнае крэда таварыства – “Саломінка пострамантызму”, нягледзячы на агульную рамантычную стылістыку і множнасць метафар, заканчваецца досыць агрэсіўна:

Пострамантызм – гэта перспектыва, без пяцігодак і планаў.

Пострамантызм – не ідэалізацыя герояў, іх інтарэсаў і пачуццяў. Пострамантызм гэтак жа далёк ад рамантызму, як рэалізм – ад сацыялістычнага рэалізму, як першабытны чалавек – ад сучаснага. Пры гэтай значнай эвалюцыі не застаецца практычна нічога агульнага.

Пострамантызм – гэта пачатак чагосьці зусім новага, а ягоны шлях – НОНКАНФАРМІЗМ [5, с. 11].

Найбольш радыкальна падышлі да праблемы нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці бумбамлітаўцы. У 1995 г. яны ствараюць мастацкую канцэпцыю афрыканізму, якая апрадмецілася ў металічным тазіку, што стаўся першым рэальным фетышам беларускай літаратуры. Нацыянальнае ў іх творчасці канчаткова рэдукуецца, а сама творчасць губляе не толькі пазнавальныя, камунікатыўныя функцыі, але і любую іншую матывіроўку, акрамя самапрэзентацыі яе стваральнікаў. У прадмове да кнігі “Тазік беларускі” ідэолаг групоўкі філосаф В. Акудовіч сцвярджае: “Тук, аформлены ў словы ды нагужаны сэнсам і значэннем рэха, – гэта і ёсць тое, што раней называлася літаратурай. Аднак у пару татальнай змарнеласці і страты ўсялякіх жыццядайных сэнсаў застаецца актуальным толькі рытмічна арганізаваны гук, што спрабуе прарвацца скрозь шумы фізічнага і тэхналагічнага светаў, каб засведчыць рэхам – чалавек чалавеку яшчэ нечым ёсць” [9, с. 9].

Калі сябры беларускіх літаратурных аб’яднанняў “Тутэйшыя” і “Таварыства Вольных літаратараў” вялі адкрытую барацьбу супраць сацрэалізму, то іх наступнікі – па сцвярджэнні “бессмяротнага хроснага бацькі” “Бум-Бам-Літа” В. Акудовіча – спрачацца і варагаваць быццам бы ні з кім не хацелі [10, с. 235]. Аднак ужо першая сумесная публікацыя выявіла даволі агрэсіўнае стаўленне бумбамлітаўцаў да сучаснай нацыянальнай літаратуры. Сем маніфестаў, што з’явіліся ў дадатку да газеты “Культура” (6–12 верасня 1995 г.) засведчылі, што ў літаратуру ідзе пакаленне, настроенае радыкальна.

Ілля Сін прадстаўляў суполку як “задзіночанне людзей, якім надакучыла”:

Нудота – вось што забівае нас, але адначасова і падуштурхвае да дзеяння, і мы нешта чынім, пішам творы і ствараем усялякія літаратурныя аб’яднанні і партыі.

Мэ т а Х: 1. Уплыў яе сяброў на аб’ектыўнае становішча рэчаў. <...>

2. Зваржэнне з пастаментна аб’ектыўных ісцін і замена іх суб’ектыўнай бязглуздзіцай.

3. Здзек са святыняў (маральныя ўстоі, культура, іерархіі каштоўнасцей і г. д.) Мы не сцвярджаем, што яны недасканалыя, але ўсё, што створана, мусіць быць дэканструктавана на ўзроўні асобы.

Ш л я х і д а с я г н е н н я: эпатаж і буйнамаштабныя правакацыі. Эпатаж – сродак самаабароны Асобы ў грамадстве эпохі постмадэрнізму... (“Маніфест Х”) [11, с. 5].

Менш ваяўнічы “Маніфест «Бум-Бам-Літа»” С. Мінскевіча, які бачыў “Бум-Бам-Літ” як “рух дзейнай, жвавай беларускай літаратуры, творы якой імкнуцца зрабіць бум”:

“Як усялякі вольны рух, «Бум-Бам-Літ» можа прыхопліваць усіх, хто захоча прыхапіцца, і можа выпускаць усіх, хто захоча «адчапіцца». А ўдзельнікі-«зрухары» могуць ствараць у яго глыбінях свае адмысловыя плыні (накірункі творчасці), свае віры (літаб’яднанні)... І, відавочна, над усім «Бум-Бам-Літам» ззяе звышмэта – максіфэст... усерэспубліканская... усепланетная, усесусветная феерыя зух-рух-лівай думкі з выкарыстаннем магчымых і немагчымых сродкаў масавай і індывідуальнай інфармацыі...” [12, с. 5].

Алесь Туровіч прадставіў “Маніфест транслагізму”, Зміцер Вішнёў – “Маніфест літаратурна-мастацкай партыі. Транслагізм. Шызарэалізм. Паранойя” і “Маршавы там-там «Бум-Бам-Літа»”. Альгерд Бахарэвіч прэзэнтаваў “трагедыю ў двух актах”, дзейнымі асобамі якой становяцца Грамадзянін, Класік і Паэт, які пазначае сваё творчае крэда як “здзекі з беларускай мовы” і эпатуе радкамі:

Зазірніце мне ў рот

(Я вам верш пазяхаю),

Там пануе заўжды некрануты смурод,

Там заўсёды вяртаюцца ўсе будулаі,

Там жыве працавіты і мужны народ... [13, с. 5].

“Маніфест” Бахарэвіча, у якім Паэт “робіць сабе харакіры”, а Класік і Грамадзянін “спароўваюцца” і “паміраюць у жахлівых сутаргах”, моцна нагадвае трагіфарс члена суполкі “Таварыства Вольных Літаратараў” І. Сідарука “Крывавае імша”.

Варта адзначыць, што “эпахальны” нумар “ЗНО” (дадатак да газеты “Культура”; 6–12 верасня 1995 г.), дзе ўпершыню была маніфэставана бумбамлітаўская дзейнасць, з’явіўся дзякуючы ўжо згаданаму вышэй

В. Акудовічу, які ў артыкуле “Афрыка – радзіма тазікаў, альбо Я хачу ў «Бум-бам-літ»”, па сутнасці, сфармуляваў ідэйна-мастацкія прынцыпы суполкі, у якую на той момант уваходзілі Ю. Барысевіч, М. Башура, А. Бахарэвіч, Ж. Васанская, З. Вішнёў, У. Гарачка, С. Мінскевіч, С. Патаранскі, І. Сін, А. Туравіч. Згаданыя самапрэзентацыі былі пракаментаваны крытыкам так: “Мала зрабіць добрую, патрэбную рэч, трэба яшчэ прывабіць да яе пакупніка, *заманіфеставаць* так, каб рука міжволі пасунулася па грошы... І тут ужо, як зазвычай у гандлі, – хто на што здатны” [10, с. 3].

Пазней Акудовіч паспрабуе стварыць бумбамлітаўцам імідж постмадэрністаў і інтэлектуалаў, падвёўшы пад іх “вопыты” тэарэтычную базу. Так, адзін з падзагалоўкаў у яго артыкуле “У вайны няма Айчыны” ў газеце “Літаратура і мастацтва” [14, с. 5] меў назву “Развітанне з Хайдэгерам, Дэрыда, Бум-Бам-Літам, постмадэрнам ды іншымі...”, хоць у раздзеле з гэтай назвай размова ні пра аднаго з пералічаных не вялася.

Прыкладна такую ж рэкламную акцыю ў дачыненні да бумбамлітаўцаў правёў ён і ў працы “Уводзіны ў Новую літаратурную сітуацыю” [10], дзе прадставіў іх як інтэлектуалаў і зазначыў, што ў іх творчасці мастацтва ўпершыню ў беларускай літаратуры “зніталася з навукай”. На ўвазе меўся, відавочна, маніфест *транслагізму* – плыні-прывід, якая не развілася далей старонак літаратурна-філасофскага сшытка “ЗНО” (выдаваўся як дадатак да газеты “Культура”). Факт з’яўлення гэтага маніфеста (дасканалы ці не – неістотна) аб’явіў аб пачатку на беларускай постімперскай прасторы новага культурнага фетыша – Тэксту.

“Свет як Тэкст” – паўтаралі мантрай маладыя філолагі, спрабуючы апісаць свае ўяўленні аб тым, як трэба пісаць, па якіх законах жыве пісьмо, якія элементы з’яўляюцца сэнсастваральнымі, а якія не. Па вызначэнні С. Мінскевіча, “транслагізм (ад *транс* – скрозь, *логас* – слова, закон, тэкст) – літаратурна-мастацкі метаад, які стварае (сэнсавыя, пачуццёвыя, абстрактныя...) лабірынты пранікнення скрозь бясконца мерны тунэльны тэкстасвет, дзе тунэлі безупынна то адчыняюцца, то зачыняюцца; спалучае асацыяцыямі розныя ўзроўні звышматэрыяльнасці” [15, с. 3]. Згодна з транслагізмам “звышматэрыяльнасць ствараецца з дзірак (адтулінак-адсюлінак), якія складаюцца ў лагемы (носьбіт тунэльнага пераходу; у залежнасці ад выбраных умоў, у тэкстасвеце лагемай могуць быць фанема, графема, слова, фраза, абзац)” [Там жа]. І вось гэтыя лагемы дазваляюць ствараць пераходы ад адной тэкставай рэальнасці да другой, што, відавочна, і было на мэце стваральнікаў тэорыі.

Пакінуўшы без каментарыяў “навуковасць” гэтага маніфеста, заўважым, што ён, па сутнасці, трапляе ў апазіцыю як да традыцыйнага, “дабартаўскага” літаратуразнаўства, так і да постмадэрновага і сведчыць хіба што пра філалагічную адукацыю яго стваральніка. Аднак якім бы недарэчным ні здаваўся выкарыстаны Мінскевічам тэрмін “дзірка” – як і знакамітыя “адтулінкі-адсюлінкі”, ён уяўляецца сугучным бартаўскаму вытлумачэнню

значнасці Тэксту. У сваім маніфесце С. Мінскевіч спрабуе знайсці матэрыяльны выхад, “тунэль” у тэкстасвет, існаванне якога з’яўляецца адным з “вынаходстваў” постмадэрнізму. Думаецца, не трэба ператлумачваць тут усё, што хацеў сказаць аўтар, заўважым толькі, што практыка, ці тое, што падавалася ў якасці ўзору транслагізму ў “Культуры” (31 жніўня 1994 г.), не вытрымлівала нават павярхоўнага аналізу. Аднак гэта не супярэчыць традыцыі маніфестаў як жанру – яны дэкларуюць намер, а не апісваюць практыку. Варта адзначыць, што С. Мінскевіч – даследчык і перакладчык твораў А. Міцкевіча на беларускую мову.

Блізкім па духу да транслагізму, быў і *лагафармізм*, абвешчаны праз пяць год пасля ў маніфесце А. Кавалеўскага, дзе больш увагі надаецца не “лінгвістыцы”, а форме, дакладней, зрокаваму ўспрымання твораў. Лагафармізм (ад лац. *logos* – слова і *forma* – форма), на думку яго стваральніка А. Кавалеўскага, гэта літаратурна-мастацкі метад, які дазваляе адчуць і ўсвядоміць натуральную, першародную субстанцыю вобраза пры дапамозе адзінага і найбольш гарманічнага спалучэння слова і формы (пад формай разумеецца зрокавае ўспрымання і непасрэднае графічнае ўва-сабленне мастацкага твора), а таксама праз шэраг асацыяцый, якія ўзнікаюць паступова і выкліканыя гэтым спалучэннем. Канцэптуальнымі былі і раннія творы А. Туровіча, зноў жа скіраваныя на дзею і саўдзел гледачоў. Сярод іх былі і творы, у якіх не было ўласна тэксту.

Падмену паэтычных і праявічных тэкстаў творамі выяўленчага, візуальнага мастацтва і перформансу можна акрэсліць як спецыфічную мастацкую немату, ідэя якой гучыць у многіх маніфестах бумбамлітаўцаў. Прывід мастацкай нематы ўзнікае пры прачытанні праграмных для “Бум-Бам-Літа” тэкстаў Ю. Барысевіча “Літаратура і яе органы”, “Цела і тэкст”, “Літаратура з першых рук”. Галоўны пасыл тэкстаў Ю. Барысевіча часоў “Бум-Бам-Літа”, большасць з якіх, дарэчы, пісалася як маніфесты, – гэта *заклік адмовіцца ад друкаваных тэкстаў*.

З 2001 г. удзельнікі “Бум-Бам-Літа” распачалі кніжны праект, у якім прынялі ўдзел пераважна маладыя аўтары. Праект даў ім магчымасць выдаць свае кнігі ў серыях “Бібліятэка «Бум-Бам-Літа»” і “Серыя *Schmerzwerk*” і такім чынам нівеліраваць уласныя заклікі адмаўляцца ад друкаваных тэкстаў. Суполка “*Schmerzwerk*”, у якую ў 2000 г. увайшлі Ю. Барысевіч, З. Вішнёў, В. Гапеева, В. Морт, А. Бахарэвіч, І. Сін, стала правапераемніцай “Бум-Бам-Літа”. У яе маніфесце “Утылізацыя болю”, напісаным Ю. Барысевічам, абвешчаецца, што “*Schmerzwerk*” спрабуе прымірыць экзістэнцыялізм і сюррэалізм, цела і слова. Галоўнай каштоўнасцю ў маніфесце аб’яўляецца *шчырасць*. Аднак відавочна, што і гэты заклік не быў рэалізаваны ў творчасці ўдзельнікаў суполкі.

Нягледзячы на тое, што тэрмін *маніфест* пры вызначэнні жанру выкарыстоўваўся беларускімі аўтарамі літаратурных адозваў параўнаўча рэдка, яго гісторыя налічвае два стагоддзі. Ствараючы літаратурныя

маніфесты, пісьменнікі звярталіся да балады, эсэ, драматургічных абразкоў, літаратуразнаўчых артыкулаў. Слова *маніфест* у назве ўпершыню сустракаецца ў “Маніфесте «Тутэйшых»”, а найбольшую колькасць твораў гэтага жанру стварылі члены літаратурнай суполкі “Бум-Бам-Літ”.

ЛІТАРАТУРА

1. *Вабішчэвіч, Т. І.* Станаўленне нацыянальнай паэтычнай традыцыі (1900–1910-я гг.): фактары, механізмы, этапы / Т. І. Вабішчэвіч. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 254 с.
2. *Багдановіч, І. Э.* Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І. Э. Багдановіч. – Мінск : Бел. навука, 2001. – 386 с.
3. *Жыбуль, В. В.* Ідэйна-мастацкія пошукі ў беларускай паэзіі 20-х – пачатку 30-х гадоў XX стагоддзя : дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01 / В. В. Жыбуль. – Мінск, 2003. – 107 л.
4. *Бязлепкіна, А.* Разам і паасобку: Таварыства “Тутэйшыя” / А. Бязлепкіна. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2003. – 162 с.
5. *Аркуш, А.* Выпрабаванне развоям / А. Аркуш. – Полацк : Полацкае ляда, 2000. – 90 с.
6. *Bartnowska, K.* Białoruski postmodernizm. Liryka pokolenia Bum-Bam-Litu / K. Bartnowska. – Warszawa : WUW, 2009. – 225 с.
7. *Міцкевіч, А.* Выбраныя творы / А. Міцкевіч; уклад., прадм. і камент. К. Цвіркi. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2003. – 640 с.
8. Маладняк (замест дэкларацыі) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.nlb.by/upload/prod/Maladnyak/2_Historia_stvarennya_Maladnyak/declaration.pdf. – Дата доступу: 19.09.2022.
9. Тазік беларускі : зб. вершаў / В. В. Акудовіч [і інш.]. – Мінск : Бярвіта, 1998. – 96 с.
10. *Акудовіч, В.* Разбурыць Парыж / В. Акудовіч. – Мінск : Логвінаў, 2004. – 298 с.
11. *Сін, І.* Маніфест Х / І. Сін // *Культура*. – 1995. – 6–12 верасня. – С. 5.
12. *Мінскевіч, С.* Маніфест “Бум-Бам-Літа” / С. Мінскевіч // *Культура*. – 1995. – 6–12 верасня. – С. 5.
13. *Бахарэвіч, А.* Маніфест / А. Бахарэвіч // *Культура*. – 1995. – 6–12 верасня. – С. 5.
14. *Акудовіч, В.* У вайны няма Айчыны / В. Акудовіч // *ЛіМ*. – 1998. – 16 студзеня. – С. 5, 12.
15. *Мінскевіч, С.* Праз галерэю / С. Мінскевіч. – Полацк : Полацкае ляда, 1994. – 61 с.

Поступила в редакцию 03.04.2023

Лапцёнак Ірына Браніславаўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
намеснік дырэктара па вучэбнай рабоце
Інстытута павышэння кваліфікацыі
і перападрыхтоўкі кадраў
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
культуры і мастацтваў
г. Мінск, Беларусь

Iryna Laptzionak

PhD in Philology, Associate Professor,
Deputy Director for Academic Affairs
of the Institute for Advanced Training
and Retraining
Belarusian State University of Culture
and Arts
Minsk, Belarus
laptienokirina2@gmail.com

АДМЕТНАСЦЬ ПЕРАКЛАДНОЙ КУПАЛІЯНЫ Ё РАКУРСЕ МІЖНАРОДНЫХ КУПАЛАЎСКІХ ЧЫТАННЯЎ

THE PECULIARITY OF THE TRANSLATED KUPALIANA IN THE PERSPECTIVE OF THE INTERNATIONAL KUPALIAN READINGS

Артыкул прысвечаны асэнсаванню Міжнародных Купалаўскіх чытанняў як формы вывучэння і папулярызацыі купалаўскай спадчыны. Шляхам прымянення гісторыка-культурнага і апісальна-функцыянальнага метадаў даследавання на аснове аналізу распрацовак, прысвечаных купалаўскім перакладам і ўзнаўленням яго твораў на розныя мовы свету, праведзены абагульненне і сістэматызацыя матэрыялаў чытанняў паводле перакладазнаўчай праблематыкі, вызначаны асноўныя вектары фарміравання і развіцця перакладной купаліянны.

Ключавыя словы: *купалазнаўства; Купалаўскія чытанні; мастацкі пераклад; літаратурная спадчына; творчая індывідуальнасць перакладчыка.*

The article is devoted to the understanding of the International Kupala Readings as a form of study and popularization of the Kupala heritage. By applying the historical-cultural and descriptive-functional research methods and on the basis of analysis of scientific papers devoted to Kupala's translations and translations of his works into various languages of the world, generalization and systematization of the materials of Kupala Readings in the context of translation studies were carried out, the main vectors of the formation and development of translated Kupaliana were identified.

Key words: *Kupala Studies; Kupala Readings; literary translation; literary heritage; creative individuality of the translator.*

Літаратура выконвае важную ролю ў функцыянаванні грамадства і духоўна-творчым развіцці асобы. Літаратурныя творы развіваюць уяўленне, фарміруюць уласнае бачанне, служаць сродкам грамадска-патрыятычнага выхавання. Сярод прафесійных форм папулярызацыі мастацкай літаратуры вылучаюцца навуковыя чытанні, прысвечаныя дзеячам літаратуры, вядомым пісьменнікам. Так, у Расіі рэгулярна ладзяцца Брусаўскія чытанні, Горкаўскія чытанні, Міхайлаўскія чытанні, Талстоўскія чытанні, Тургенеўскія чытанні, Шмялёўскія чытанні і інш. У Беларусі на пастаяннай аснове адбываюцца Беркаўскія чытанні, Гарэцкія чытанні, Каласавіны, Купалаўскія чытанні, Куляшоўскія чытанні, Шамякінскія чытанні і інш.

Папярэднікамі сучасных літаратурных чытанняў, прысвечаных Я. Купалу, з’яўляюцца навукова-папулярныя мерапрыемствы 1920–1930-х гг. з удзелам паэта.

Першая навуковая імпрэза, прысвечаная паэту, адбылася ў 1922 г. у БДУ і была прымеркавана да 40-годдзя з дня нараджэння Я. Купалы. З дакладамі на ёй выступілі А. Вазнясенскі, С. Кацэнбоген, М. Піятуховіч, У. Пічэта. Я. Купала прачытаў верш “Перад будучыняй”. Наступнае мерапрыемства адбылося ў 1925 г. на педфаку БДУ да юбілею творчай дзейнасці паэта. У “Прывітання калектыва БДУ Янку Купалу” ад 5 чэрвеня 1925 г., падпісаным рэктарам БДУ, прафесарам У. Пічэтам, адзначалася: “Праўленне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта шчыра вітае Вас з прычыны адбыцця 20 гадоў Вашай літаратурнай працы, якая здабыла беларускай паэзіі пачэснае месца сярод літаратур свету, і жадае Вам працы на карысць адраджэння нацыянальнай культуры. Праўленне паставіла ў восень гэтага году зрабіць урачыстае пасяджэнне, афіраванае 20-годдзю Вашай літаратурнай працы” [1]. У гэтым жа годзе на рабфаку прайшла імпрэза, прысвечаная Я. Купалу і М. Чароту, з удзелам абодвух паэтаў. На мерапрыемствах Я. Купала выступаў з чытаннем уласных вершаў, а студэнцкая моладзь далучылася да ўдзелу з прысвячэннямі і дэкламацыяй яго твораў. У 1920-я гг. асэнсаванню літаратурнай творчасці песняра былі прысвечаны навуковыя публікацыі: “З жыццяпісу Я. Купалы” (1925) А. Бабарэкі, “Асноўныя этапы ў развіцці лірыкі Я. Купалы” (1925) М. Піятуховіча, “Паэмы Я. Купалы: сюжэтная пабудова і стыль” (1927) А. Вазнясенскага, “Беларуская драматургія. Драматычныя творы Я. Купалы” (1927) І. Замоціна і інш. Поўныя залы навучэнцаў, дзеячаў беларускай культуры і прыхільнікаў творчасці Я. Купалы на прысвечаных яму мерапрыемствах былі яркім знакам пашаны, увагі да паэта, яго вялікай папулярнасці.

У 1930-я гг. традыцыя аўтарскіх чытанняў працягвалася. У 1932 г. разам з Я. Коласам, М. Хведаровічам і іншымі пісьменнікамі Я. Купала прыняў удзел у літаратурнай вечарыне, прысвечанай гадавіне пастановы ЦК ВКП(б) “Аб перабудове літаратурна-мастацкіх арганізацый”, на якой ён дэкламаваў уласныя вершы. У 1936 г. паэт выступіў з чытаннем сваіх твораў на міжнароднай літаратурнай сустрэчы, арганізаванай у БДУ.

Афіцыйна правядзенне Купалаўскіх чытанняў было распачата ў адпаведнасці з пастановай Савета Народных Камісараў БССР і Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі бальшавікоў Беларусі ад 4 жніўня 1945 г. “Об увековечении памяти народного поэта Белоруссии Янки Купалы” (далей – пастанова). Згодна п. 9 пастановы Прэзідыум Акадэміі навук БССР і Саюз пісьменнікаў БССР абавязалі ў мэтах усебаковага вывучэння літаратурнай спадчыны паэта, папулярызацыі і спадкавання літаратурных традыцый праводзіць штогод купалаўскія чытання з дакладамі аб жыцці і творчасці класіка беларускай літаратуры.

Арганізатарамі Купалаўскіх чытанняў у розны час выступалі Дзяржаўная бібліятэка імя У. І. Леніна, Мінскі педагагічны інстытут імя А. М. Горкага. Рэгулярны характар чытання арымалі ў Гродзенскім педа-

гагічным інстытуце, дзе яны праходзілі з 1958 па 1965 гг., а з 1995 г. былі адноўлены на базе Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы як Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні.

З самага пачатку арганізацыі ў 1995 г. Міжнародных Купалаўскіх чытанняў на базе Дзяржаўнага літаратурнага музея Я. Купалы іх праблемнае поле вылучалася навукова-практычнай і прыкладной значнасцю вядучых тэм, абраных для абмеркавання. Згодна з рэзалюцыяй аргкамітэта ў тэматыку ўключаліся найменш вывучаныя і найбольш складаныя пытанні. Значнае месца ўдзялялася міжлітаратурным і кампаратыўным даследаванням.

Вывучэнне генетычных сувязей пад час чытанняў праводзілася шляхам аналізу станаўлення творчай індывідуальнасці песняра, вызначэння яе ўздзеяння на беларускіх і іншанацыянальных пісьменнікаў. Разглядаліся творчыя кантакты паэта з А. Будзькам, Ю. Віцьбічам, Г. Гарэцкім, М. Гарэцкім, Б. Эпімах-Шыпілам і інш. Тыпалагічныя сувязі высвятляліся шляхам супастаўлення творчасці Я. Купалы з творамі Г. Дзяржавіна, Ю. Крашэўскага, М. Лермантава, А. Міцкевіча, М. Някрасава, А. Пушкіна, Я. Райніса, У. Сыракомлі, Т. Шаўчэнкі і інш.

Адной з цэнтральных праблем, узнятых у межах чытанняў, з'яўлялася даследаванне перакладной купаліянны. Нягледзячы на існаванне грунтоўных навуковых прац, прысвечаных асобе Я. Купалы-перакладчыка і перакладам твораў паэта на асобныя мовы свету ("Янка Купала – мастер художественного перевода" (1958) С. Александровіча [2], "Поэзия Янки Купалы в русских переводах" (1973) Ц. Ліякумовіча [3], "Янка Купала – перекладчик" (1985) Д. Палітыкі [4] і інш.), напрыканцы XX – напачатку XXI ст. важна было комплексна паглядзець на адметнасць перакладной купаліянны і разгледзець яе ў ракурсе сучасных канцэпцый перакладазнаўства, з выкарыстаннем міждысцыплінарнага падыходу.

На працягу апошніх дзесяцігоддзяў назіраецца ўстойлівая цікавасць да аналізу праблемы ўспрымання творчасці пісьменніка ў іншакультурным асяроддзі (працы Н. Д. Малдаўскай, М. І. Кудрашова, У. Г. Маранцмана, Г. І. Беленькага, І. С. Збарскага, В. А. Даманскага і інш.). І таму небеспадна ўзнікае зварот да яе з боку ўдзельнікаў чытанняў, тым больш, што Я. Купала вызначаны як адна з самых парадаксальных фігур у плане ўспрымання [5, с. 77]. Даследаванне актуальных аспектаў праблемы праходзіла ў асноўным у фармаце міжлітаратурных сувязей – разглядалася ўспрымання твораў Я. Купалы пісьменнікамі і перакладчыкамі розных краін ("Янка Купала і нарвежская літаратура" І. Багдановіч, "Янка Купала і Літва" І. Ключановіч, "Прысутнасць творчасці Янкі Купалы ў нямецкамоўным свеце" У. Сакалоўскага, "Праблемы рэцэпцыі і інтэрпрэтацыі творчай спадчыны Янкі Купалы ў Балгарыі" С. Самахвала і інш.).

Сярод кірункаў вывучэння мастацкага перакладу, што знайшлі ўвасабленне ў якасці метадалагічнай базы для практычнага аналізу, вылучаецца разгляд перакладу як 1) з'явы сусветнага кантэксту ў нацыянальным; 2) іншанацыянальнага ў сусветным; 3) сродку тыпалагічнага адзінства нацыянальных культур у межах сусветнай культуры.

Дзякуючы чытанню атрыманы новыя звесткі пра пераклады твораў Я. Купалы, зробленыя замежнымі перакладчыкамі (“Янка Купала ў Грузіі: пошукі, новыя знаходкі” Я. Цвіркi, “Переводы поэзии Я. Купалы на литовский язык” А. Лапiнскене, “Переклады твораў Янкі Купалы на міжнародную мову эсперанта” Л. Сiльновай, “Творы Янкі Купалы ў перакладах на славацкую мову: гісторыя і сучаснасць” М. Труса і iнш.), у якіх аналізуецца шлях паэта да замежнага чытача, папулярнасць яго па-за межамі краіны, адметнасць і мастацкі ўзровень перакладаў.

Сярод папулярных аб’ектаў, да якіх звярталіся перакладазнаўцы падчас чытанняў, вылучаецца верш “А хто там ідзе?” (“Верш Янкі Купалы «А хто там ідзе?» ў перакладзе М. Горкага як крыніца для iншых перакладаў” Г. Кажамякіна, “Гэта мы, але гэта і вы...” У. Содаля, “Міхайла Кацюбiнскі і яго пераклад верша Янкі Купалы «А хто там ідзе?” Т. Кабржыцкай і В. Рагойшы, “Некалькі перакладаў Янкі Купалы з леташняга нумара аднаго вугорскага часопіса пра Беларусь” П. Бараса і iнш.).

Сiстэматызацыя і абагульненне напрацовак чытанняў дазваляе вызначыць чатыры асноўныя тэматычныя групы, сфарміраваныя паводле перакладазнаўчай праблематыкі, у якіх раскрываецца разнастайнасць аб’ектаў даследавання:

- раскрыццё творчай дзейнасці Я. Купалы-перакладчыка (вызначаюцца мэты і задачы, якія ставіў перад сабой пясняр падчас узнаўлення iншакраiнных твораў, аналізуюцца ўвасобленыя iм прынцыпы і падыходы да перакладу, фактары і ўмовы, што аказалі ўплыў на характар яго дзейнасці і перакладчыцкія рашэнні);

- адметнасць перакладной спадчыны класіка (узнаўленне iм твораў Г. Гесэ, П. Гiрныка, Е. Жулаўскага, М. Канапніцкай, І. Крылова, А. Мiцкевіча, М. Някрасава, А. Пушкіна, У. Сыракомлі, Т. Шаўчэнкі і iнш.);

- разгляд купаліянны на замежных мовах (пераклады на англійскую (В. Рыч), балгарскую (Н. Вылчава), венгерскую (П. Бараса), літоўскую (А. Венцлавы, Л. Гiра, А. Жукаўскаса), нямецкую (Х. Цынер, М. Цымерынга), русiнскую (М. Ковача), рускую (М. Горкага, Н. Кісліка), сербахарвацкую (Д. Максімавіч), украiнскую (М. Кацюбiнскага, Д. Паўлычкі), французскую (Л. Арагона), эсперанта (Б. Берына, А. Паўлюкаўца, П. Чаляўскаса)) і iншыя мовы;

- гісторыя і метадалогія беларускага мастацкага перакладу і эвалюцыя творчай дзейнасці Я. Купалы-перакладчыка (разгляд ролі і значэння перакладчыцкай дзейнасці першага народнага паэта Беларусі ў кантэксце сучасных канцэпцый развіцця мастацкага перакладу).

Развіццю беларускага перакладазнаўства спрыяў разгляд тэарэтыка-метадалагічных праблем мастацкага перакладу, узнятых падчас чытанняў:

- аналіз тыпалагічных сыходжанняў, канвергенцый, вызначаных сутнаснай блізкасцю паміж літаратурамі розных краін і эпох, уплываў і традыцый, выяўленых у алюзіях, рэмінісцэнцыях, прамых адсылках,

абумоўленых культурнымі і асабістымі кантактамі (“Інварыянт і варыятыўнасць у мастацкіх перакладах вершаў Янкі Купалы на ўсходнеславянскія (руская, украінская) сінтэтычныя і паўднёваславянскую (балгарская) аналітычную мовы” Д. Бубнова, “Янка Купала – перакладчык з нямецкай мовы” Е. Лявонавай, “Кабзар «гаворыць» за Купалу: духоўны свет Янкі Купалы ў перакладах 30-х гадоў” П. Навойчыка);

- выяўленне ролі падрыхтоўчага этапу ў перакладчыцкай дзейнасці і пошук методыкі ўзнаўлення аўтарскага стылю (“Адам Міцкевіч ва ўзнаўленнях Язэпа Семяжона і Купалаўскія традыцыі мастацкага перакладу” І. Лапцёнак, “Польскамоўныя вершы Янкі Купалы” У. Мархеля, “Асаблівасці перакладу балады Адама Міцкевіча «Тры Будрысы» Янкам Купалам” К. Хазанавай);

- вызначэнне характару адэкватнасці перакладнога твора (“Праблема адэкватнасці ў Купалаўскай перакладчыцкай канцэпцыі” М. Кенькі, “Янка Купала – перакладчык Адама Міцкевіча” У. Мархеля);

- адметнасць узнаўлення санетных форм (“Санетарый Янкі Купалы ва ўкраінамоўным узнаўленні Дмытра Паўлычкі” В. Рагойшы, “Санеты Янкі Купалы ў перакладзе на англійскую мову” М. Дрозд, Н. Ніжнёвай, Ю. Сакаловай, Л. Хмурэц);

- магчымасці поліварыянтнага ўзнаўлення сілабікі, перакладу старажытных тэкстаў (“Пераклад Янкі Купалы «Слова пра паход Ігаравы»: узнаўленне назвы” К. Хазанавай) і інш.

Глыбока і шматаспартна прадстаўлена ў межах чытанняў спадчына Я. Купалы-перакладчыка. Прааналізаваны прынцыпы падыходу да пераўвасаблення іншакраінных твораў у купалаўскай перакладчыцкай дзейнасці з самага яе пачатку да 1940-х гг. Аўтарамі чытанняў, вядомымі літаратура- і перакладазнаўцамі прапанаваны новы погляд на перакладчыцкую творчасць паэта – адлюстраваны працэс выпрацоўкі яго падыходаў да перакладу, дзейнасць па ўдасканаленню існуючых перакладаў і стварэнню новых; раскрыта яго стаўленне да паэтычных традыцый падчас выбару мастацкіх твораў для ўзнаўлення; вызначаны вершы, якія аднесены да наслідаванняў (вольных перакладаў).

У межах чытанняў быў увасоблены і ўласны перакладчыцкі вопыт удзельнікаў. Так, У. Мархель, які ўзнавіў польскамоўныя санеты Я. Купалы, лічыў асабліва важным для перакладчыка максімальнае “паглыбленне” ў тэкст арыгінальнага твора і скрупулёзнае асваенне аўтарскай стылістыкі: “... я ўзяўся перачытваць творы паэта, бо разумеў, што без стылізацыі тут ніяк не абысціся і што да перакладу трэба адпаведна рыхтавацца. З лексічнага масіву твораў Купалы былі выпісаны тыя словы, выразы, іх формы і сінтаксічныя канструкцыі, якія не сталі пазней літаратурнай нормаю, але былі тыпова купалаўскімі, напрыклад: пахлебствы, мысль, адазвешся, здаваецца, ускрэснуць, паглёд, абламляе, плесня, вочай, ночай, столляй, добрасць, аднолька, цягам, прашкода, сваей, таей, грошы многа, мне сэрца ные і г.д. Складзены з выпісаных словаў кішэнны лексікон быў заўсёды пры

мене, і ў кожным зручным выпадку я праглядаў яго, пакуль не адчуў, што купалаўскія выразы сталі маімі. Увайшоўшы такім чынам у моўную стыхію паэта, можна было распачынаць перакладчыцкую працу” [6, с. 209].

Такім чынам, даследаванне праблематыкі Міжнародных Купалаўскіх чытанняў сведчыць, што яны з’яўляюцца адметнай формай тэарэтычнага і практычнага разгляду літаратурнай спадчыны песняра. Знаёмства з гісторыяй іх станаўлення дазваляе пашырыць уяўленне пра ролю творчай асобы ў развіцці нацыянальнай літаратуры, садзейнічае вывучэнню літаратурнай рэпутацыі пісьменніка.

У выніку праведзенай сістэматызацыі і абагульнення навуковых распрацовак, прысвечаных купалаўскім перакладам і ўзнаўленням яго твораў на розныя мовы свету, вызначана, што Міжнародныя Купалаўскія чытання ўяўляюць сабой разгалінаваную навукова-практычную базу, дзе фарміруюцца напamкi развіцця купалазнаўства, апрабуюцца вынікі распрацовак у галіне перакладазнаўства, як у дачыненні да спадчыны Я. Купалы, так і ў адносінах да творчасці іншых пісьменнікаў Беларусі і замежжа. Пераклады пры гэтым разглядаюцца як арганічная частка творчасці пісьменніка, адметны сродак міжкультурнай камунікацыі, міжлітаратурнага ўзаемаабмену і ўзбагачэння.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 205. Воп. 1. Спр. 160. Л. 7.
2. *Александровіч, С. Х.* Янка Купала – мастер художественного перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / С. Х. Александровіч ; АН БССР, Ин-т лит. им. Янки Купалы. – Минск, 1958. – 18 с.
3. *Лиокумович, Т. Б.* Поэзия Янки Купалы в русских переводах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01, 10.01.03 / Т. Б. Лиокумович. – Минск, 1973. – 18 с.
4. *Палітыка, Д.* Янка Купала – перакладчык : літ.-крытыч. артыкулы / Д. Палітыка. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 80 с.
5. *Литовская, М. А.* Особенности восприятия творчества Янки Купалы русскими студентами : из опыта преподавания в Уральском университете / М. А. Литовская, Т. А. Снегирева // Купалаўскія чытання : навук. канф., прысвеч. 106-й гадавіне з дня нараджэння Янкі Купалы і 80-годдзю яго першага зборніка “Жалейка” : зб. тэз. дакл. і паведамленняў / склад. С. С. Майхровіч. – Мінск, 1991. – С. 76–78.
6. *Мархель, У.* Польскамоўныя вершы Янкі Купалы / У. Мархель // Янка Купала і еўрапейскі літаратурны працэс : VI Міжнар. Купалаўскія чытання, Мінск, 4–5 ліпеня 2002 г. / укл. А. Бурбоўская ; рэдкал. В. Рагойша (рэд.), І. Багдановіч, Ж. Дапкюнас. – Мінск : Бел. кнігазбор, 2003. – С. 208–209.

Поступила в редакцию 30.03.2023

Якушава Алена Мікалаеўна

кандыдат філалагічных навук,
навуковы супрацоўнік аддзела
лексікалогіі і лексікаграфіі

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі
навук Беларусі

г. Мінск, Беларусь

Alena Yakushava

PhD in Philology, research staff member
of the Department of Lexicology
and Lexicography

Research Centre for the Belarusian Culture,
Language and Literature of the National
Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

66avvora66@rambler.ru

**ПРА АСАБЛІВАСЦІ СЕМАНТЫКА-ГРАМАТЫЧНАЙ
СПАЛУЧАЛЬНАСЦІ СЛОЎ У МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ
(на прыкладзе твораў І. Шамякіна)**

**ON THE ISSUES OF SEMANTICAL-GRAMMATICAL CO-OCCURRENCE
OF WORDS IN A LITERARY TEXT
(on the Example of I. Shamyakin's Works)**

У артыкуле на матэрыяле мастацкіх твораў І. П. Шамякіна даследуюцца некаторыя пытанні семантыка-граматычнай спалучальнасці слоў, іх сінтагматычныя адносіны паміж сабой. Паказваецца роля граматычнай спалучальнасці розных лексіка-граматычных разрадаў слоў. Раскрываецца значнасць граматычнай спалучальнасці, якая фіксуе больш агульныя заканамернасці ўжывання слова. Аналізуецца структура словаспалучэнняў, абумоўленая семантыкай і прыналежнасцю яе кампанентаў да пэўных часцін мовы. Граматычная спалучальнасць даследуецца ў яе непарыўнай сувязі з лексічнай спалучальнасцю як важнейшым індывідуальным сродкам праяўлення значэння слова і яго парадыгматычных сувязей.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *моўныя адзінкі; граматычная спалучальнасць; сінтаксічныя сувязі; словазлучэнне; граматычная форма; часціна мовы; сінтаксічная канструкцыя.*

In the article, based on the material of the literary works of I. P. Shamyakin, some questions of the semantical-grammatical co-occurrence of words, their syntagmatic relations with each other are investigated. The role of grammatical co-occurrence of different lexical and grammatical categories of words is shown. The significance of grammatical co-occurrence is revealed, which fixes more general patterns of word usage. The structure of word combinations, determined by semantics and belonging of its components to certain parts of speech, is analyzed. Grammatical co-occurrence is studied in its continuous connections with lexical co-occurrence as the most important unique means of expressing the meaning of a word and its paradigmatic links.

Key words: *language units; grammatical co-occurrence; syntactic links; phrase; grammatical form; part of speech; syntactic construction.*

Тэкст – гэта адна з важнейшых лінгвістычных катэгорый, дзе моўныя адзінкі рэалізуюцца не ізалявана, а ў цеснай сувязі паміж сабой. Вывучэнне слова як цэнтральнай адзінкі мовы немагчыма без звароту да яго спа-

лучальнасці, таму што толькі ў спалучальнасці з іншымі словамі лексема праяўляе свае ўнутраныя якасці і патэнцыі. Сярод шматлікіх актуальных задач сучаснай лінгвістыкі адно з прыярытэтных месцаў належыць пытання вывучэння граматычнай спалучальнасці слоў, бо, як адзначаў В. У. Вінаградаў, “у правілах спалучэння слоў, у заканамернасцях розных відаў і тыпаў словаспалучэнняў ярка праяўляецца нацыянальная спецыфіка мовы” [1, с. 232]. Спалучальнасць з’яўляецца адной з фундаментальных уласцівасцей моўных адзінак, якая адлюстроўвае сінтагматычныя адносіны паміж імі.

Найважнейшым аспектам сінтаксісу з’яўляецца вывучэнне і вычарпальнае апісанне граматычнай спалучальнасці слоў, іх сінтагматычных асаблівасцей, прымет, якія абумоўліваюць іх здольнасць граматычна правільна спалучацца з іншымі словамі (адным словам, групай ці класам слоў). Граматычныя сувязі слоў у мове з’яўляюцца вынікам іх сэнсавага ўзаемадзеяння аднаго з адным. Многія лінгвісты звярталіся да праблемы граматычнай спалучальнасці. Гэтае пытанне закранаецца ў даследаваннях Б. А. Абрамава [2, с. 10], У. Р. Адмоні [3, с. 111], Б. А. Плотнікава [4, с. 5–6], Л. Д. Часнаковай [5, с. 5–8], Д. М. Шмялёва [6, с. 10–11] і інш. У працах такіх лінгвістаў, як Ю. Д. Абрэсян [7, с. 81], А. А. Валашэнка [8, с. 28], Л. І. Гаўрылава [9, с. 126–127], Д. Л. Дактарэвіч [10, с. 111], А. С. Кубракова [11, с. 26], даецца вызначэнне граматычнай спалучальнасці, падкрэсліваецца яе адрозненне ад спалучальнасці лексічнай.

Вывучэнне сферы спалучальнасці слова прадугледжвае даследаванне яго непасрэдных сінтаксічных сувязей. Гэтыя сувязі ляжаць у межах простага словазлучэння, якое з’яўляецца мінімальнай сінтаксічнай адзінкай і валодае пэўнай сінтаксічнай структурай. Аналіз сінтаксічных сувязей слова ў межах простага словазлучэння дае ўяўленне аб характэрных рысах яго граматычнай спалучальнасці. На думку Л. Д. Часнаковай, “рэалізацыя спалучальнасці здзяйсняецца толькі ў выглядзе некаторага спалучэння слоў – канструкцыі” [12, с. 90]. Канструкцыя як адзінка выказвання на сінтаксічным узроўні ўключае ў сябе паказчыкі лексічнага і марфалагічнага ўзроўней. Здольнасць слоў спалучацца паміж сабой вызначаецца не толькі іх семантычнымі, але і граматычнымі асаблівасцямі. Спалучальнасць з’яўляецца асобай граматычнай характэрнай адзнакай, якая ўласціва кожнай граматычнай форме. Лексічныя адзінкі заўсёды тым або іншым чынам граматычна аформленыя і ўступаюць у спалучэнні адна з адной па граматычных правілах. Пад *граматычнай спалучальнасцю* разумеецца магчымасць злучэння пэўных лексіка-граматычных разрадаў слоў у вызначанай граматычнай форме. З гэтага азначэння вынікае, што ўяўленне пра спалучальнасць у дачыненні да слова як моўнай адзінкі разглядаецца на сінтаксічным узроўні і цесна звязана з граматычнай структурай. Граматычная спалучальнасць залежыць ад прыналежнасці слова да пэўнай часціны мовы, ад яго граматычнай формы і сінтаксічнага статусу. Пры спалучальнасці слоў,

акрамя часцінамоўнага значэння, істотную ролю адыгрывае іх прыналежнасць да пэўнага лексіка-граматычнага разраду або граматычнай катэгорыі. Гэтым абумоўлена, напрыклад, магчымасць спалучэння прыслоўяў ступені з абстрактнымі назоўнікамі (*амаль непасрэднасць*), канкрэтных назоўнікаў з прыслоўямі месца (*ні хрэпу побач, нос угору, на сто метраў вакол*), адушаўлёных назоўнікаў з прыслоўямі месца і прыслоўямі ступені (*побач з нябожчыкам, дужа стары*).

У артыкуле на прыкладзе мастацкіх твораў І. Шамякіна мы разгледзім некаторыя асаблівасці семантыка-граматычнай спалучальнасці розных часцін мовы. Так, прыслоўі на *-а* рэдка спалучаюцца з назоўнікамі. Зафіксаваныя намі нешматлікія прыклады такога словазлучэння з'яўляюцца хутчэй за ўсё па-мастацку афарбаваным, выразным вобразным сродкам: – *А скажы шчыра [Тарас], сумна ў такой брыгадзе?* [Ш-5, с. 94]. *Мне прыгажэй з косамі* [Ш-2, с. 169]. Прыслоўі, утвораныя пры дапамозе суфікса *-ы*, сустракаюцца ў адзінкавых выпадках, што адлюстроўваецца і на прадуктыўнасці адпаведных словазлучэнняў: *па-дзявочы прыгожыя зубы, па-дзіцячы падкурчыўшы ногі*. Акалічнасныя прыслоўі, якія абазначаюць знешнюю прымету ў адносінах да яе носбіта і характарызуюць дзеянне, прымету або прадмет з боку месца, часу, мэты, прычыны і іншых акалічнасцей, шырока спалучаюцца з дзеясловамі і ўтвараюць з імі самы шматлікі і прадуктыўны тып. Гэтыя словазлучэнні маюць акрэсленае значэнне, ускладненае акалічнаснымі адценнямі месца, часу, сумеснасці, прычыны, мэты. Свабоднаму ўтварэнню канструкцый з акалічнаснымі прыслоўямі садзейнічае надзвычай развітая семантыка дзеяслоўна-прыслоўных словазлучэнняў. Прыслоўі сумеснасці спалучаюцца з дзеясловамі і вызначаюць дзеянне па спосабе яго ажыццяўлення: *Хоць чорт яго ведае: даглядае ці не даглядае, навізна ў іх – разам працуюць, хабарнікі* [Ш-4, с. 348]. Словазлучэнні з прыслоўямі прычыны абмежаваны з боку прыслоўяў, што абумоўлена граматычным аспектам іх утварэння і ўжывання. Так, прыслоўе *таму* спалучаецца з дзеясловам, які скіроўвае на абазначэнне прычыны дзеяння: *таму яе прыродная краса была там яркая, кідалася ў вочы* [Ш-3, с. 90].

Вобразнае ўжыванне агульнавядомых спалучэнняў з парадкавымі лічэбнікамі ў мастацкім тэксце пазбаўляе лічэбнік асноўнай граматычнай прыкметы: выступаць у якасці дакладнага абазначэння ліку або колькасці, таму нельга казаць у строгім значэнні тэрміна пра ўласна лічэбнікі, калі яны ўжываюцца як тропы. У дадзеным выпадку лічэбнікі як бы выходзяць за межы гэтай часціны мовы і набываюць ацэначнае значэнне. Напрыклад: *сустрэла мяне Валянціна Андрэеўна, настаўніца мая першая і незабыўная* [Ш-2, с. 326]. *Але гэта было першае юнацкае захапленне, а вядома, што яно заўсёды самае прыгожае* [Ш-2, с. 175], *Было першае спатканне ў жыцці. А каго яно не хвалявала? Хто не помніць свайго першага спаткання?* [Ш-2, с. 46], *Не маглі не скарыць мяне [Філіпчыка], ап'янелага ад першага кахання, ад першага пацалунку, такія просьбы, такія словы Катрусіны*

і кухарчыны [Ш-3, с. 251], *З поціскам яе [Жэні] цёплай рукі прыйшла да яго [Сашы] тая вялікая радасць і тое незвычайнае хваляванне, якое прыходзіць толькі раз у жыцці – у час **першага кахання*** [Ш-2, с. 42], *Успамінала [Вольга Пятроўна] сваё маленства і **першае гора** ў сям'і – смерць бацькі* [Ш-2, с. 21], *А гэтая [чарга] стаяла ціха, як бы прыслухоўваючыся да нечага – як слухаюць **першы вясновы гром*** [Ш-3, с. 252], *У наветры пырхалі **першыя сняжынкі** – патыхала зімой* [Ш-3, с. 267], *На дварэ ішоў снег – той **добры першы снег**, які ляціць лёгкімі пушынкамі, сцелецца роўна і прыносіць прыемны спакой і дрымоту* [Ш-2, с. 116].

Граматычная спалучальнасць няпэўных займеннікаў залежыць ад таго, на што яны няпэўна паказваюць. Калі на асобу ці прадмет, то яны звычайна ўваходзяць у граматычную аснову сказа: *Лісце шумела пад нагамі, і **Наташы** часам здавалася, што **нехта шэпчаца** за дрэвамі* [Ш-1, с. 209]. Калі няпэўна паказваюць на прымету ці прыналежнасць прадмета або на асобу ці прадмет, якія трэба вылучыць з групы іншых, то ў такой спалучальнай канструкцыі, акрамя назоўніка, прысутнічае і прыметнік: *Расказаў яму [Міколу] пра Мінск, пра падпольшчыкаў, часткова сказаў праўду пра сваю дзейнасць, **некаторыя гераічныя ўчынкі** сачыніў, каб узняць сваю ролю* [Ш-4, с. 120]. *Уначы Ярохін прачнуўся ад **нейкага дзіўнага шуму*** [Ш-1, с. 179]. *Ад гэтага пылу іх [людзей] чорнае цела набыло **нейкі брудна-попелавы колер*** [Ш-1, с. 216]. ***Нейкі нядобры халадок** штурхнуў у сэрца* [Ш-4, с. 178]. Найбольш распаўсюджанымі ў мастацкай мове з'яўляюцца спалучэнні азначальнага займенніка *самы* з атрыбутыўнымі кампанентамі як формы найвышэйшай ступені параўнання якасных прыметнікаў: ***Самы шчаслівы і самы гарачы** быў гэты кастрычніцкі дзень* [Ш-1, с. 263]. ***Самыя мазолістыя, шурпатыя, а ўсё роўна – самыя мяккія*** [Ш-3, с. 77]. Калі безасабовы дзеяслоў ужываецца ў словаспалучэнні ў пераносным значэнні, то, як правіла, наяўнасць назоўніка з'яўляецца абавязковым кампанентам у сінтаксічнай канструкцыі, таму што пры яго апушчэнні словаспалучэнне губляе ранейшы сэнс. З'яўленне субстантыўнага кампанента надае словаспалучэнню не толькі лексічную, але і граматычную завершанасць, садзейнічае рэалізацыі дзеясловам пераноснага значэння. У такіх словаспалучэннях безасабовае дзеянне ці стан з'яўляюцца канкрэтызаванымі: ***Цяпер ён [Яўмен] успамінаў гэтыя сустрэчы, і ў яго так светла, так хараша рабілася на сэрцы*** [Ш-2, с. 2]. Пры безасабовым дзеяслове ў словаспалучэнні магчыма наяўнасць назоўніка ў родным склоне з прыназоўнікам *ад*: ***Ад хмар гэтых людзям рабілася трывожна і змрочна ...*** [Ш-4, с. 183]. Такі назоўнік у роўнай ступені перадае і значэнне прычыны, і значэнне прылады дзеяння.

Граматычныя сувязі слоў у мове з'яўляюцца вынікамі іх сэнсавага ўзаемадзеяння аднаго з адным. Так, дзеепрыметнік як залежны кампанент субстантыўнага словаспалучэння ў структуры складаных словаспалучэнняў распаўсюджваецца іншымі словамі. У гэтым выпадку ўсе кампаненты словаспалучэння перадаюць адзінае значэнне: ***выпацканы ў ікру тварык,***

добра адпрасаваны касцюм, запырсканыя гразю танкі, у зацененай таполямі халаднаватай настаўніцкай, з нізка апушчанай кудлатай галавою, неахайна падняразаны селянін, у залітай амерыканскім сонцам кукурузе, чыста выгаленыя шчокі, чыста паголены твар. Граматычная спалучальнасць – гэта спалучальнасць граматычных форм. «Граматычны і семантычны пануючы бок не могуць лічыцца адзіным фактарам у вырашэнні пытання аб спалучальнасці, таму што граматычна залежны бок адыгрывае ролю рэгулятара, які вызначае дапушчальнасць сувязі і яе моц» [13, с. 196]. Напрыклад, дзеепрыметнікавыя словаспалучэнні развіваюцца пры дапамозе знамянальных і службовых слоў. У такіх развітых дзеепрыметнікавых слова-спалучэннях азначэнне перадаецца не толькі дзеепрыметнікам і назоўнікам, але і іншымі часцінамі мовы адначасова: *Сонца нядаўна схілілася з паўдня, але хавалася ўжо за лесам, і на дзялянку падаў доўгі зубчасты **цень, дзе-нідзе разрэзаны сонечнымі прасветамі*** [Ш-2, с. 122]. *Дзіўна, што не толькі прозвішчам, але і знешне ён [Раман Пятровіч] мала падобны на **чалавека маўклівага, панурага, не задаволенага жыццём*** [Ш-2, с. 54]. *Хвіліну Налётаў глядзеў на яе прыгожы стан, на **косы, блішчэўшыя золатам пад электрычным святлом, а потым усміхнуўся, ціха павярнуўся на каблуках і выйшаў*** [Ш-1, с. 86]. *Па лясной **сцежцы, звільстай і вузкай, засланай залатым дываном бярозавага лісця, ішлі тры чалавекі ў форменных шапках лясной варты*** [Ш-2, с. 122].

Спалучальнасць сінтаксічных адзінак абумоўлівае тыя або іншыя моўныя факты. На думку Р. Л. Алішчук [14, с. 18], І. А. Краснова [15, с. 7] і В. Я. Ломцевай [16, с. 8], пераходу дзеепрыметнікаў у прыметнікі можа садзейнічаць суседства з аднароднымі азначэннямі, выражанымі якаснымі прыметнікамі: *Кулямётчык глядзеў на мяне [Антон]. Я бачыў яго **вочы, маладыя, насцярожаныя, пільныя*** [Ш-5, с. 70]. *Ігнат Макаравіч узняў галаву, паглядзеў на маладыя дрэвы, і добрая ўсмішка асвятліла яго **хмуры, задумлівы і заклапочаны твар, густа ўзараны маршчынамі*** [Ш-2, с. 133]. *Цяпер яна [Міхаліна] была звычайная, простая, мілая, **прыгожая маладая жанчына, трохі як бы стомленая** за доўгі летні дзень* [Ш-3, с. 90]. *Начная раса, што ёд, абнякала **падрапаныя, пабітыя, закарэлыя** ад цыпак **босыя ногі*** [Ш-2, с. 346]. “Наяўнасць прыметніка сярод аднародных членаў уплывае на аякашчванне дзеепрыметніка, які таксама з’яўляецца аднародным членам сказа”, – лічыць В. Я. Ломцева [16, с. 8].

“Сінтаксічная спалучальнасць – гэта магчымасць ужывання словаформ у пэўных канструкцыях; яна вызначаецца лексіка-граматычнай характарыстыкай слоў, якія спалучаюцца” [17, с. 17]. Так, дзеясловы пранікнення з прыстаўкай *пра-* маюць патрэбу ў залежным кампаненце, які абазначае месца, праз якое трэба пранікаць: ***Прачасяць кусты!*** [Ш-3, с. 201], *Ротмістр Ягашын паслаў казакоў **прачасяць сасняк** ...* [Ш-3, с. 201]. Дзеясловы руху з прыстаўкай *за-* незалежна ад сваёй семантыкі патрабуюць залежнага кампанента прасторавага значэння ‘накіраванне куды’, які не можа быць апушчаны

без страты для семантычнай і структурнай завершанасці выказвання: *Андрэй на хвіліначку дадому заскочыў – узяць у дальнюю дарогу хлеб ды сухія анучы* [Ш-3, с. 286].

Адпаведна азначэнню Д. М. Шмялёва, “сінтаксічная спалучальнасць слова вызначаецца яго лексіка-граматычнай характарыстыкай” [18, с. 216] і можа быць зразуметая “як магчымасць ужывання слова ў пэўных канструкцыях” [18, с. 216]. Так, адносныя займеннікі ўжываюцца для сувязі частак у складаназалежным сказе, дзе паказваюць адносіны даданай часткі да галоўнай і з’яўляюцца падпарадкавальнымі незалежна ад таго, з якімі часцінамі мовы спалучаюцца: *Яна [Вольга Пятроўна] успомніла ўнучку, яе словы, што ішлі ад шчырага дзіцячага сэрца* [Ш-2, с. 26].

Такім чынам, сінтагматычны патэнцыял моўнай адзінкі залежыць, з аднаго боку, ад яе прыналежнасці да пэўнай часціны мовы, а з другога – ад яе семантыкі. Найбольш характэрнай сінтаксічнай асаблівасцю дзеепрыметнікаў і парадкавых лічэбнікаў як часцін мовы з’яўляецца іх спалучальнасць з назоўнікам, у якой дзеепрыметнікі і парадкавыя лічэбнікі з’яўляюцца падпарадкаванымі кампанентамі, а канструктыўна вядучым, стрыжнявым – назоўнік. Сінтаксічнай уласцівасцю дзеяслова з’яўляецца здольнасць распаўсюджвацца прыслоўем і назоўнікамі ва ўскосных склонах (з прыназоўнікамі і без прыназоўнікаў). Граматычная спалучальнасць фіксуе больш агульныя заканамернасці ўжывання слова, а лексічная спалучальнасць – больш індывідуальныя. Лексічная і сінтаксічная спалучальнасць слова з’яўляюцца важнейшым сродкам праяўлення значэння слова, яго парадыгматычных сувязей. Даследуючы словаспалучэнне з боку значэння, формы, функцыі, мы перш за ўсё звяртаемся да яго значэння, семантыкі, якая выяўляе істотныя асаблівасці граматычнай адзінкі. Сінтаксічная семантыка словаспалучэння ў многім вызначаецца лексічным напаўненнем кампанентаў, якія яго складаюць.

ЛІТАРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике ; редкол.: М. П. Алексеев [и др.]. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
2. *Абрамов, Б. А.* О взаимодействии лексики и грамматики / Б. А. Абрамов // Вопросы описания лексико-семантической системы языка : тез. докл., Москва, 16–18 нояб. 1971 г. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А. А. Санкин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1971. – Ч. 1. – С. 10–14.
3. *Адмони, В. Г.* Завершённость конструкции как явление синтаксической формы / В. Г. Адмони // Вопр. языкознания. – 1958. – № 1. – С. 111–117.
4. *Плотнікаў, Б. А.* Спалучальнасць слоў у беларускай мове : вучэб. дапам. / Б. А. Плотнікаў. – Мінск : Акад. кіравання пры Прэзідэнце Рэсп. Беларусь, 2005. – 113 с.

5. *Чеснокова, Л. Д.* Грамматическая сочетаемость слов в простом предложении и факторы, обуславливающие её / Л. Д. Чеснокова // Сочетаемость языковых единиц : сб. ст. / Таганрог. гос. пед. ин-т ; редкол.: Е. В. Олесеюк [и др.]. – Ростов н/Д, 1968. – С. 5–22.
6. *Шмелёв, Д. Н.* Синтаксическая сочетаемость слов в русском языке / Д. Н. Шмелёв // Рус. яз. в нац. шк. – 1961. – № 4. – С. 10–17.
7. *Апресян, Ю. Д.* Синонимия и синонимы / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1969. – № 4. – С. 75–91.
8. *Волошенко А. А.* Сочетаемость слов: лингвистический аспект и проблемы методики обучения в условиях двуязычия / А. А. Волошенко // Сравнительно-исторический и типологический аспекты изучения русского языка в Белоруссии : сб. науч. тр. / Минск. гос. пед. ин-т ; редсов.: М. Г. Булахов [и др.]. – Минск, 1985. – С. 26–32.
9. *Гаврилова, Л. И.* Синтаксическая сочетаемость – «порог варьирования» семантики французских многозначных глаголов / Л. И. Гаврилова // Функционирование языковых единиц в контексте : сб. ст. / Воронеж. ун-т ; редкол.: И. В. Крылова [и др.]. – Воронеж, 1978. – С. 126–135.
10. *Докторевич Д. Л.* Соотношение синтаксической и лексической сочетаемости слов антонимического ряда strong – weak / Д. Л. Докторевич // Принципы и методы лексико-грамматических исследований : крат. содер. докл. I Межкафедр. сем-ра аспирантов-языковедов, Ленинград, 24–26 января 1972 г. / Ленинград. гос. пед. ин-т ; редкол.: В. И. Кодухов (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1972. – Ч. 2. – С. 111–115.
11. *Кубрякова, Е. С.* Лексическая и синтаксическая сочетаемость слова и её отражение в процессах словообразования / Е. С. Кубрякова // Проблемы сочетаемости слов : сб. ст. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; отв. ред. Г. Ю. Князева. – М., 1979. – С. 24–31. – (Сборник научных трудов / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; вып. 145).
12. *Чеснокова, Л. Д.* Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном языке : материалы для спецкурса : в 2 ч. / Л. Д. Чеснокова. – Ростов н/Д : Рост. гос. пед. ин-т, 1972. – Ч. 1. – 136 с.
13. *Тагиев, М. Т.* Лексическое значение и сочетаемость слова / М. Т. Тагиев // Актуальные проблемы лексикологии : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф., Минск, 17–20 июня 1970 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Е. Супрун (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1970. – С. 195–196.
14. *Олищук Р. Л.* Адъективация причастий настоящего времени действительного залога и прошедшего времени страдательного залога в эпистолярном наследии Марка Туллия Цицерона, Луция Аннея Сенеки и Плиния Младшего : автореф. дис. ... канд фил. наук : 10.02.14 / Р. Л. Олищук ; Тбилис. гос. ун-т. – Тбилиси, 1987. – 20 с.
15. *Краснов И. А.* Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд фил. наук : 10.02.02 / И. А. Краснов ; Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1955. – 15 с.

16. Ломтева В. Е. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд фил. наук : 10.02.02 / В. Е. Ломтева ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1954. – 14 с.
17. Лашкевич, А. И. Именные словосочетания со значением метафорического количества / А. И. Лашкевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 142 с.
18. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие / Д. Н. Шмелёв. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.

КРЫЊІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

Ш-1 – Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2010. – Т. 1 : Апавяданні, 1944–1951. – 478 с.

Ш-2 – Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2010. – Т. 2 : Апавяданні, 1953–2003. – 511 с.

Ш-3 – Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2011. – Т. 3 : Аповесці, 1945–1970. – 399 с.

Ш-4 – Шамякін, І. П. Збор твораў : у 23 т. / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2011. – Т. 5 : Аповесці, 1988–1993. – 622 с.

Ш-5 – Шамякін, І. П. Сэрца на далоні : раман / І. П. Шамякін. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 414 с.

Поступила в редакцию 28.03.2023

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 2 (123), 2023

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *В. М. Василевская, Л. А. Кашианова, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 27.04.2023. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 6,28. Уч.-изд. л. 6,36. Тираж 100 экз. Заказ 19.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172